

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1997 году*

Серия Б
**Гуманитарные
науки**

3/2026

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р филос. наук, доц. **В.В. Волошин**, д-р ист. наук, проф. **А.А. Выборнов** (Самарский государственный социально-педагогический университет), д-р филос. наук, проф. **Г.В. Гребеньков** (Донецкая государственная музыкальная академия им. С.С. Прокофьева), д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН), д-р ист. наук, доц. **Д.С. Крысенко** (Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова), д-р ист. наук, доц. **А.И. Минаев** (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филос. наук, доц. **Т.Э. Рагозина** (Донецкий национальный технический университет), д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский государственный педагогический университет), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шенко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of History, Prof. **A.V. Bredikhin**, Doctor of Philosophy, Docent **V.V. Voloshin**, Doctor of History, Prof. **A.A. Vybornov** (Samara State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philosophy, Prof. **G.V. Grebenkov** (Donetsk state Prokofiev musical academy), Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences), Doctor of History, Docent **D.S. Krysenko** (Luhansk Voroshilov State Agricultural University), Doctor of History, Docent **A.I. Minaev** (Ryazan State University), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Lomonosov Moscow State University), Doctor of Pedagogy, Doctor of Philosophy, Docent **T.E. Ragozina** (Donetsk National Technical University), Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Luhansk State Pedagogical University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, ДНР, РФ.

Тел: +7(856) 302-92-33

E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

С 01.10.2024 г. научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

Вестник
Донецкого
национального
университета
Серия Б: Гуманитарные науки

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 1997 ГОДУ
№ 3/2026

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Бредихин А.В., Янченко Д.С.</i> Идея арабского единства в межарабских отношениях в 50–60-х гг. XX века	5
<i>Ешпанов В.С.</i> Мероприятия по повышению производительности труда на Оренбургской железной дороге в завершающий период Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.)	13
<i>Колесник А.В., Барков А.В.</i> К характеристике технологической базы каменных индустрий позднего палеолита Среднего Енисея	21
<i>Минаев А.И.</i> Международные отношения в эпоху Древности и формирующаяся многополярность	31
<i>Разумная Н.Н.</i> Проявление кризиса на металлургических заводах Юга России в конце 1916 года	39

Философия

<i>Елхова О.И.</i> Экологическое сознание в генеративной реальности метаверса	51
<i>Емельянова Н.Н.</i> Ментальные особенности отечественного философствования	61
<i>Шатохина Н.П.</i> Особенности понимания свободы в информационном обществе	71

Педагогика

<i>Гончарова И.В., Петренко М.В., Никитенко И.Н.</i> Визуализация историко-математического контента с помощью нейросетей: повышение мотивации на уроках алгебры	80
---	----

<i>Кудрейко И.А.</i> Нестандартные задачи как средство развития логического мышления обучающихся	91
<i>Фурсова Д.А., Демина Д.А., Гусейнова И.А., Горожанов А.И.</i> Аксиологические основания образовательного подхода «обучение служением» в российском университете	100
<i>Халудорова Л.Е.</i> Педагог-наставник как носитель духовно-нравственных ценностей	110
Правила для авторов	117

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B: Humanities

No 3/2026

CONTENTS

History

<i>Bredikhin A.V., Yanchenko D.S.</i> The idea of Arab unity in inter-arab relations in the 50–60s of the 20th century	5
<i>Yeshpanov V.S.</i> Measures to improve labor productivity on the Orenburg Railway during the final period of the Great Patriotic War (1944–1945)	13
<i>Kolesnik A.V., Barkov A.V.</i> To the characterization of the technological base of stone industries of the late paleolithic of the Middle Yenisey	21
<i>Minaev A.I.</i> Relations in the age of Antiquity and emerging multipolarity international	31
<i>Razumnaya N.N.</i> The manifestation of the crisis in the metallurgical plants of Southern Russia at the end of 1916	39

Philosophy

<i>Elkhova O.I.</i> Ecological Consciousness in the Generative Reality of the Metaverse	51
<i>Yemelyanova N.N.</i> Mental features of domestic philosophy	61
<i>Shatokhina N.P.</i> Features of understanding freedom in the information society	71

Pedagogy

<i>Goncharova I.V., Petrenko M.V., Nikitenko I.N.</i> Visualizing historical and mathematical content using neural networks: improving motivation in algebra lessons	80
<i>Kudreiko I.A.</i> Non-standard tasks as a means development of students' logical thinking	91

<i>Fursova D. A., Demina D. A, Guseynova I. A., Gorozhanov A. I.</i> Axiological foundations of the educational approach "service-learning" in a Russian university	100
<i>Khaludorova L.E.</i> A teacher-mentor as a carrier of spiritual and moral values	110
Guidelines for authors	117

ИСТОРИЯ

УДК 94(53+569.4)

DOI: 10.5281/zenodo.22770252

EDN: JRWHUM

ИДЕЯ АРАБСКОГО ЕДИНСТВА В МЕЖАРАБСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 50–60-Х ГГ. XX ВЕКА

© 2026 *А.В. Бредихин, Д.С. Янченко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Период после окончания Второй мировой войны ознаменовался явной перестройкой системы международных отношений и изменением политической обстановки во многих регионах земного шара. Ближний Восток, на территории которого усилились интеграционные процессы, выразившись в создании Лиги Арабских государств (ЛАГ), не стал исключением.

В статье предпринята попытка изучения идеи арабского единства как составляющего компонента межарабских отношений в 50–60-х гг. XX века. Также рассматриваются основные тенденции развития межарабских отношений и определяется их соответствие идеологии панарабизма.

Ключевые слова: Ближний Восток, идея арабского единства, панарабизм, панисламизм, межарабские отношения, конфронтация.

Формирование Лиги арабских государств (ЛАГ) и провозглашение Государства Израиль привели к значительным трансформациям в политическом ландшафте Ближнего Востока. Палестинская проблема после исхода палестинцев (Накба) и поражения арабских государств в первой арабо-израильской войне 1948–1949 гг. также вышла на качественно иной уровень, став проблемой общеарабского масштаба, во многом определяющей вектор внутрирегионального общественно-политического развития.

Важность изучения поставленной темы определена необходимостью лучшего понимания современных аспектов политического развития ближневосточного региона путем реконструкции его исторического прошлого с учетом таких условий, как палестинская проблема, идея арабского единства и холодная война.

Цель статьи заключается в изучении идеи арабского единства в межарабских отношениях в 50–60-х гг. XX в. посредством анализа ключевых событий, протекающих на Ближнем Востоке.

Хронологические рамки исследования охватывают период от 1952 до 1967 гг., от Июльской революции в Египте и прихода к власти Г.А. Насера до Шестидневной войны, которая завершилась победой Израиля.

В ночь на 23 июля 1952 г. тайная военная организация «Свободные офицеры», возглавляемая Гамалем Абдель Насером, осуществила революционный переворот, который ознаменовал начало антиимпериалистической и антифеодальной революции в Египте. Король Фарук был вынужден отречься от престола в пользу своего семимесячного сына 26 июля того же года и покинуть страну. Власть перешла к Совету революционного командования (СРК), при котором был создан Регентский совет. Генерал М. Нагиб был назначен номинальным лидером, в то время как Насер, фактический руководитель СРК, занял пост его заместителя [1, с. 155-156].

В период своего правления (1952–1970) Г.А. Насер инициировал и продвигал концепцию панарабизма, направленную на консолидацию арабского мира вокруг политики Египта и формирование единого фронта против западного влияния. Его стратегические действия, особенно в контексте Суэцкой войны 1956 г., стали знаковыми событиями в региональной и мировой политике. Насер умело использовал дипломатические и риторические инструменты для противодействия планам Великобритании и США, направленным на раздел Ближнего Востока, и добился значительной консолидации арабских государств. Благодаря своему политическому мастерству, Насер национализировал Суэцкий канал, что вызвало острый международный кризис и привело к военному вмешательству со стороны Великобритании, Франции и Израиля. Однако, несмотря на временные успехи этих держав, их военная операция завершилась провалом, что укрепило позиции Насера и его идеи. В этот период он также активно использовал свои ораторские способности для формирования концепции арабской нации как единого политического и культурного субъекта. Насер определял египетский стиль панарабизма как прогрессивный и популистский, противопоставляя его традиционным монархическим режимам, таким как Саудовская Аравия [2, с. 802-803].

Стоит обратить внимание на то, что в Суэцком кризисе 1956–1957 гг. Египет один противостоял Франции, Великобритании и Израилю, тем самым нанося удар по ранее подписанным договоренностям между членами Лиги («Договор Лиги арабских государств о совместной обороне и экономическом сотрудничестве 1950 года»). Статья 2 указывает: «Договаривающиеся государства считают, что любой [акт] вооружённой агрессии, совершённый против любого из них в отдельности или против них всех, направлен против них всех. Поэтому, в соответствии с правом на самооборону, индивидуально и коллективно, они обязуются без промедления прийти на помощь государству или государствам, против которых совершён такой акт агрессии, и немедленно принять, индивидуально и коллективно, все доступные меры, включая применение вооружённой силы, для отражения агрессии и восстановления безопасности и мира» [3]. Египту члены-государства ЛАГ не обеспечили поддержку.

На фоне распространения идей арабского единства поворотным моментом стало образование Объединенной Арабской Республики (ОАР) в составе Египта и Сирии. 31 января 1958 г. из Дамаска в Каир отправились все представители сирийского правительства во главе с президентом Шукри аль-Куатли. 1 февраля была оформлена Декларация о создании Объединенной Арабской Республики (ОАР). 5 февраля 1958 г. парламенты обоих государств одобрили и утвердили достигнутые договоренности. 21 февраля в ходе всенародного голосования, которое прошло в обеих странах, создание Объединенной Арабской Республики было поддержано гражданами. Г.А. Насер был избран президентом нового государства, набрав 99,9 % голосов [4, с. 121]. Сам Г.А. Насер изначально испытывал сомнения относительно целесообразности немедленного и полного интеграционного процесса. Он рассматривал возможность поэтапного объединения внешней и внутренней политики как более предпочтительную стратегию в сложившихся условиях. Насер акцентировал внимание на необходимости проведения последовательных социальных, политических и экономических преобразований [4, с. 120].

Лидеры партии БААС рассматривали данный альянс как стратегический инструмент, который обеспечил бы им доминирование на сирийской политической арене. В то же время, египетская сторона видела в этом союзе начальный этап формирования более крупного панарабского государства, где Египет мог бы занять

доминирующую позицию. Вскоре к союзу присоединился Йемен (входил в конфедерацию с ОАР). Объединение идеологии БААС и сильное руководство Насера были мечтой для миллионов арабов, которые горячо верили, что ОАР станет началом нового арабского сверхгосударства, способного бросить вызов западной гегемонии [2, с. 804].

Вместо федеративного объединения двух арабских народов, как это предполагалось многими сирийскими политиками, Объединенная Арабская Республика (ОАР) трансформировалась в государство, где доминирующую роль играли египтяне. Политическая система Сирии оказалась в состоянии глубокого кризиса, поскольку Гамаль Абдель Насер инициировал роспуск всех политических партий на территории страны. В рамках этого процесса централизованное египетское государство, обладая значительно более мощным экономическим и политическим потенциалом, навязало Сирии социалистическую модель политического и экономического развития, что вызвало резкое недовольство среди сирийских деловых кругов и военных элит. Эти противоречия привели к государственному перевороту в Сирии 28 сентября 1961 г. и последующему распаду Объединенной Арабской Республики, что стало важным этапом в истории региона. Эли Подех, президент Израильской ассоциации ближневосточных и исламских исследований отмечает, что «данная схема объединения успешно укрепила хрупкую сирийскую идентичность» [5, с. 10]. Действительно, после утраты независимости сирийцы внезапно осознали свою уникальную идентичность, отличную от египетской. Этот процесс можно рассматривать как важный этап в формировании национального самосознания сирийского народа [5, с. 9-10]. Так, ОАР оказала двойное воздействие на идею арабского единства: с одной стороны, объединение Египта и Сирии продемонстрировало возможность таких политических союзов; с другой же стороны, в связи с распадом ОАР концепции панарабизма был нанесен серьезный ущерб.

В 1963 г. Иракское и сирийское отделения партии БААС, не теряя времени, установили контакт и решили обратиться к Насеру с просьбой о воссоздании Объединенной арабской республики (ОАР). Для этого в начале марта в Каир прибыли крупные делегации обеих стран. Переговоры о создании нового союза начались 14 марта и продолжались две с половиной недели. Ни у одной из сторон не было никакого плана, никакой типовой схемы или программы. Сирийскую партию БААС представляли основатели Мишель Афлак и Салах Битар, поддержавшие отделение Сирии в 1961 г. Иракскую делегацию возглавлял Али Салех Саади, левый, практически лишенный комплексов и не слишком методичный [6, с. 162-163]. Однако, переговоры не привели к должным результатам и новый союз не был оформлен.

Еще один важный момент касается противостояния Египта и Саудовской Аравии, которому американский профессор ливанского происхождения, специалист по Ближнему Востоку и арабскому миру Малкольм Х. Керр дал наименование «арабская холодная война» (одноименная книга 1965 года) [7]. Рассмотрим два направления противостояния: идеологическое и военно-политическое.

Идеологическое противостояние базировалось на двух концепциях: панарабизм – светская идеология (Египет) и панисламизм – религиозная идеология (Саудовская Аравия).

Панарабизм – философское и политическое движение, зародившееся на основе арабского национализма, представляет собой комплексную идеологию, направленную на достижение солидарности арабских народов и, в ряде случаев, на формирование союзных отношений между арабскими государствами Ближнего Востока. Истоки

панарабизма восходят к интеллектуальным дискуссиям о ключевых факторах, способствующих консолидации региона, таких как язык, история и этническая принадлежность, в противовес доминирующему влиянию ислама. Панарабизм, как интеллектуальная и политическая парадигма, возник в ответ на усиливающуюся империалистическую экспансию западных держав, что обусловило необходимость выработки адекватной стратегии сопротивления и укрепления национальной идентичности арабских народов. В рамках этой доктрины акцентировалось внимание на общих культурных и исторических корнях арабских государств, что способствовало формированию коллективного самосознания [2, с. 802].

На территории Египта панарабизм развивался в рамках «насеризма» – панарабского движения, отражающего политику Г.А. Насера. Сформировавшись в условиях британского колониального господства в Египте, он пытался синтезировать антиимпериалистическую риторику с элементами социалистической идеологии и прогрессивного ислама. Несмотря на активное использование религиозных дискурсов для мобилизации египетского населения, его мировоззрение, так же, как и у баасистского движения, было в своей основе секулярным. Больше акцентировал внимание на модернизации, введении государственной собственности в промышленном секторе и позиционировании Египта как естественного лидера арабского мира [2, с. 131].

К тому же Г.А. Насер понимал реальную угрозу, исходящую от израильского руководства и решительно выступал за мобилизацию всех усилий против сионизма. Выдвигая лозунг объединения арабских государств, он исходил из того, что арабский мир представляет собой объективно существующую реальность, несмотря на серьезные различия между отдельными арабскими государствами [8, с. 282].

Панисламизм – идеология и движение, выступающее за единство всех мусульман под властью исламского государства. Помимо арабского единства, усилия по объединению всего исламского мира рассматриваются как временная замена давно утраченного единства халифата. Первая организация такого рода была основана представителями клана Саудидов в 1926 г. в Мекке под названием «Исламский всемирный конгресс» (Мухаммар аль-алам аль-ислами), амбициозная замена неудавшейся арабской империи под руководством шерифа Мекки (который также заявлял о претензиях на халифат). Эта идея была вновь поднята после 1949 г. Пакистаном, который тогда претендовал на лидерство в исламском мире. Позже, в 1962 г. саудовцы, разбогатев на нефти, исповедуя ваххабизм как «чистое учение» и выступая хранителями святых мест с постоянно растущим потоком паломников, основали новую организацию под названием Лига исламского мира (Рабитат аль-алам аль-ислами) [9, с. 34].

Чтобы восстановить свое влияние лидерам Королевства Саудовской Аравии пришлось создать менее устойчивую к влиянию структуру для международного сотрудничества. Особенностью политической инженерии короля Фейсала стало обращение к панисламизму как к легитимирующей контрстратегии против активистского панарабского радикализма, по замыслу делегитимирующего дискурса, он пытался скрыть свою приверженность политическим предписаниям, основанным на вульгарном политическом реализме: разделяй и (сохраняй) властвуй. Тем не менее, в этой архитектуре безопасности – вероятно, лучше всего рассматривать ее как локальную версию доктрины сдерживания, хотя здесь и направленную против революционного движения Насера – исламские нормы стали одновременно внутренним и внешним активом. Так, еще до его коронации, Лига исламского мира была

институционализована как неправительственная миссионерская организация, базирующаяся в Мекке [10, с. 34].

Так или иначе, использование панарабизма и панисламизма, как руководящих доктрин, было обусловлено стремлением к политическому доминированию в регионе.

Военно-политическое противостояние было более сложным. Насеровский революционизм и баасистский антимонархизм (двойное воплощение светского республиканизма с антизападной остротой) по своей сути дестабилизировали Status Quo монархий ближневосточного региона. Действительно, попытка государственного переворота в Иордании в 1956 г., конфессиональный конфликт в Ливане в 1958 г., иракская революция в том же году и гражданская война в Йемене с 1962 г. – все это продемонстрировало нестабильность политической системы. Саудовская Аравия, долгое время считавшаяся прототипом восточного деспотизма, была остро затронута (а также заражена) радикальным импульсом. Хотя Саудовская Аравия была одним из основателей Лиги арабских государств (широко известной как ЛАГ, основана в 1945 г.), эта конкретная организация оказалась невосприимчивой к саудовскому влиянию. Действительно, к концу 1950-х гг. Лига арабских государств состояла в основном из вариантов панарабских и светско-националистических режимов во главе с Египтом, который, как оказалось, также являлся страной, где располагалась штаб-квартира ЛАГ [10, с. 34].

Особое усиление египетско-саудовской конфронтации было обусловлено войной в Йемене, начавшейся в 1962 г.

19 сентября 1962 г. скончался имам Йемена Ахмед, что привело к провозглашению его сына, наследного принца Мухаммеда аль-Бадра, в качестве нового правителя. Однако 26 сентября в Йемене началась антимонархическая революция. Воспользовавшись политической нестабильностью, вызванной сменой имама, группа офицеров с антимонархическими настроениями во главе с Абдаллахом ас-Салялем осуществила государственный переворот, свергнув аль-Бадра и захватив власть. Новый республиканский режим незамедлительно получил поддержку со стороны Египта. Революция в Йемене явилась серьезным предупреждением для королевской семьи Саудовской Аравии. Все ключевые факторы, способствовавшие революционному взрыву в сопредельной стране, были также актуальны и для Саудовской Аравии: феодально-теократическая структура власти, коррупция в высших эшелонах саудовского общества, бедность и полуголодное существование значительной части населения, а также распространение идей социального и национального освобождения среди различных слоев общества [11, с. 421].

В борьбе против Йеменской арабской республики (ЙАР) Саудовская Аравия оказалась в одном лагере с Великобританией. Опасаясь воздействия йеменской республики на Аден и протектораты, усиления влияния насеровского Египта в Аравии, британские колониальные власти поддерживали монархистов. В дальнейшем на помощь йеменским монархистам пришли также Марокко, Иордания и Иран. В начале октября Египет по просьбе ас-Саляля стал перебрасывать в Йемен по воздуху и морем свои войска. 5 октября 1962 г. Саудовская Аравия разрешила роялистам создать в Джидде правительство в изгнании. 11 октября вице-президент ЙАР Абдуррахман аль-Бейдани уже говорил о состоянии войны с Саудовской Аравией [11, с. 422]. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация в контексте идеи арабского единства, так как в рамках конфликта арабы воют с арабами, убивая друг друга. Конечно, становится очевидным, что сохранение стратегических инициатив для враждующих сторон было куда более приоритетным, чем сохранение арабских жизней.

При рассмотрении актуальных вопросов в политическом развитии арабского региона нельзя не уделить внимание палестинской проблеме. В сентябре 1948 г. Лига арабских государств (за исключением Трансиордании) провозгласила создание Всепаалестинского правительства, юрисдикция которого должна была распространяться на всю территорию страны от реки Иордан до Средиземного моря, фактически оно было египетской марионеткой, не имевшей реальной власти. Насер мало что сделал для изменения такого положения дел. В 1959 г. он полностью отказался от идеи палестинского суверенитета и упразднил Всепаалестинское правительство [12].

В эволюции палестинского национального освободительного движения одним из ключевых событий стало создание Организации освобождения Палестины (ООП) в 1964 г. Эта организация, функционировавшая под эгидой Лиги арабских государств, выступала в качестве легитимного представительного органа палестинского народа. На учредительном съезде была принята Палестинская национальная хартия, в которой были изложены основополагающие принципы функционирования ООП, а также четко артикулировано право палестинского народа на самоопределение и освобождение Палестины (в то время «Палестиной» называлась вся территория подмандатной Палестины) [13].

Хартия ООП определяла Палестину как часть арабской родины: «Статья 1. Палестина – это арабская родина, связанная крепкими национальными узами с остальными арабскими странами, которые вместе образуют великую арабскую родину». Статья 12 указывает: «Арабское единство и освобождение Палестины — две взаимодополняющие цели; достижение одной из них способствует достижению другой. Арабское единство ведет к освобождению Палестины, а освобождение Палестины ведет к арабскому единству. Работа над достижением обеих целей должна вестись параллельно» [14]. Очень сложно говорить о единстве, если обратить внимание на палестинских беженцев. Палестинские арабы обладали сходством языка, религии, уровня социального развития и частично – национального самосознания с народами большинства государств, в которые они прибыли. Единственной страной, согласившейся обеспечить натурализацию палестинских беженцев, была Иордания. Остальные арабские страны на протяжении десятилетий продолжали держать палестинских эмигрантов на бесправном положении в лагерях беженцев [15, с. 131].

Сильный удар по арабскому миру был нанесен в ходе Шестидневной войны 1967 г., которая завершилась победой Израиля и потерей следующих территорий: Голанские высоты в Сирии; Западный берег, включая Восточный Иерусалим, со стороны Иордании; Сектор Газа и Синайский полуостров от Египта. Обратной стороной поражения арабских государств стало их сближение, чему свидетельствует конференция в Хартуме с дальнейшим подписанием соответствующей резолюции.

На конференции было подтверждено единство арабских стран, единство совместных действий и необходимость координации и устранения всех разногласий. Участники согласилась с необходимостью объединить все усилия для устранения последствий агрессии, исходя из того, что оккупированные земли являются арабскими землями и что бремя возвращения этих земель лежит на всех арабских государствах. Главы государств договорились объединить свои политические усилия на международном и дипломатическом уровне, чтобы устранить последствия агрессии и обеспечить вывод агрессивных израильских сил с арабских земель, оккупированных после агрессии 5 июня. Это будет сделано в рамках основных принципов, которых придерживаются арабские государства, а именно: никакого мира с Израилем, никакого признания Израиля, никаких переговоров с ним и отстаивание прав палестинского народа на его собственной земле [16]. Фактически, конференция заложила основу для

формирования консолидированной позиции арабских стран в отношении решения палестинского вопроса, подчеркнув важность комплексного подхода к урегулированию конфликта и восстановлению территориальной целостности региона.

Подводя итоги, можно сказать, что идея арабского единства в 1950–1960-х гг. была достаточно распространена и выражалась в стремлении арабских народов к объединению и созданию единого арабского государства или союза государств. Это было вызвано рядом факторов: рост национального самосознания и желанием арабских народов укрепить свои позиции на международной арене; общие исторические и культурные традиции; стремление создать противовес влиянию западных держав; деятельность политических лидеров, среди которых, несомненно, выделяется личность Г.А. Насера с его стремлением к созданию единого арабского фронта для решения региональных проблем и укрепления позиций арабских стран в международных отношениях.

Конкретные формы реализации идеи арабского единства включали создание региональных организаций (ЛАГ), подписание договоренностей и координацию действий в политических вопросах. На практике реализация этой идеи сталкивалась с рядом трудностей, включая различия в политических взглядах, экономических интересах и внешнеполитических ориентирах арабских стран.

Интерпретация и трансформация идей единства напрямую была связана с внутрирегиональными вызовами, включающими: конфронтацию между арабскими государствами, противостояние арабских государств с Израилем, Холодную войну и палестинскую проблему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Востока. В 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945-2000 гг.) / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков и др.; [Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. – 1095 с.
2. Spencer Tucker (ed.) Encyclopedia of Arab-Israeli Conflict - A Political, Social, and Military History. ABC-Clío, 2008. – 1553 p.
3. Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League, June 17, 1950. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp
4. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век / Отв. ред.: А.О. Филоник. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 392 с.
5. Poteh Elie. The decline of Arab unity: the rise and fall of the United Arab Republic. – Brighton, England; Portland, OR: Sussex Academic Press, 1999. – 292 p.
6. Aburish Said K. Nasser: The Last Arab. Thomas Dunne Books, 2004. – 432 p.
7. Malcolm H. Kerr. The Arab Cold War, 1958–1964: A Study of Ideology in Politics. – London: Chatam House Series, Oxford University Press, 1965. – 169 p.
8. Беляев И.П., Примаков Е.М. Египет: время президента Насера. – М.: Мысль, 1981. – 368 с.
9. Islam in the world today: a handbook of politics, religion, culture, and society. Ithaca : Cornell University Press, 2010. – 1128 p.
10. Sheikh Naveed S. The new politics of Islam: pan-Islamic foreign policy in a world of states. – Routledge, 2003. – 218 p.
11. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 - конец XX в.). – М: Классика плюс; Книжный дом газеты Труд, 1999. – 672 с.
12. Sharnoff Michael. Nasser and the Palestinians. Middle East Quarterly // Volume 28: Number 3, 2021. Режим доступа URL: https://www.meforum.org/middle-east-quarterly/nasser-and-the-palestinians#_ftn27
13. Masri Mazen. The PLO and the crisis of Representation. October, 2010. URL: <http://muftah.org/the-plo-and-the-crisis-of-representation-by-mazen-masri/>
14. Palestine National Charter of 1964. URL: <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12363>
15. Алек Д. Эпштейн. Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика. – М.: ИБВ, 2005. – 214 с.
16. Khartoum Resolution, 1 September 1967. UN. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-193039/>

REFERENCES

1. The History of East. (2008) Vol. 6. *East in contemporary period (1945 – 2000)*. R.B. Rybakov, V.Ya. Bilokrenitskiy, V.V. Naunkin (eds.). – Moscow: Oriental Literature Publishing House of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
2. Spencer Tucker (ed.) (2008) *Encyclopedia of Arab-Israeli Conflict - A Political, Social, and Military History*. ABC-Clio, 1553 p.
3. Treaty of Joint Defense and Economic Cooperation Between the States of the Arab League, June 17, 1950. Retrieved from: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/arabjoin.asp
4. Pir-Budagova, E.P. (2015) *History of Syria. 20th Century*. Ed. by A.O. Filonik. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
5. Poteh Elie. (1999) *The decline of Arab unity: the rise and fall of the United Arab Republic*. – Brighton, England; Portland, OR: Sussex Academic Press, 292 p.
6. Aburish Said K. (2004) *Nasser: The Last Arab*. Thomas Dunne Books, 432 p.
7. Malcolm H. Kerr. (1965) *The Arab Cold War, 1958–1964: A Study of Ideology in Politics*. – London: Chatham House Series, Oxford University Press, 169 p.
8. Belyaev, I.P., and Primakov, E.M. (1981) *Egypt: The Nasser Era*. – Moscow: Mysl Publishers. (In Russian).
9. *Islam in the world today: a handbook of politics, religion, culture, and society*. (2010) – Ithaca: Cornell University Press, 1128 p.
10. Sheikh Naveed S. (2003) *The new politics of Islam: pan-Islamic foreign policy in a world of states*. – Routledge, 218 p.
11. Vasilyev, A.M. (1999) *History of Saudi Arabia (1745 – End of the 20th Century)*. – Moscow: Klassika Plus; Knizhny Dom Gazety Trud. (In Russian).
12. Sharnoff Michael. (2021) *Nasser and the Palestinians*. Middle East Quarterly // Volume 28: Number 3. Retrieved from: https://www.meforum.org/middle-east-quarterly/nasser-and-the-palestinians#_ftn27
13. Masri Mazen. (2010) *The PLO and the crisis of Representation*. Retrieved from: <http://muftah.org/the-plo-and-the-crisis-of-representation-by-mazen-masri/>
14. Palestine National Charter of 1964. Retrieved from: <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12363>
15. Epstein, Alek D. (2005) *Israel and the Palestinian Refugee Problem: History and Politics*. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IBV). (In Russian).
16. Khartoum Resolution, 1 September 1967. UN. Retrieved from: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-193039/>

THE IDEA OF ARAB UNITY IN INTER-ARAB RELATIONS IN THE 50-60S OF THE 20TH CENTURY

A.V. Bredikhin, D.S. Yanchenko

The period after the end of World War II was marked by a clear restructuring of the system of international relations and a change in the political situation in many regions of the globe. The Middle East, where integration processes intensified, resulting in the creation of the League of Arab States (LAS), was no exception.

The article attempts to study the idea of Arab unity as a component of inter-Arab relations in the 50–60s of the 20th century. It also examines the main trends in the development of inter-Arab relations and determines their compliance with the ideology of pan-Arabism.

Key words: Middle East, idea of Arab unity, pan-Arabism, pan-Islamism, inter-Arab relations, confrontation.

Поступила в редакцию 25.05.2026 г.

Бредихин Андрей Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru
ORCID: 0009-0007-1250-3640

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of World History,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
DPR, RF
E-mail: kf.vsemir.zav@mail.ru

Янченко Дмитрий Сергеевич

аспирант, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru
ORCID: 0009-0005-7369-9128

Yanchenko Dmitry Sergeevich

post-graduated student, FSBEI HE «Donetsk State
University», Donetsk, DPR, RF.
E-mail: dmitry_yanchenko@inbox.ru

**МЕРОПРИЯТИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА
НА ОРЕНБУРГСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1944–1945 ГГ.)**

© 2026 *В.С. Ешпанов*

Казахский университет технологии и бизнеса, г. Астана, Республика Казахстан

В статье рассматривается вклад железнодорожников в достижение победы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны на завершающем этапе. Оценены инициативы Оренбургских железнодорожников по улучшению пропускной способности железнодорожного полотна, рациональной эксплуатации паровозов. Освещены этапы ремонтно-восстановительных работ. Раскрыты методы работы, связанные с жесткой дисциплиной, неукоснительных требований в выполнении намеченных задач. Приводятся объемы проделанных работ и выполненных задач, а также примеры трудовых подвигов железнодорожников. Доказано, что реализация этих задач была сопряжена с большими трудностями, связанными с процессами эвакуации, дефицитом профессиональной рабочей силы, в целом ограниченностью трудовых ресурсов. Сделан вывод о важной роли Оренбургских транспортников решивших военно-стратегические и народно-хозяйственные задачи, поставленные перед ними руководством страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, железнодорожный транспорт, Оренбургские железнодорожники, производительность труда, трудовые достижения.

Страницы военной истории всегда привлекали, и будут привлекать повышенное внимание не только политиков, аналитиков и ученых, но и всю мыслящую часть человечества. Пионерами изучения истории железнодорожной печати военного периода следует назвать следующих авторов: В.Н. Образцов [8], Т.С. Хачатуров [11], А.Г. Напорко [7], Н.А. Вознесенский [6], И.В. Ковалёв [13], С.Н. Новиков [4].

Железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны играл роль своего рода системы «кровеносных сосудов», надежно связывавших фронт с тылом [1, с. 76]. И одной из значимых магистралей было Оренбургское направление. Автор позиционирует железнодорожный транспорт как стратегическую систему, а Оренбургское направление выделяет как одну из ключевых артерий, связывавших глубокий тыл с передовой.

Целью работы в данной статье является комплексный анализ, исследование и обобщение исторических мероприятий, направленных на повышение производительности труда работников Оренбургской железной дороги в финальный период Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.).

В 1943 году, инициативу соревнования на предприятиях транспорта среди рабочих и служащих Московского завода им. С. М. Кирова, поддержали многие железнодорожные магистрали СССР [2, с. 12]. В середине 1943 года, на железнодорожный транспорт стали возвращаться многие железнодорожники, которые еще недавно вместо гражданской профессии вели боевые действия против врага [3, с. 26]. С приходом на свои рабочие места, план коллектива паровозного депо станции Оренбург был изменен на развитие творческой инициативы, лучшее использование производственных возможностей транспорта. На многих дорогах СССР, заметно активизировалось в конце 1943 года работа промывочного ремонта [4, с. 17]. К

примеру, только по станции Оренбург было выпущено 20 паровозов, за 20 дней октября. В цехах было прочитано 100 лекций, докладов и бесед на общественно-политические темы, налажен выпуск боевых листовок, стенных газет, рассказывающих о ходе предоктябрьского соревнования. Решением ВЦСПС и НКПС Оренбургское паровозное отделение и паровозное депо станции Актюбинск были признаны победителями социалистического соревнования в январе 1944 года с вручением переходящего Красного знамени Государственного Комитета Оборона. Коллектив станции Оренбург неустанно повторял следующие слова: «Весь коллектив клянется, что не пожалеет сил для того, чтобы паровозы Оренбургского депо в суровых условиях зимы безотказно работали и подвозили фронту все необходимое для быстрейшего разгрома ненавистного врага», – говорили передовики производства С.К. Халиков, Р.М. Панин, Д.Ю. Опоткин. День железнодорожника в годы войны на всех предприятиях транспорта, всегда отмечали трудовыми успехами и достижениями, что являлось обязательным условием показателя объема проделанных работ и выполненных задач [5, с. 76].

Неизмеримо повышалось значение передовых методов в работе вагонников. Большую экономию времени, средств и рабочей силы давал метод безо цепочного ремонта вагонов. В преддверии годовщины Октября рабочими Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги, работники вагонного участка собрали и отгрузили 1 500 тонны металлолома, что составило 200% плана. Кроме того, были перевыполнены программы среднегодового, текущего методов безо цепочного ремонта вагонов. Организаторами ударной работы стали мастера Н.Ф. Зинченко, П. В. Ларин, старшие осматрщики вагонов смены № 1 Г.Н. Сошников, А.М. Сиденко, осматрщики А.Н. Мельников, А.А. Тарасов, слесари А.Ф. Масленников, А.П. Новотный, П.Л. Осетринкин, столяр Ф.П. Мышелов.

Военная экономика – это система работы в режиме жесткого подчинения нуждам обороны. Которая ввела военное положение, организовало поток специальных эшелонов с боеприпасами, танками и продовольствием [6, с. 112]. Оренбургские транспортники внедряли режим военной экономики в ходе своих коллективных соревнований. К примеру, в Оренбургском вагонном участке было заключено 4 сменных, 9 цеховых, 22 бригадных и 241 индивидуальных договоров на участие в соревновании. Лучших показателей добились коллективы механического, столярного, инструментального, утильного цехов под руководством М.И. Гончаренко, выполнявшие задание на 100 %. В третьем квартале 1943 года пункт технического осмотра (ПТО) работники вагонного участка осмотрели 542 поезда. Лучших показателей добились осматрщики вагонов 3-й смены мастер Н.Ф. Остапов, принявшие 190 вагонов. О динамике развития соревнования на железных дорогах СССР, можно судить по данным количества ее участников [7, с. 131]. Значительного числа добилась и Оренбургская магистраль. Так в 1944 году из 1320 служащих 620 были стахановцами и 578 ударниками, что составляло 80,8 % от общего числа. Смена старшего помощника станции Орск И. Г. Розанова отправляла 14 поездов, 11 расформировала поездов при норме 10. По-ударному, работала и смена диспетчера А.И. Тушева.

В период социалистического соревнования была проведена большая работа по утеплению паровозного депо станции Илецк, восстановлению масляного склада. Значительно улучшились работы цеха эксплуатации и ремонтных цехов. Так, производительность труда у многих механических цехов составила 110–115 %. В соревновании паровозных бригад лучшими были признаны экипажи К.П. Уварова и Д.М. Мельниченко. Они первыми в коллективе депо получили паспорта паровозов к работе в зиму. К началу 1944 года 15 из 26 старших машинистов депо получили такие

паспорта. Проведение предоктябрьского соревнования совпало с подготовкой к 25-й годовщине ВЛКСМ. Соревнование молодежи влилось в общий поток творческой инициативы советских железнодорожников [8, с. 22]. «Патриотизм каждого из нас, наша преданность Родине, большевистской партии одним – участием в войне, помощью фронту. Родина оставила нас в тылу, пусть же разит оружие, сработанное нашими руками», – это обращение было актуальным в то время Оренбургскими железнодорожниками. В октябрьские дни 1944 г. в Оренбурге было создано 7 комсомольско-молодежных коллективов, боровшихся за присвоение звания «фронтowej бригады».

Опыт работы комсомольско-молодежных смен широко пропагандировался на всех дорогах СССР, обкомом ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ [9, с.10]. Победителем соревнования в честь 25-й годовщины Ленинского комсомола стала комсомольско-молодежная смена пункта технического осмотра вагонного участка станции Оренбург, возглавляемая А.И. Астаховым. Смена перевыполнила производственные задания в 1,5 раза. В нерабочее время вагонники отремонтировали 20 вагонов, собрали 49 тонн металлолома. В составе смены была добровольческая восстановительная бригада из 18 человек, отработавшая на восстановлении 6 420 человеко-часов. Восстановительная бригада была награждена грамотой Оренбургского горкома ВКП(б). За отличную работу в октябре 1944 года, 8 молодых вагонников были отмечены благодарностями и премиями, среди них осмотрщики вагонов Г.А. Соколовский, А.И. Маслов, А.И. Щербина, слесари-автоматчики О.И. Шустов, В.Н. Оноприенко. Старший осмотрщик Ф.П. Обломков был награжден значком НКПС «отличный вагонник». Комсомольско-молодежная бригада из паровозного депо станции Кандагач Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги под руководством слесаря П.М. Баранова отработала 1 290 человеко-часов на восстановление механического цеха и кладовой депо. В честь 25-летия ВЛКСМ 9 комсомольцев паровозного депо станции Кандагач были отмечены благодарностями.

Война неумолимо оставила вопросы соблюдения строжайшего режима экономии. Необходимо было научиться беречь каждый килограмм металла, сырья, а также топливо, электроэнергию, бережливо относиться к инструменту [10, с. 3]. Все это являлось важнейшей задачей для партийных и комсомольских организаций. За проявленную инициативу и трудовой поступок ученику столяра станции Оренбург, Андрею Тимченко была объявлена благодарность с выдачей денежного вознаграждения в размере месячного оклада.

Значительным резервом пополнения кадров железнодорожников явилась молодежь, которая в 1944 году составляла до 23 % от общего числа всех работников транспорта. При активной помощи молодежных добровольческих бригад были проведены большие восстановительные работы на станции Акбулак Оренбургской железной дороги в вагонном участке, в дистанции пути, проведен ремонт электростанции, водоснабжения узла. Осенью 1944 года коллективы предприятий Оренбургского, Орского, Актюбинского, Челкарского железнодорожных узлов и ряда линейных станций приняли в свой состав отряд молодежи, сменившие на рабочих местах пожилых железнодорожников. Только Актюбинской дорожно-технической школой за короткий срок было подготовлено 123 молодых рабочих, 20 паровозных слесаря, 41 дежурных по станции, 32 кондукторов. В числе подготовленных к работе на транспорте было 90 женщин. По Челкарской дистанции Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги, на тяжелых сложных участках трудилось 19 подростков в возрасте 14–16 лет. Связав в 14–16 лет свою жизнь с железной дорогой,

большинство из этих ребят на долгие годы отдали транспорту свои силы, душу и сердце. Особенно это относится к детям войны, кто стал работать на транспорте, потеряв на фронте родителей. Это молодые рабочие электростанции В.О. Симонов, Л.И. Бондаренко, рабочий паровозного депо А.А. Сотников и другие. В этот период на железнодорожный транспорт приходили работать целыми семьями, среди них были и потомственные железнодорожники [11, с. 36].

15 ноября 1944 года за исключительные заслуги перед государством в деле успешного обеспечения перевозок и восстановления разрушенного хозяйства в тяжелых условиях военного времени. Следующим сотрудникам Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги, инженеру сигнализации и связи О.И. Рукову, поездному вагонному мастеру паровозной колонны № 4 Я.А. Алябьеву, машинисту паровозного депо, И.А. Комову было присвоено звание «Почетный железнодорожник». В 1944 году произошел перелом в работе железнодорожного транспорта. Преодолев трудности наиболее тяжелого 1942 года, Оренбургские железнодорожники оказались способными решить сложнейшие задачи восстановления разрушенного хозяйства.

И. В. Сталин в ноябре 1943 года отмечал «Самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю наряду с героической борьбой Красной Армии как беспримерный подвиг в защите Родины. Большую роль в деле помощи фронту сыграл железнодорожный транспорт. И если, несмотря на трудности военного времени и недостаток топлива, нам все же удалось снабжать фронт всем необходимым, то в этом заслуга наших транспортных рабочих и служащих» [12, с. 127]. 1944 год был ознаменован решительным наступлением Красной Армии. Это новое наступление поставило перед Оренбургскими железнодорожниками сложные задачи снабжения фронта военной техникой, боеприпасами, продовольствием, снаряжением, людскими резервами при одновременном увеличении перевозок для оборонной промышленности и восстановления хозяйства освобожденных районов.

Железнодорожники тыла отвечали на победы Красной Армии развертыванием соревнования [13, с. 129]. К примеру, если за 25 дней декабря 1944 года машинистами депо станции Орск Оренбургской железной дороги было проведено 54 тяжеловесных поездов, то за 10 дней января 1944 года машинисты депо уже провели 43 тяжеловесных состава, дополнительно доставив к фронту 8430 тонн груза. В феврале 1944 года паровозные бригады сделали 7 кольцевых поездов, а в апреле уже 17. В январе 1944 года коллектив Актюбинского вагонного участка Оренбургской железной дороги выполнил план капитального ремонта вагонов на 101 % по среднему ремонту – на 107%, по годовому осмотру вагонов – на 110 %. Вагонному участку было вручено переходящее Красное знамя управления Оренбургской железной дороги.

За самоотверженную работу по восстановлению разрушенного хозяйства и обеспечение бесперебойного продвижения поездов к фронту приказом НКПС №102 от 17 марта 1944 года были награждены 24 Оренбургских железнодорожника. Из них 12 знаком «Почетному железнодорожнику», в том числе: начальник отделения движения З.И. Усатенко, начальник вагонного депо О.Н. Скрипников, начальники дистанций связи, заместители начальника станции Челкар С.И. Кононов, К.В. Григорьев. Более 10 железнодорожников были отмечены значками НКПС «Отличник движенец», «Отличник машинист», «Отличник связист», «Отличник путеец», в их числе дежурный по отделению Л.И. Сахарова, машинисты-инструкторы А.И. Неплюев, В.И. Рябых.

Больших производственных успехов добились Орские железнодорожники. В приказе руководителя паровозного отделения Н.Н. Болдырева отмечалось, что по

итогах февраля 1944 года по условиям соревнования, коллектив паровозного депо выполнил объем работы на 106 %. Впереди шли коллективы котельного, механического цеха и цеха промывки. Был произведен промывочный ремонт 68 паровозов, выдано под 33 паровоза. Коллектив депо отказался от помощи паровоза ремонтного поезда и раньше стал производить подъем очный ремонт локомотивов. Инициатива локомотивщиков способствовала достижению слаженной работы всех звеньев транспорта в условиях третьей военной зимы. Машинисты депо Орск и депо Оренбург возродили тяжеловесные составы. В предмайском соревновании, развернувшимся на Оренбургской железной дороге, использовался опыт передовиков, соревнование по профессиям, комплексное соревнование. На предприятиях Оренбургского узла развернулось движение за право записи личного рапорта в «Книгу производственных подарков матери-Родине». Коллектив паровозного депо Оренбург добился производственных показателей. Была увеличена среднетехническая скорость, на 1,5 км/час тридцати тяжеловесных составов, что позволило дополнительно перевести 5 140 тонн груза.

Борясь за создание фонда топлива, и поддерживая почин машинистов депо С.С. Разин, А.И. Коротков доказали, что по графику водить тяжеловесные поезда можно на любых углях. Паровозные бригады депо станции Орск сэкономили 3,4 месячного объема угля, осмотр паровозов под техническими операциями сократился на 15 минут, что давало возможность среднесуточному пробегу ускорить оборот локомотивов. Целые бригады депо прославились трудовыми достижениями. Инициаторами соревнования были машинисты-инструкторы. 12 июня 1944 года машинисты А.А. Гайдуков, В.Н. Астуров, используя смесь низкосортного угля, провели на участке Оренбург – Актюбинск поезд с технической скоростью 25,7 км/час.

Летом 1944 года на железных дорогах СССР массово проводились фронтовые декадни [14, с. 88]. По Оренбургской железной дороге их проведение способствовало развитию соревнования, особенно по выполнению обязательств сменами и цехами в которое включилось 964 железнодорожника. Так, в паровозном депо промежуточный пробег паровоза был увеличен на 14 %, а экономия топлива на 18 %. В цехах развернулось соревнование за сокращение времени ремонта паровозов. Коллектив станции добился прироста поездов по графику, развернув соревнование за отправление поездов с нулевой на 114 %. Кроме того, был выполнен план ремонта линии связистами 3-й дистанции связи. Высокими производственными успехами встречали праздник и железнодорожники Илецкого депо. Машинистами было проведено 12 тяжеловесных поездов, увеличена техническая скорость на 1,9. На 4 часа сократился простой паровозов на промывке. Производительность труда паровозов возросла на 14 %. Первенство в соревновании удерживали бригады машинистов В.И. Андреева, А.Н. Уфимцева.

От Оренбургских железнодорожников не отставали Илецкие комсомольцы и молодежь. Электросварщик вагонного цеха станции Илецк В.В. Рябой отмечен значком «Отличник вагонник». На Илецком узле Оренбургской железной дороги на тот момент работал 51 ударник. В течение 1944 года предприятия Илецкого узла удерживали первенство в соревновании по Оренбургской железной дороге. В третьем квартале 1944 года на дорогах Южного Урала стали накапливаться существенные проблемы в работе. Частыми были случаи «обезличенной» езды на локомотивах, замедлялись обороты паровозов, уменьшилась их техническая скорость. В октябре 1944 года был издан приказ НКПС № 880/Ц «О мероприятиях по дальнейшему улучшению использования паровозов, их оборота и повышению технической скорости», который сыграл решающую

роль в работе паровозного парка в суровых зимних условиях. Этим приказом устанавливались технически обоснованные нормы оборота паровозов, за которые локомотивные бригады несли ответственность. На Оренбургской и Южно-Уральской железных дорогах техническая скорость устанавливалась в пределах 20 км/час.

Начальнику главного управления паровозного хозяйства Оренбургской железной дороги поручалось в ноябре 1944 года довести количество паровозов, следующих по обороту до 40%. Количество паровозов, работавших на кольцевых маршрутах, в депо дорог Южного Урала устанавливалось 15–18 % от всего эксплуатируемого парка. Для улучшения содержания паровозов в наиболее крупных депо организовывались внутри деповские колонны по 11 паровозов. Так в депо Оренбургской железной дороги их предстояло организовать 5, а на Южно-Уральской еще 6. Начальников колонн назначили приказом начальника управления дороги, освобождая от других обязанностей. Так приказом №59 от 30 ноября 1944 года в паровозном депо станции Орск были сформированы две колонны: в маневровом парке 7 паровозов во главе с помощником начальника депо по маневровой работе У.Н. Колбипиным.

30 декабря 1944 года нарком путей сообщения СССР И.В. Ковалев в приказе обязал начальников железных дорог СССР, паровозных служб и отделений организовать обучение локомотивом по методу Д.А. Коробкова. 23 декабря 1944 года газета «Правда» писала: «На транспорте все велики, все значительны, ибо от каждого отдельного работника зависит успех» [15, с. 60]. Многие железнодорожники в 1944–1945 годах, завоевали звание лучших на дорогах. Среди них машинист-инструктор Ф.Л. Введенский, машинист электростанции М.Л. Белый, участковый диспетчер О.Н. Пахомов.

Оренбургские железнодорожники знали имя участкового диспетчера К.Р. Осива, который предложил новый метод организации движения поездов. До войны это был двухпутный участок, перестроили его в 1943 году как однопутный, но оставили два пути в районе перегонов. Стало значительно меньше и станционных путей. А.Д. Тушенко организовал движение поездов так, чтобы однопутные перегоны не уменьшали пропускной способности участка. Сокращение поездов производили на двухпутных перегонах. Диспетчер наладил связь с машинистами при помощи записок, которые передавались им на ходу поезда. В этих записках диспетчер указывал, как проехать станцию, сколь минут надо нагнать на том или ином перегоне. Новый способ регулирования позволил увеличить участковую скорость поездов на 5 км/час, техническую скорость – на 2,2 км/ч. А.Д. Тушенко был награжден орденом «Знак Почета», знаком «Почетному железнодорожнику».

В мае 1945 года закончилась Великая Отечественная война, самая кровопролитная из всех войн, которую знала история человечества. «Великие жертвы, принесенные нашим народом во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества не прошли даром и увенчались полной победой над врагом» [16, с. 11].

Подводя итоги, отметим, что Оренбургские железнодорожники в годы войны провели колоссальную работу по перестройке транспортного хозяйства, по обеспечению воинских перевозок. Организовали укрепление железнодорожного транспорта в значительной мере способствуя введению в апреле 1943 года, военного положения на всех дорогах страны. Это позволило укрепить дисциплину работников, стимулировать соревнование, его эффективность и результативность. Слаженность эксплуатационной деятельности железных дорог СССР непосредственно зависело от

военных действий и бесперебойной работы промышленных предприятий, на завершающем этапе войны 1944–1945 гг. По Оренбургской железной дороге был выполнен огромный объем работ, что позволило своевременно обеспечивать перевозки как воинских, так и народнохозяйственных грузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР 1941-1945 гг. – М.: Наука, 1988. – 656 с.
2. Громов Н. Н. Советский транспорт в Великой Отечественной войне (1941-1945) / Н. Н. Громов, В. А. Персианов // Вестник транспорта. – 2005. – № 5. – С. 5-16.
3. Когатько Г. И. Героические свершения воинов-железнодорожников / Г. И. Когатько // Железнодорожный транспорт. – 2005. – № 4. – С. 23-29.
4. Новиков С.Н. Советские железнодорожники в Великой Отечественной войне / С. Новиков. – Москва: Госполитиздат, 1945. – 34 с.
5. Хобта А. В. День железнодорожника в годы войны / А. В. Хобта. // Железнодорожный транспорт. – 2020. – № 7. – С. 75-77.
6. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н. А. Вознесенский. – Москва: Госполитиздат, 1948. – 192 с.
7. Напорко А. Г. Очерки развития железнодорожного транспорта СССР / А. Г. Напорко. – Москва.: Трансжелдориздат, 1954. – 287 с.
8. Образцов В. Н. Советский железнодорожный транспорт в Отечественной войне / В. Н. Образцов. – Москва: Воениздат, 1945. – 48 с.
9. Космин В. В. На завершающем этапе Великой Отечественной войны / В. В. Космин. - // Путь и путевое хозяйство. – 2015. – № 5. – С. 9-10.
10. Макарец М. К. Железнодорожники в Великой Отечественной войне / М. К. Макарец // Транспортное строительство. – 2005.– № 5. – С. 2-4.
11. Хачатуров Т. С. Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне / Т. С. Хачатуров. – Москва: Госполитиздат, 1943. – 47 с.
12. Сталин И. В. Сочинения. – Т. 15. – М.: «Писатель», (раздел «Доклад 6 ноября 1943 года»). 1997. – 248 с.
13. Яшин С. В. Железнодорожные перевозки в годы Великой Отечественной войны / С.В. Яшин // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 127 – 134
14. Ковалев И.В. Советский железнодорожный транспорт 1917-1947 / И. В. Ковалев. – Москва: Трансжелдориздат, 1947. – 112 с.
15. Вульфов А. Б. Героические страницы истории железных дорог/ А. Б. Вульфов. // Железнодорожный транспорт. – 2020. – № 5. – С.59-62.
16. Гром Н. П. Вклад железнодорожников в Великую Победу / Н.П. Гром. // Железнодорожный транспорт. – 2015.– № 4. – С. 4-11.

REFERENCES

1. Kumanev G.A. (1988) War and railway transport of the USSR 1941-1945. – M., Nauka. – 656 p. (In Russian).
2. Gromov N. N. (2005) Soviet transport in the Great Patriotic War (1941-1945) / N. N. Gromov, V. A. Persianov // Transport Bulletin. - No. 5. - P. 5-16. (In Russian).
3. Kogatko G. I. (2005) Heroic deeds of railway soldiers / G. I. Kogatko // Railway transport . - No. 4. - P. 23-29. (In Russian).
4. Novikov S.N. (1945) Soviet railway workers in the Great Patriotic War / S. Novikov. - Moscow: Gospolitizdat. - 34 p. (In Russian).
5. Khobta A. V. (2020) Railway Worker's Day during the War Years / A. V. Khobta. // Railway transport. - No. 7. - P. 75-77. (In Russian).
6. Voznesensky N. A. (1948) Military economy of the USSR during the Great Patriotic War / N. A. Voznesensky. - Moscow: Gospolitizdat. - 192 p. (In Russian).
7. Naporko A. G. (1954) Essays on the development of railway transport in the USSR /A. G. Naporko. - Moscow.: Transzheldorizdat. - 287 p. (In Russian).
8. Obratsov V. N. (1945) Soviet railway transport in the Patriotic War / V. N. Obratsov. - Moscow.: Voenizdat. - 48 p. (In Russian).

9. Kosmin V. V. (2015) At the final stage of the Great Patriotic War / V. V. Kosmin. - // Road and track facilities. - No. 5. - P. 9-10. (In Russian).
10. Makartsev M.K. (2005) Railway workers in the Great Patriotic War / M.K. Makartsev // Transport construction. - No. 5. - P. 2-4. (In Russian).
11. Khachaturov T. S. (1943) Railway transport in the Great Patriotic War / T. S. Khachaturov. - Moscow: Gospolitizdat. - 47 p. (In Russian).
12. Stalin I. V. (1997) Works. - Vol. 15. - M.: "Pisatel", (section "Report of November 6, 1943"). - 248 p. (In Russian).
13. Yashin, S. V. (2004) Railroad Transportation During the Great Patriotic War / S. V. Yashin // Questions of History. – No. 5. – Pp. 127–134. (In Russian).
14. Kovalev I.V. (1947) Soviet railway transport 1917-1947 / I. V. Kovalev. - Moscow: Transzheldorizdat. - 112 p. (In Russian).
15. Vulfov A. B. (2020) Heroic pages of the history of railways / A. B. Vulfov. - // Railway transport. - No. 5. - P. 59-62. (In Russian).
16. Grom N. P. (2015) The Contribution of Railway Workers to the Great Victory / N. P. Grom. // Railway Transport. - No. 4. - P. 4-11. (In Russian).

**MEASURES TO IMPROVE LABOR PRODUCTIVITY
ON THE ORENBURG RAILWAY
DURING THE FINAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1944–1945)**

V. S. Yeshpanov

This article examines the contribution of railway workers to the Soviet Union's victory during the final stages of the Great Patriotic War. It evaluates the initiatives of Orenburg railway workers to improve track capacity and the efficient operation of steam locomotives. The stages of repair and restoration work are highlighted. The work methods associated with strict discipline and strict requirements for the fulfillment of assigned tasks are revealed. The volume of work performed and the tasks accomplished are presented, along with examples of the railway workers' labor achievements. It is demonstrated that the implementation of these tasks was fraught with significant difficulties associated with evacuation processes, a shortage of professional labor, and a generally limited labor force. It concludes that Orenburg transport workers played a vital role in solving the military-strategic and national economic tasks set before them by the country's leadership.

Key words: Great Patriotic War, railway transport, Orenburg railway workers, labor productivity, labor achievements.

Поступила в редакцию 22.05.2026 г.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич
доктор исторических наук, профессор,
Казахский университет технологии и бизнеса,
г. Астана, Республика Казахстан.
E-mail: ws-282@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2400-639X

Yeshpanov Vladimir Sarsembayevich
PhD (doctor of history), professor,
Kazakh University of Technology and Business
Astana, Republic of Kazakhstan.
E-mail: ws-282@mail.ru

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

© 2026 А. В. Колесник¹, А. В. Барков²

¹ ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ФГБУН «Институт истории материальной культуры» РАН

² ООО «Красноярская Геоархеология»

В позднем палеолите в бассейне Среднего Енисея сформировался особый район проживания охотников-собирателей, хорошо адаптированных к эксплуатации природных ресурсов в широкой долине реки. Изучение этих памятников имеет длительную традицию. В настоящее время в результате активизации городского строительства в г. Красноярске практически раскапываются стоянки этого времени. Появляется возможность детально охарактеризовать структуру древней стоянки, характер бытовой и производственной деятельности. Статья посвящена анализу технологической базы каменной индустрии стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) в г. Красноярске.

Ключевые слова: поздний палеолит, Средний Енисей, каменная индустрия, технология расщепления камня, сырьевые стратегии, структура комплекса каменных изделий, складни.

Введение. Бассейн Среднего Енисея необыкновенно богат памятниками позднего палеолита, которые давно стали своеобразными визитными карточками древнейшего прошлого Сибири [1–3]. Непосредственно на территории г. Красноярска выделяется одна из крупнейших в Сибири агломерация стоянок позднего палеолита, системное изучение которых ведется вот уже более века [4; 5].

Одним из объектов этой агломерации памятников позднего палеолита является стоянка Афонтова Гора IV (Овражная). Памятник расположен на левом берегу Енисея на юго-восточном склоне Афонтовой Горы (останец коренного берега), раскапывался в 2020–2022 гг. несколькими археологическими экспедициями, в том числе ООО «Красноярская Геоархеология», и известен по нескольким предварительным публикациям [6; 7]. В пределах весьма значительной вскрытой площади изучены остатки нескольких стоянок позднего палеолита. Каменная индустрия стоянок была основана на эксплуатации каменного сырья из местных аллювиальных галечников с небольшим количеством экзотического материала. Технологии обработки камня были хорошо приспособлены под качество сырья и отражают традиции развития технологической базы экономики местных популяций охотников-собирателей.

Отметим, что уровень технологической организации каменной индустрии стоянок позднего палеолита, расположенных на соседних участках долины Енисея, детализирован в плане полноты технологических контекстов [8], содержания и депонирования ранцевых наборов [9], трендов редукции каменных изделий [10], инструментария обработки кости [11], динамики развития индустрий во времени [12] и пр. Отдельно также проанализирована технологическая база каменной индустрии позднепалеолитической стоянки Стрелка-I в историческом центре г. Красноярска [13, с. 181–208].

Цель настоящей статьи – детализация технологической базы каменной индустрии стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) в г. Красноярске как эталонного памятника позднего палеолита Среднего Енисея, а также характеристика технологии расщепления нуклеусов и изготовления орудий.

Технологии расщепления нуклеусов. *Нуклеусы из галек для пластин средних и крупных размеров.* В качестве основы нуклеусов для получения пластин средних размеров отбирались удлиненные массивные или уплощенные гальки с гладко моделированной поверхностью, или крупные сегменты удлиненных галек с округлым поперечным сечением. В материалах стоянки реконструируются два тесно связанных между собой метода получения пластин из галечных нуклеусов. Метод расщепления нуклеусов – совокупность приемов обработки, направленных на формирование базовых конструктивных элементов в виде площадок, рабочего фронта, боковых и тыльных участков. Иными словами, метод расщепления выражается в способе управления поверхностью нуклеуса в ходе его подготовки и целевого использования.

Первый из методов расщепления был связан с методом скалывания пластин с относительно широкого слабовыпуклого в поперечном сечении рабочего фронта по леваллуазскому принципу. Предпосылкой для формирования корпуса нуклеуса служила поперечная ударная площадка, которая создавалась путем усечения концевой участка гальки и последующей мелкой подправки со стороны планируемого рабочего фронта. Корпус формировался как с помощью боковых односторонне обработанных продольных ребер, так и без них, в зависимости от конфигурации заготовки и качества сырья. Односторонне обработанное продольное ребро, сформированное серией поперечных сколов на маргинальном участке уплощенного рабочего фронта одноплощадочного нуклеуса, отмечено на складне № 2. Рабочий фронт широкий уплощенный, образован широкими однонаправленными сколами. По данным ремонта, сформированный слабовыпуклый рабочий фронт был уплощен в результате скалывания пластинчатых отщепов по центру поверхности. Обработка боковой поверхности нуклеуса велась по краю продольного негатива на последнем этапе формирования заготовки, и преследовало цель ограничения рабочего фронта боковой плоскостью. Формирование одностороннего продольного ребра на боковом участке нуклеуса для пластин отмечено также на складне № 44. К ребру примыкает уплощенная (слабовыпуклая) поверхность со следами обработки. Второй край этой поверхности ограничен негативом крупного скола с площадки. В свою очередь, ударная площадка нуклеуса образована крупным сколом с края слабовыпуклой поверхности. Таким образом, была сформирована заготовка нуклеусов с поперечной площадкой и продольным ребром, снятие которого было прологом к скалыванию пластин со слабовыпуклого рабочего фронта. В рамках этого метода получения пластин, исходная форма отобранных галек допускала скалывание целевого продукта без предварительного создания продольных ребер на нуклеусах.

Второй метод скалывания пластин был связан с формированием относительно узкого выпуклого в поперечном сечении (торцового) рабочего фронта на удлиненных краевых участках уплощенных галек. Продольные ребра (с односторонней и двусторонней обработкой), непосредственно связанные с формированием рабочего фронта на относительно узком продольном крае уплощенной гальки, отмечены в четырех складнях. На заготовке нуклеуса из крупной гальки плотного серого мелкозернистого песчаника продольное ребро готовилось сколами с одной стороны (складень № 79). Одним складнем (№ 100) представлен также эпизод формирования двусторонне обработанного продольного ребра по краю гальки. Следы формирования ребра в центральной части рабочего фронта отражены в складне № 94. Складень № 89 показывает, что формирование торцового рабочего фронта могло вестись и без ребер с систематически оформленной односторонней или двусторонней огранкой. У этой заготовки предварительно вдоль удлиненного края гальки была сколото корковая

(краевая) пластина. Негатив сохранился на блоке сколов. Негатив пластины фактически придал краю гальки вид торцового фронта. В дистальной части блока сколов виден рудимент фасетированной заостренной в профиле площадки нуклеуса, с которой была сколото первичная пластина. Скалывание велось с двух площадок, сколы ориентированы во встречном направлении.

Нуклеусы из галек для отщепов. Технология получения отщеповых заготовок для орудий – такая же составная часть технологии первичного расщепления в каменной индустрии стоянки Афонтова Гора IV (Овражная), как и технология получения пластин. Направленность на получение относительно коротких сколов-заготовок допускала использование для этих целей округлых речных галек и угловатых кусков породы. Использовалась простая техника скола («твердый» отбойник) с минимальным оформлением зон расщепления, в сочетании с техникой «мягкого» отбойника. В качестве основы использовалась галька округлых очертаний с относительно ровной поверхностью. В складне № 22 представлен последний этап целевого расщепления нуклеуса, в результате которого было сколото не менее пяти коротких отщепов. Сколы наносились по радиальному принципу – от края к центру, по круговой площадке. Гладкая ударная площадка только одного отщепа была сформирована предшествующей подправкой, площадки остальных сколов сохраняли естественную корковую поверхность. Скалывание велось «твердым» отбойником, более подходящим для корковых площадок с перпендикулярной ориентацией скалывающей трещины. Удельный вес такого метода первичного расщепления нуклеусов в каменной индустрии стоянки был небольшим. Метод не является калькой или дериватом радиально-дисковидного метода расщепления нуклеусов среднего палеолита ввиду разницы в зонах расщепления, вызванной характером галечного сырья, и, частично, техникой скола.

Торцовые клиновидные нуклеусы из отщепов для пластинок и микропластинок. Реконструкция метода расщепления нуклеусов из отщепов в индустрии Афонтовой Горы IV (Овражная) основывается на многочисленных образцах на различной стадии сработанности и технологических сколах с торцовых участков фронта и площадок. Технология расщепления торцовых нуклеусов такой разновидности была хорошо адаптирована под характер сырья. Как правило, преформой служили крупные сколы с галечной коркой, полученные в ходе раскалывания каменным отбойником крупных речных галек или небольших валунов. Самих таких крупных сколов в коллекции нет, представлены только из рудимента в виде заготовок нуклеусов. Фактическое отсутствие брака означает простоту и эффективность технологии. Крупный первичный отщеп срезает с гальки сегмент ее поверхности с относительно правильным покатом или сферическим рельефом. Это придает сколу удлиненное линзовидное поперечное сечение и облегчает процедуру формирования системы ребер по краям заготовки. Для достижения целей, необходимо было придать заготовке неправильно треугольную или параболическую форму с основными конструктивными элементами в виде клиновидного тыла (гребня), поперечной площадки и торцового фронта. Ребра формировались сколами с вентральной стороны отщепа-заготовки и преследовали две цели – придание заготовке желаемых геометрических очертаний и выпрямление краев на месте планируемых ударной площадки и торцового рабочего фронта. Первичные и вторичные реберчатые пластины с торцового фронта клиновидных нуклеусов представлены как в складнях № 36, 54, 75, так в и остальной коллекции сколов. Значительное количество вторичных реберчатых пластин среди них указывает на то, что торцовый рабочий фронт огранился несколькими продольными сколами. Элементы техники двусторонней обработки могли использоваться при формировании клиновидного

тыла и подправки основания (киля), но рудименты вентральной и дорсальной (корковая поверхность гальки) стороны отщепа-заготовки сохраняются вплоть до остаточных форм в ходе такой модели эксплуатации торцового нуклеуса из отщепа.

Торцовые клиновидные нуклеусы из частичных бифасов из отщепов для пластинок и микропластинок. Более сложная технология получения заготовок клиновидных нуклеусов в индустрии Афонтовой Горы IV (Овражная) включала стадию изготовления частичного бифаса из отщепа. Предпосылкой для выбора такой технологии формирования нуклеуса, возможно, были дефекты преформы, излишняя массивность, которая требовала существенного утончения корпуса и придания ему заданной конструкции. Ремонт сколов (складни № 105, 110) показывает, что основой для такой модели расщепления также могли быть массивные сколы с крупных галек, с сохранившейся галечной коркой.

Формирование заготовок торцовых нуклеусов с частичной двусторонней оббивкой велось при помощи отбойников из мягких органических материалов, судя по характеру зон расщепления сколов. Такие сколы серийно представлены в серии складней различной комплектности (№ 84, 105, 26, 37). По складням можно восстановить относительный размер предмета расщепления в пределах 8,0–9,0 см по высоте. Сколы формирования двусторонне обработанных заготовок торцовых нуклеусов весьма тонкие, плавно изогнутые в профиле, с характерной зоной расщепления фасетированной и редуцированной площадкой, оконтуренной овальной «губой» с вентральной стороны.

Форму заготовки нуклеуса на стадии частичного бифаса из отщепа восстановить сложно. Возможно, она была листовидной. Единственный отбракованный частичный бифас, распавшийся на фрагменты (складень № 21), имеет неправильную листовидную форму. Заготовкой для него послужил крупный отщеп. После распада данной заготовки по трещинам каждый из сегментов использовался самостоятельно. В соответствии с технологией и последовательностью обработки, торцовые участки фронта двусторонне обработанных заготовок нуклеусов формировались поперечно ориентированными сколами, в результате образовывалось изогнутое в профиле двусторонне обработанное ребро, скалывание которого предвляло целевое расщепление (складень № 108).

Представленные в складнях № 105 и 110 блоки сколов отражают этап понижения рельефа и выравнивания поверхности заготовки нуклеуса из отщепа в виде системы сколов с радиальной и конвергентной направленностью. Алгоритм дальнейших операций, связанных с формированием базовых конструктивных элементов двусторонних заготовок торцовых нуклеусов из отщепов, клиновидного тыла (гребня) и кия, документирован складнями менее отчетливо. Эти операции завершали подготовку нуклеуса к целевому расщеплению, поэтому их следы хорошо сохранились на остаточных образцах. Судя по размерам преформ (высота фронта до 70–60 мм) и остаточных образцов (до 30–25 мм), нуклеусы циклично возобновлялись, а в ходе оживления площадки высота фронта разово понижалась на 10–8 мм.

Технологии изготовления орудий. *Орудия типа чопперов-стругов и стамесок.* В коллекции каменных изделий стоянки значительной серией представлены изделия из галек. Очевидна их типологическая и функциональная неоднородность. Значительная часть этих изделий из коллекции стоянки изготовлена из уплощенных или массивных галек неправильной треугольной формы. Формирование этих орудий осуществлялось серией сколов твердым отбойником с уплощенной стороны гальки, на ее поперечном расширенном конце или широком косом крае. В результате получались орудия с широким крутым выпуклым поперечным или косопоперечным лезвием, которые

принято называть «чопперы-струги». Близкие по форме изделия с более протяженным лезвием, с участками радиальной оббивки, возможно, на начальной стадии эксплуатации использовались в качестве нуклеусов для отщепов, как это установил В.Е. Щелинский на ряде памятников позднего палеолита Енисея [14, рис. 1, 3].

«Чопперы-струги» данной индустрии, скорее всего, являются орудиями. Оригинальным техническим приемом формировались орудия с крутым поперечным лезвием из удлиненных галек сигарообразной и брусковидной формы. Этот способ получения преформы заключался в рассечении гальки на два сегмента, каждый из которых мог быть законченным орудием или его заготовкой. Примеров фрагментации удлиненных галек в коллекции достаточно много. У ряда образцов, вследствие изогнутости профиля слома и естественного перовидного окончания, образована заостренная в профиле кромка – фактически готовое поперечное лезвие струга или стамески. Для доводки лезвия или его подправки при функциональном износе практиковалась подработка поперечными сколами, ориентированными с уплощенной стороны изделия (складень № 54). В случае необходимости при помощи скалывания крупных поперечных и косопоперечных отщепов полностью или частично обновлялся торец слома гальки и, далее, серией мелких сколов обрабатывался периметр торца (складень № 61). Эти специфические сколы представлены в складнях № 15 и 57. Фактически они являются неполным поперечным сечением галек сигарообразной и брусковидной формы. Сами по себе такие отщепы являются индикатором описанной техники формирования орудий из удлиненных галек и должны считаться важными для диагностики индустрии технологическими сколами.

Классический пример применения приема фрагментации удлиненной гальки дает складень № 51. В качестве основы здесь использовалась брусковидная окатанная галька кремнистой породы, со слоистой цветовой структурой. Первоначальная фрагментация гальки, вероятно, преследовала цель калибровки размеров (длины) орудия и формирования торцового участка. Меньший по размеру сегмент в дальнейшем не использовался, т.е. является технологическим отходом. Более крупный фрагмент обрабатывался сколами «твердым» отбойником со стороны торца разлома.

Скребла с утонченным корпусом. В коллекции выделяется небольшая группа скребел на отщепах, обработанных при помощи приема утончения корпуса. Утончение корпуса скребел ядрищным способом обработки не является уникальным в индустриях позднего палеолита Сибири, в частности, это прием отмечен в материалах стоянки афонтовской культуры Кокорево II [1, табл. XXI, 3]. В западной части Евразии прием обработки скребел вырастает из изделий типа truncated-facetted. Последние изделия многочисленны в индустриях левантийского мустье и мустье загросского типа. Различные варианты truncated-facetted встречаются в индустриях среднего палеолита и переходных индустриях Кавказского региона [15], на юге Русской равнины [16–18], в Узбекистане [19; 20] и в других местах. Есть они в позднем палеолите Среднего Енисея, в частности, на стоянке Стрелка-I [21].

Дорсальная поверхность упомянутых изделий обрабатывалась с вторичных площадок, ориентированных на вентральную сторону. Вторичные площадки образованы пологими сколами. Сколы утончений корпуса наносились либо до ретуширования продольного края, либо после его ретуширования, существенно понижая рельеф концевых участков. Последний экземпляр обрабатывался вторичными сколами с двух концов орудия. Неудачная попытка понижения рельефа и утончения корпуса продольного скребла отражена в складне № 65. Закончившиеся заломами сколы наносились с двух вторичных полюсных площадок по типу bi-truncated-facetted.

Скребла обушковые. Скребла продольные выпуклые обушковые представлены в индустрии несколькими экземплярами. Продольные лезвия формировались при помощи оббивки и мелкой краевой подправки. Массивность корпуса понижалась сколами с продольного обушка, т.е. специфическим приемом утончения корпуса. Стадии утончения корпуса и оббивки лезвийного участка отражены в складне № 72. К этому же типу обработки относится скребло из черного кварцита. Оббивка края массивной заготовки в сочетании с мелкой подправкой – сопряженные приемы формирования лезвий скребел.

Бифасы. Судить о технологии изготовления орудий с двусторонней обработкой можно по немногочисленным изделиям. В этот круг входят заготовка листовидного бифаса (складень № 62), частично-двустороннее изделие в трех фрагментах (складень № 21) и два плоско-выпуклых скребла овальной формы из полосчатого кварцита. Частично-двустороннее изделие, скорее всего, является неудавшейся фрагментированной заготовкой клиновидного нуклеуса, два плоско-выпуклых скребла не сопровождаются сколами из такого же сырья и были принесены со стороны в готовом виде. Оба изготовлены по технологии плоско-выпуклых бифасов, с первоначальным вентральным уплощением скола-заготовки. Заготовка листовидного бифаса (складень № 62) симметрична в плане и в профиле. Исходная форма скрыта обработкой, которая производилась крупными сколами с двух сторон попеременно. Продольный профиль зигзагообразный. Оббивка велась твердым отбойником. Многие сколы закончились заломы. Тонкая обработка краев в начальной стадии. После слома условной вершины изделия потенциал его трансформации в листовидное орудие фактически был утрачен.

Заключение. Таким образом, технология расщепления камня основного комплекса стоянки Афонтова Гора IV (Овражная) была хорошо адаптирована к галечному сырью и позволяла достаточно простыми техническими способами формировать и поддерживать в рабочем состоянии относительно небольшой набор каменных инструментов. Сырьевая стратегия строилась на доступности источников каменного сырья в пределах ближнего и среднего радиуса экономической зоны с дополнительными поставками небольшого количества мелкозернистого камня из удаленных источников. Первичное расщепление индустрии базировалось на трех методах, ориентированных на получение пластин, отщепов и пластинок (микропластинок). Пластины средней величины скалывались с призматических одноплощадочных нуклеусов из удлинённых объемных галек и их фрагментов, для получения отщепов служили дисковидные нуклеусы, пластинки и микропластинки производились путем раскалывания нуклеусов торцовой конструкции. Крупные пластины (более 10 см) единичны и относятся к категории технологических сколов. Степень интенсивности расщепления галечных нуклеусов для пластин невысокая. Для изготовления двусторонне обработанных заготовок торцовых нуклеусов широко использовались отбойники из органических материалов. Скалывание пластинок и микропластинок с торцовых нуклеусов обеих разновидностей велось при помощи техники ручного отжима или при помощи посредника. В данном комплексе бифасиальная технология – это стадия производства заготовок клиновидных нуклеусов. При изготовлении орудий из сколов и пластин использовались приемы оббивки, фрагментации, различная ретушь и прием ядрищного утончения. Условные галечные орудия (чопперы-струги и стамески) производились с помощью оббивки краевых и торцовых участков, фрагментации и подправки. Структура каменной индустрии стоянки достаточно развитая и включает несколько тесно переплетенных «линий

обработки», направленных на получение галечных орудий, орудий из отщепов и пластин, микропластинок для наборных лезвий в пазовой основе.

Благодарности. Авторы благодарят Д.Н. Лысенко за поддержку, оказанную при осуществлении данного проекта, а также О.А. Полякову и Н.В. Манько за техническую помощь, оказанную при подготовке статьи к публикации.

Статья подготовлена в рамках ведомственного проекта ООО «Красноярская Геоархеология» «Модель развития позднего палеолита Среднего Енисея», а также в/б темы «Эволюция общества на землях Донбасса с древнейших времен до XVII века» (шифр FRRE-2026-0023) и ГЗ «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура / З.А. Абрамова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.
2. Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура / З.А. Абрамова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 158 с.
3. Абрамова З.А. Палеолит Енисея / З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев и др. / Отв. ред. А. Абрамова. – Л.: Наука. 1991. – 155 с.
4. Ауэрбах Н.К. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора II / Н.К. Ауэрбах, Г.П. Сосновский // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – 1932. – Т. 1. – С. 45–114.
5. Дроздов Н.И. Палеолит Афонтовой Горы: последние данные – новые вопросы / Н.И. Дроздов, Е.Н. Артемьев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 1 (29). – С. 39–45.
6. Разгильдеева И.И. Позднепалеолитический жилищно-хозяйственный комплекс стоянки Афонтова Гора IV (Овражная): результаты исследований 2020–2021 гг. / И.И. Разгильдеева, Е.В. Акимова, А.В. Барков, А.М. Клементьев, В.М. Новосельцева // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50, № 4. – С. 27–38. – DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.4.027-038
7. Разгильдеева И.И. Стоянка Афонтова Гора IV (Овражная): анализ комплекса с «охрой» в структуре палеолитического слоя / И.И. Разгильдеева, Е.В. Акимова, А.В. Барков, Е.И. Демонтерова, А.М. Клементьев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2024. – Т. 52, № 4. – С. 75–84. – DOI: 10.17746/1563-0102.2024.52.4.075-084
8. Колесник А.В. Продукты контрударного расщепления камня в культурном слое 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в Красноярске / А.В. Колесник, Е.Ю. Гиря, А.В. Барков, Е.В. Артемьев, Е.В. Мурза // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2025. – № 1 (92). – С. 6–35. – DOI: 10.5281/zenodo.15769431
9. Барков А.В. Клад микропластин из позднепалеолитического слоя стоянки Стрелка-1 в Красноярске / А.В. Барков, А.В. Колесник // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 7. – С. 73–84. – DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-7-73-84>
10. Колесник А.В. К определению полноты технологических контекстов в каменной индустрии культурного слоя 3 позднепалеолитической стоянки Стрелка-1 в г. Красноярске (на примере скребел) / А.В. Колесник, Е.Ю. Гиря, А.В. Барков, Е.В. Артемьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 38–51. – DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51
11. Гиря Е.Ю. Уникальное изделие из бивнёвого отщепа со стоянки верхнего палеолита Стрелка-1 (Красноярск) / Е.Ю. Гиря, А.В. Барков, Г.А. Хлопачев, А.В. Колесник // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2025. – № 1. – С. 315–331. – DOI: <https://doi.org/10.55086/sp251315331>
12. Гурулёв Д.А. Стоянка Солнечный: облик культуры начала поздней поры верхнего палеолита на Среднем Енисее / Д.А. Гурулёв, А.В. Колесник, А.М. Клементьев, В.А. Голубцов, М.Ю. Опекунова, А.В. Петрожицкий, Д.Н. Лысенко // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2025. – № 1. – С. 293–320. – DOI: 10.55086/sp241293320
13. Колесник А.В. Позднепалеолитическая стоянка Стрелка-1 в Красноярске: коллективная монография / А.В. Колесник, А.В. Барков, М.Ю. Опекунова, В.А. Голубцов, А.В. Вишневский, А.М. Клементьев,

- Е.В. Артемьев, И.И. Разгильдеева, Е.Ю. Гиря, Г.А. Хлопачев, Д.А. Гурулёв / под ред. А.В. Колесника. – Красноярск: ООО Издательство «Офсет», 2025. – 384 с.
14. Щелинский В.Е. Изучение производственных функций галечных орудий из позднелептостеновых стоянок Енисея / В.Е. Щелинский // Палеолит и неолит СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. – № 185. – Л.: Наука, 1972. – С. 142–149.
 15. Голованова Л.В. Загорское мустье на Кавказе / Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев, Е.В. Дороничева // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20-25 апреля 2020 г. / отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: МавраевЪ, 2020. – С. 39–41.
 16. Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита / П.Е. Нехорошев. – СПб: Европейский Дом, 1999. – 173 с.
 17. Колесник А.В. Трансформация скребел с утонченным корпусом / А.В. Колесник // Археологический альманах. – 1994.. – № 3. – С. 85–100.
 18. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса / А.В. Колесник // Археологический альманах. – Донецк, 2002. – № 12. – 294 с.
 19. Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия нижних слоев индустрии грота Оби-Рахмат (Узбекистан) / К.А. Колобова, А.В. Шалагина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 7. – С. 106–113.
 20. Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / А.И. Кривошапкин. – Новосибирск, 2012. – 37 с.
 21. Колесник А.В. О редукции каменных орудий в индустриях стоянок позднего палеолита г. Красноярска (по материалам стоянок Стрелка-1 и Афонтова Гора IV (Овражная) / А.В. Колесник, А.В. Барков, Е.В. Мурза // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2026. – № 19 (8). – С. 1620–1631.

REFERENCES

1. Abramova, Z.A. (1979). *Paleolithic of the Yenisei: Kokorevo Culture*. Novosibirsk: Nauka. 200 p. (In Russian).
2. Abramova, Z.A. (1979). *Paleolithic of the Yenisei: Afontovo Culture*. Novosibirsk: Nauka. 158 p. (In Russian).
3. Abramova, Z.A., Astakhov, S.N., Vasil'ev, S.A. et al. (1991). *Paleolithic of the Yenisei*. Leningrad: Nauka. 153 p. (In Russian).
4. Auerbakh, N.K. & Sosnovskij, G.P. (1932). [Materials for the study of the Paleolithic industry and the conditions of its occurrence at the Afontova Gora site]. *Trudy komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* = Proceedings of the Commission for the Study of the Quaternary Period. Vol. 1. Moscow–Leningrad: AN SSSR. P. 45–114. (In Russian).
5. Drozdov, N.I. & Artem'ev, E.N. (2017). [Paleolithic of Afontova Gora: new data – new questions]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. No. 1 (29). P. 39–45. (In Russian).
6. Razgil'deeva, I.I., Akimova, E.V., Barkov, A.V., Klement'ev, A.M. & Novosel'tseva, V.M. (2022). [Late Paleolithic residential and economic complex of the Afontova Gora IV site (Ovrazhnaya): results of research in 2020–2021]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Vol. 50, No. 4. P. 27–38. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.4.027-038. (In Russian).
7. Razgil'deeva, I.I., Akimova, E.V., Barkov, A.V., Demonterova, E.I. & Klement'ev, A.M. (2024). [Site Afontova Gora IV (Ovrazhnaya): analysis of the complex with "ochre" in the structure of the Paleolithic layer]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Vol. 52, No. 4. P. 75–84. DOI: 10.17746/1563-0102.2024.52.4.075-084. (In Russian).
8. Kolesnik, A.V., Giryа, E.Yu., Barkov, A.V., Artem'ev, E.V. & Murza, E.V. (2025a). [Products of counter-impact stone knapping in cultural layer 3 of the Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanij* = Journal of Historical, Political and International Studies. No. 1 (92). P. 6–35. DOI: 10.5281/zenodo.15769431. (In Russian).
9. Barkov A.V., Kolesnik A.V. (2024). Hoard of microblades from the late Paleolithic layer of the Strelka-1 site in Krasnoyarsk]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* =

- Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. – Vol. 23, No. 7. – P. 73-84. (In Russian).
10. Kolesnik, A.V., Giryа, E.Yu., Barkov, A.V. & Artem'ev, E.V. (2025b). [On determining the completeness of technological contexts in the stone industry of cultural layer 3 of the Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk (on the example of scrapers)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 24, No. 5. P. 38–51. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51. (In Russian).
 11. Giryа, E.Yu., Barkov, A.V., Khlopachev, G.A. & Kolesnik, A.V. (2025). [A unique artifact made of a tusk flake from the Upper Paleolithic site Strelka-1 (Krasnoyarsk)]. *Sratum plus. Chelovek preodolevayushchij: soprotivlenie materialov* = Stratum plus. Man Overcoming: Resistance of Materials. No. 1. Sankt-Peterburg, Odessa, Bucharest. DOI: 10.25205/1818-7919-2025-24-5-38-51. P. 315–333. (In Russian).
 12. Gurulev, D.A., Kolesnik, A.V., Klement'ev, A.M., Golubtsov, V.A., Opekunova, M.Yu., Petrozhitskij, A.V. & Lysenko, D.N. (2025). [Site Solnechny: the appearance of the culture of the beginning of the Late Upper Paleolithic on the Middle Yenisei]. *Sratum plus. Chelovek preodolevayushchij: soprotivlenie materialov* = Stratum plus. Man Overcoming: Resistance of Materials. No. 1. Sankt-Peterburg, Odessa, Bucharest. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp241293320>. P. 293–320. (In Russian).
 13. Kolesnik, A.V., Barkov, A.V., Opekunova, M.Yu., Golubtsov, V.A., Vishnevskij, A.V., Klement'ev, A.M., Artem'ev, E.V., Razgil'deeva, I.I., Giryа, E.Yu., Khlopachev, G.A. & Gurulev, D.A. (2025). *The Late Paleolithic site Strelka-1 in Krasnoyarsk: collective monograph*. Ed. by A.V. Kolesnik. Krasnoyarsk: OOO Izdatel'stvo «Ofset». 384 p. (In Russian).
 14. Shchelinskij, V.E. (1972). [Study of the production functions of pebble tools from the Late Paleolithic sites of the Yenisei]. *Paleolit i neolit SSSR. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* = Paleolithic and Neolithic of the USSR. Materials and Research on Archaeology of the USSR. No. 185. Leningrad: Nauka. Vol. 7. P. 142–149. (In Russian).
 15. Golovanova, L.V., Doronichev, V.B. & Doronicheva, E.V. (2020). [Zagros Mousterian in the Caucasus]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 50-letiyu Krupnovskikh chtenij i 50-letiyu Derbentskoj arkheologicheskoy ekspeditsii* = Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Krupnov Readings and the 50th Anniversary of the Derbent Archaeological Expedition. Makhachkala: Mavraev. P. 39–41. (In Russian).
 16. Nekhoroshev, P.E. (1999). *Technological method for studying primary stone knapping of the Middle Paleolithic*. Sankt-Peterburg: Evropejskij Dom. 173 p. (In Russian).
 17. Kolesnik, A.V. (1994). [Transformation of scrapers with a thinned body]. *Arkheologicheskij al'manakh* = Archaeological Almanac. Iss. 3. P. 85–100. (In Russian).
 18. Kolesnik, A.V. (2003). *Middle Paleolithic of Donbass*. *Arkheologicheskij al'manakh*. Iss. 12. Donetsk. 294 p. (In Russian).
 19. Kolobova, K.A. & Shalagina, A.V. (2013). [Truncated-faceted tools from the lower layers of the industry of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan)]. *Vestnik NGU. Seriya Istoriya, filosofiya* = Bulletin of NSU. Series History, Philosophy. Vol. 12, Iss. 7: Archaeology and Ethnography. P. 105–113. (In Russian).
 20. Krivoshapkin, A.I. (2012). *The Obi-Rakhmat variant of the transition from the Middle to Upper Paleolithic: abstract of doctoral dissertation*. Novosibirsk. 37 p. (In Russian).
 21. Kolesnik A.V., Barkov A.V., Murza E.V. (2026). [On the reduction of stone tools in the industries of the sites of the late Paleolithic of Krasnoyarsk (based on the materials of the sites Strelka-1 and Afontova Gora IV (Ovrazhnaya)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* = *Journal of the Siberian Federal University. Humanities.* – № 19 (8). – Pp. 1620-1631. (In Russian).

TO THE CHARACTERIZATION OF THE TECHNOLOGICAL BASE OF STONE INDUSTRIES OF THE LATE PALEOLITHIC OF THE MIDDLE YENISEY

A.V. Kolesnik, A.V. Barkov

In the Late Paleolithic, a distinct region inhabited by hunter-gatherers, well adapted to exploiting the natural resources of the wide river valley, emerged in the Middle Yenisey basin. The study of these sites has a long tradition. Currently, as a result of intensified urban construction in the city of Krasnoyarsk, sites from this period are being excavated. This makes it possible to provide a detailed characterization of the structure of the

ancient site and the nature of everyday and production activities. The article is devoted to the analysis of the technological base of the stone industry of sites on the example of the characteristics of the methods of knapping nucleuses and processing tools of the stone industry of the Afontova Gora IV (Ovrazhnaya) site in Krasnoyarsk.

Key words: Late Paleolithic, Middle Yenisey, stone industry, stone knapping technology, raw material strategy, stone product complex structure, refitting models.

Поступила в редакцию 24.04.2026 г.

Колесник Александр Викторович

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой археологии, историографии,
источниковедения и методов исторического
исследования,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ;
ст. научный сотрудник,
ФГБН «Институт истории материальной культуры»
РАН, г. С-Петербург, РФ.
E-mail: akolesnik2007@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4933-8438

Барков Александр Викторович

Руководитель отдела выполнения полевых работ,
ООО «Красноярская Геоархеология»,
г. Красноярск, РФ
E-mail: barkovalex@bk.ru

Kolesnik Alexander Viktorovich

doctor of historical sciences, docent
Chef of the Department of Archaeology,
Historiography, Source Studies and Methods of
Historical Research, FSBEI HE “Donetsk State
University”, Donetsk, DPR, Russian Federation
Senior Researcher of the
FSBUN “Institute of the History of Material
Culture”, Russian Academy of Sciences. St-
Peterburg, Russian Federation
E-mail: akolesnik2007@mail.ru

Barkov Alexander Viktorovich

Head of the Field Work Department LLC
“Krasnoyarsk Geoarchaeology”, Krasnoyarsk,
Russian Federation
E-mail: barkovalex@bk.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ И ФОРМИРУЮЩАЯСЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ

© 2026 А. И. Минаев

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

Многополярность современных международных отношений, оставаясь предметом научных дискуссий, выходит на уровень реальной внешней политики ведущих стран мира, в первую очередь, России, Китая и Индии. В этой связи исследования ее исторической обусловленности и закономерности приобретают актуальное значение. В статье предпринимается попытка анализа институциональных основ и содержания международных отношений в Древности, а также выяснения их роли и места в развитии, современном состоянии и перспективах общемировых внешнеполитических процессов.

Ключевые слова: международные отношения, древний мир, государства-цивилизации, имперские пространства, многополярность, полюс многополярности

Современное состояние международных отношений ставит перед политиками, политологами и историками большое количество вопросов. В дискуссионном поле оказываются проблемы их системности, полярности исторической преемственности. Целью настоящей статьи является попытка определения аналогий между удаленными друг от друга в историческом времени международными отношениями Древности и формирующейся современной многополярностью посредством анализа и сопоставления их сущностных, институциональных и содержательных характеристик.

«Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании, – подчеркивает Л.П. Репина, – имеет последствия не только для образа нашего непредсказуемого *вчера*, но и – через отношение к прошлому – для самоопределения и практической деятельности сегодня по «обустройству» грядущего *завтра*» [7, с. 494]. Размышляя о перспективах глобальной истории, ученый обращает внимание на «...сравнительный подход нового типа, который, в отличие от «старомодной» компаративной истории ...встраивает локальные истории в глобальный контекст, раскрывая структурную логику сходных явлений, процессов и социальных конфликтов, отдаленных в пространстве и во времени...» [7, с. 205].

Профессор Д.Е. Муза при рассмотрении историософских проблем политической глобалистики предлагает руководствоваться «1) *философско-исторической аксиоматикой*, а именно основными положениями цивилизационной теории, сегодня фундаментально сопряженной с теорией мировой политики, теорией международных отношений и геополитикой; 2) *оригинальной гипотезой развития истории*: пониманием генезиса и протекания глобальных процессов, конструирования глобальных систем в локусе западной цивилизации, с последующей их экстраполяцией вовне, плюс вторичным их связыванием в систему под действием феномена глобализации; 3) *специфической категориальной структурой*, основанной на выявлении коренных узлов и противоречий и наиболее правдоподобных сценариев преодоления глобальных проблем, коррекции феномена глобализации с учетом ценностно-рациональных начал деятельности цивилизационно-дискретного человечества» [4, с. 6].

Разделяя приведенные положения, автор в своих рассуждениях исходит из гипотезы, что многополярность международных отношений всегда была для них

наиболее приемлемой основой, обеспечивающей отсутствие в этой сфере верховной власти и создающей условия для вариативности поведения участников этих отношений в целях самосохранения и улучшения своих внешнеполитических позиций. Исходя из данного тезиса предлагается следующая классификация:

- досистемная многополярность – процесс развития локальных политических центров силы и влияния без включения их в систему международных отношений
- системная многополярность – структура, определяющая характер взаимодействий акторов системы международных отношений, прежде всего, национальных государств;
- цивилизационная многополярность – структура, формируемая государствами-цивилизациями, обладающими реальным суверенитетом, и характеристиками полюса (центра глобального влияния) в международных отношениях.

Досистемная многополярность, начальный период которой рассматривается автором в настоящей статье, совпадает с Древностью, Средневековьем и Ранним новым временем. Ее начало асинхронно в силу несовпадения во времени и в степени интенсивности локальных вариантов политогенеза.

Сложность изучения международных отношений как древности, так и довестфальской эпохи в целом, помимо исторической удаленности и ограниченности источниковой базы, объясняется А.В. Фененко отсутствием у государств устойчивой территории и институтов, большим количеством негосударственных игроков, сложными отношениями подчинения и соподчинения, что делало правителей субъектами единого политического пространства [11, с. 17]. Принципиальным является указание исследователем не на империю, как на достаточно сформированную систему властвования, а на имперское пространство – территории подконтрольные определенной империи. Если империя форма, то имперское пространство, скорее, способ взаимодействия сильнейшего с подвластными субъектами в целях поддержания стабильности.

Имперские пространства Древности соотносятся с ранними локальными цивилизациями. В.А. Никонов рассматривает их, как длящиеся в истории социокультурные общности наций и государств, которые объединяют ряд общих или схожих параметров и характеристик. К таковым он относит географический регион, религию, языковую близость, особенности культуры и систему ценностей, устойчивые черты общественно-политической организации, взаимоотношений между государством и обществом, которые часто описываются в терминах политической культуры, психологическое чувство принадлежности к общности, самоидентичность, осознаваемую элитами геополитическая общность, стремление к региональной интеграции [6, с. 53 – 54].

Э.Г. Соловьев сформулировал основные особенности международных отношений древнего мира [1, с. 19 – 24]. Их содержание емко определил русский и американский (в эмиграции) историк-антиковед и археолог М.И. Ростовцев. «...Античный мир, – писал ученый, – как современный, стремился к всеобщему миру. Но было два пути, которые могли бы повести к этой цели. Один путь был путь насилия: заставить людей не воевать, объединив их в одном могучем мировом государстве. ... Другой путь к миру лежал через взаимное признание отдельными государствами их права на существование и на самостоятельное развитие. Он вел к созданию системы государств, взаимно друг друга уравнивающих, к т.н. равновесию си (balance of power)». [8, с. 70.] Рассуждая о складывании мировых империй Древности, выдающийся немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс писал: «Непосредственной

причиной их возникновения была необходимость остановить постоянные вторжения кочевых племен на культивируемые земли посредством завоевания всех соседних земель и самих кочевых племен...» [13, с. 71 – 72]. Рассматривая борьбу за гегемонию как важнейший внешнеполитический трек древнего мира, А.Д. Богатуров, вместе с тем, подчеркивает: «С позиций сегодняшнего дня относительность «античной однополярности» очевидна» [9, с. 13].

Автор опирается на сложившуюся в отечественной исторической науке общую периодизацию и хронологию истории международных отношений в древности, которая выделяет три этапа в их развитии [1, с. 24 – 30].

Первый этап охватывает период с рубежа IV–III тыс. до н.э. вплоть до середины II тыс. до н.э. Это был достаточно длительный отрезок исторического времени, в течение которого межгосударственные отношения находились в зачаточном состоянии на локальном и региональном уровнях, формируясь вслед за возникновением первых государственных образований «номового» характера.

Второй этап развития международных отношений – с середины II тыс. до н.э. и вплоть до V–IV вв. до н.э. – представлял собой совокупность процессов формирования ряда региональных субсистем этих отношений как результат интенсификации взаимодействий прежде относительно замкнутых, локальных речных субсистем (на Ближнем Востоке, в Индии, в Китае), а также возникновение новых региональных субсистем в тех районах ойкумены, которые ранее не были затронуты процессами государства образования. При этом каждая из региональных и локальных субсистем (за некоторым исключением Востока, прежде всего Китая) уже не являлась полностью изолированной. В их рамках, как правило, имело место преобладание олигополистической структуры международных отношений, т.е. в рамках каждой из систем доминировали и определяли основные правила международного общения немногие ведущие игроки.

Третий этап (V–IV вв. до н.э. – до середины V в. н.э.) образно определяют, как «эпоху гигантов». Это период доминирования в международных отношениях крупных военно-административных государственных образований или «мировых» империй, Ахеменидов, Александра Македонского с ее последующей трансформацией в систему эллинистических государств, Римской.

В контексте статьи важными представляются положения о международных отношениях Древности, сформулированные А.В. Фененко. Их принципиальным отличием исследователь считает «...отсутствие идентичности национальных государств. У государства Древности ...часто не было суверенитета как права осуществлять верховную власть в пределах определенной территории. Их правители нередко осуществляли *соуправление* в рамках более широкой политической системы:

- имперской, построенной на иерархическом принципе подчинения одних единиц другим (причем подчиненные единицы могли как обладать широкой автономией, так и иметь сугубо номинальные права);
- родоплеменной, в которой определенная территория рассматривается как собственность всего рода или племени;
- ассоциативной, построенной на относительно равноправном объединении малых политических единиц;
- теократической («чистой теократии»), в которой верховный правитель сочетает в себе функции верховного носителя религиозного культа и формально подчинен мистическим высшим силам» [11, с. 15].

А.В. Фененко не рассматривает международные отношения как совокупность внешних политик их участников, но выделяет в Древности наиболее значимые тенденции, процессы, в контексте которых и происходили внешние взаимодействия, приобретавшие зачастую состояние, которое может быть определено, как предшествующее или близкое к системному. Своего рода границами этой «протосистемности» становились общее время и общая территория взаимодействий, причинная обусловленность. Для Древнего Востока исследователь выделяет взаимодействие цивилизаций-оюкумен раннего «бронзового века», преодоление изоляции цивилизаций-оюкумен в «средней бронзе», Амарнскую систему в период «поздней бронзы», ассирийскую гегемонию в раннем «железном веке», установление персидской гегемонии на Ближнем Востоке и практически полностью изолированное формирование Восточноазиатской оюкумены. В Античности, в его трактовке, имели место силовое равновесие в Древней Греции, соперничество талассократий в Средиземноморской оюкумене, переход к системе «полисных империй», эллинистическая система силового равновесия, установление римской гегемонии в Средиземноморской оюкумене, становление трансевропейского взаимодействия, Распад римской гегемонии. Приведенные последовательности свидетельствуют о взаимопроникновении двух тенденций тогдашних международных отношений – полицентризма и гегемонизма. Вторая при этом не уничтожала первую, но адаптировала ее к условиям существования в рамках имперских пространств, трактовку которых предлагает исследователь.

Приведем некоторые многополярные «протосистемы» международных отношений древности по А.В. Фененко.

В середине XV в. до н.э. к концу периода «средней бронзы» в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке возникло пять геополитических центров: Египетская империя, Хеттское царство, Среднеавилонское царство, ахейская Греция и Элам. Они вышли на условные сухопутные и морские границы друг друга и по сути составили с оговорками первую в мировой истории систему международных отношений. [11, с. 62]. Обращает на себя внимание число этих государств и подобных образований, поскольку в теории именно пять государств-лидеров, составляют наиболее жизнеспособный мировой порядок как модель международной системы [12, с. 35].

К середине I тыс. до н.э. в Средиземноморье сформировалось несколько геополитических центров, ведущих активную морскую торговую политику. Это предопределило соперничество между талассократическими державами за установление торговой гегемонии. Основной силой в этих конфликтах становилась «морская мощь» – широкое использование торгового и военного флотов в борьбе за преобладание [11, с. 138].

Первая в истории модель международных отношений силового равновесия, напоминающая более позднюю систему баланса сил, сложилась по мнению А.В. Фененко, в эпоху эллинизма. Конкуренция эллинистических государств за влияние в Восточном Средиземноморье определяла их взаимоотношения. Это по сути влекло за собой построение многополярной системы в рамках относительно однородного политического пространства [11, с. 170].

Т.А. Алексеева обращает внимание на то, что А.В. Фененко убедительно показывает, что, начиная как минимум с I в. до н.э. существовала единая трансевразийская система, объединенная Великим шелковым путем. Последний имел три трассы: северную (через Нижнюю Волгу, Причерноморье и современную

Венгрию); центральную (через Центральную Азию, Персию и Малую Азию), южную или морскую (от побережья Китая и Японии через Тихий и Индийский океаны на Эфиопию и Египет). Полторы тысячи лет международные отношения строились вокруг соперничества за контроль над этими тремя трассами между их крупнейшими заинтересованными участниками [11, с. 6].

Д.В. Малышев в своей рецензии пишет: «А.В. Фененко осуществил смелый эксперимент: он использовал лексику науки о международных отношениях к «довестфальскому» периоду. Описать их в терминологии мировых порядков, как справедливо отмечает автор, невозможно. Зато к ним, как доказывает ученый, вполне можно применить терминологию американского международника Мортон Каплана, разработавшего теорию международно-политических систем. Смысл учебного пособия А.В. Фененко заключается в том, чтобы доказать, что подобные системы, хотя и со своей спецификой, существовали и развивались в мире донациональных государств. Автор добавляет к ним теорию имперских систем американского социолога Эдварда Шилза, что позволяет ему представить международные отношения «довестфальской» эпохи как совокупность имперских систем, внутри которых взаимодействуют различные субъекты» [2, с. 636].

В современном научном дискурсе наблюдается разнообразие трактовок и представлений о многополярности и сущности полюса системы международных отношений [10, с. 440]. Для нас наиболее приемлем концепт государства-цивилизации в качестве такового. В этой связи обращение к Древности не просто оправдано, но и научно обусловлено. Историческая преемственность как важнейшая отличительная черта образований такого рода формируется на протяжении нескольких исторических эпох, вбирая в себя их культурные, идейные, политические смыслы, форматы и коды.

Для центров глобального влияния важным конкурентным преимуществом становится историческое время, формировавшее локально-цивилизационные особенности. Сегодня один из парадоксов международных отношений состоит в том, что более современными и потенциально лидирующими становятся те, чья практика регионального или глобального лидерства прошла долгий исторический путь.

Политологический анализ отличительных черт современных международных отношений зачастую стимулирует поиск аналогий с предшествовавшими историческими эпохами, в том числе, и с Древностью. Например, А.И. Неклесса определяет их, как «... динамичную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней, сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*)» [5, с. 182]. Отметим их некоторые особенности, на которые обращает внимание исследователь:

- кризис культурно-идеологических и практических основ национальной государственности;
- деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных «договоренностей» вместо полноценных договоров;
- перераспределение властных полномочий с национального на транснациональный и региональный уровень;
- слияние политических и экономических функций в современном мире, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий;
- появление новых субъектов власти, таких как глобальная держава, неформальных центров влияния высокого уровня компетенции;

- развитие горизонтальных политических связей, появление феномена стран-систем [5, с. 182].

По нашему мнению, указанные характеристики с учетом историко-временных и пространственных допущений могут быть применимы к имперским пространствам Древности, что свидетельствует о повторяемости форматов и характера внешних взаимодействий в весьма отдаленные друг от друга исторические эпохи.

Полюсами международных отношений в их позитивной динамике станут региональные/цивилизационные платформы, а их политическим выражением – государства-цивилизации/страны-системы. Принимая при этом сетевой характер не подчинения, а сотрудничества, эти отношения на новом уровне будут воспроизводить опыт имперских пространств/ойкумен Древности.

Международная анархия древнего мира шла по пути консолидации в рамках имперских пространств. Нечто подобное посредством цивилизационных форматов и практик Постмодерна произойдет в ближайшие десятилетия. Еще раз обратим внимание на возможность подобных трансформаций исключительно в условиях позитивной мировой динамики, а также выразим нашу уверенность в том, что нарастание фактора силы в современных международных отношениях ускорит выбор между крахом глобальной цивилизации и балансом цивилизационных платформ в пользу последнего. Возможно, что нечто подобное предложенному автором ранее концепту «формации цивилизаций» станет одной из цивилизационно-сетевых структур, способных гарантировать продолжение истории [3, с. 16 – 17].

Итоговые авторские положения сводятся к следующим:

- в Древности международные отношения приобрели весьма специфические формы и характер;
- этим отношениям не была свойственна системность, выраженная в мировом порядке;
- имперские пространства Древности не столько формировали общую государственную жизнь с подвластными территориями, сколько обеспечивали своего рода принуждение к миру;
- многополярность международных отношений Древности имела, по крайней мере, четыре уровня, наслаивавших друг на друга во времени в силу территориальной и временной неравномерности политогенеза;
- первый составляли конкурирующие друг с другом общины-государства (номы, полисы) на стадии их самостоятельного существования, предшествующей либо централизации в рамках деспотий в странах «речной культуры», либо «конфедераций» греческого и римского образцов;
- второй представлял собой военное противостояние друг другу многочисленных военных монархий Древнего Востока, компенсировавших посредством грабежа неэффективность собственного аграрного производства, обусловленную сложным рельефом территории и отсутствием развитой ирригации;
- третий выражался в конкуренции областей (сатрапий, провинций) внутри имперских пространств, не исключавших относительной политической автономии указанных образований, становившихся подвластными;
- четвертый, высший, предполагал сосуществование с элементами взаимодействия самих имперских пространств, представлявших собой своего рода подсистемы международных отношений;
- многополярность периодически уступала свое место временным гегемонистским имперским конструкциям, в основе которых, в немалой

степени, лежала потребность в установление относительного порядка на контролируемой территории;

- в современных конструкциях многополярности международных отношений, в центре которых лежат представления о государствах-цивилизациях как форматах региональной стабильности и полюсах глобального влияния, можно обнаружить исторические аналогии с имперскими пространствами Древности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История международных отношений. Под ред. Г.В. Каменской, О.А. Колобова, Э.Г. Соловьева. – М.: Логос, 2007. – 712 с.
2. Малышев Д. В. Рецензия на книгу: Фененко А. В. История международных отношений в довестфальскую эпоху: учебное пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2022. 752 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 635–638.
3. Минаев А.И. Полицивилизационность и многополярность как предпосылки «формации цивилизации»: исторический аспект // Вестник Донецкого национального университета Серия Б. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 11 – 17.
4. Муза Д.Е. Глобалистика: Учебник. – М.: Академический проект, 2020. – 392 с.
5. Неклесса А.И. Цивилизационные альтернативы Постсовременности / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 165 – 200.
6. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 880 с.
7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
8. Ростовцев М.И. Международные отношения и международное право в древнем мире // Вестник СПбГУ Сер. 14. – 2013. – Вып. 4. – С. 67 – 84.
9. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918 – 1945. Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том первый. События. 1918 – 1945. – М.: Московский рабочий, 2000. – 516 с.
10. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 424–445.
11. Фененко А.В. История международных отношений в довестфальскую эпоху: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. / А.В. Фененко. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 776 с.
12. Цыганков П.А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского университета. Серия: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 25–40.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

REFERENCES

1. The History of International relations (2007) G.V. Kamenskaya, O.A. Kolobova, E.G. Solovieva. Moscow: Logos Publishing House (In Russian).
2. Malyshev D.V. (2022) Book review: Fenenko A.V. History of international relations in the Pre-Westphalian era: a textbook for universities. Moscow : Aspect Press, 2022. 752 p. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhby narodov. Seria: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. Vol.22, 3. 635 - 638 (In Russian).
3. Minaev A.I. (2023) [Polycivilizationism and multipolarity as prerequisites for the "formation of civilization": a historical aspect] *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seria B. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Donetsk National University, Series B. Humanities*. 3. 11 – 17. (In Russian).
4. Muza D.E. (2020) *Globalistics: A Textbook*. Moscow: Akademicheskyyi prospekt (In Russian).
5. Neklessa A.I. (2016) *Civilizational Alternatives to Postmodernity / Political Science Facing the Challenges of Global and Regional Development: scientific publication*. O.V.Gaman-Golutvina (eds.). Moscow: Aspekt Press Publishing House (In Russian).

6. Nikonov V.A. (2015) The modern world and its origins. Moscow: Moscow University Publishing House. (In Russian).
7. Repina L.N. (2011) Historical science at the turn of the XX – XXI centuries: social theories and historiographical practice. Moscow: Krug. (In Russian).
8. Rostovtsev M.I. (2013) [International relations and international law in the ancient world] Vestnik SPbGU = Bulletin of St. Petersburg State University. Seria 14. Vol.4. 67 - 84. (In Russian).
9. A systematic history of international relations in four volumes. Events and documents. 1918 – 1945 (2000). A.D. Bogaturov (eds.). Moscow: Moscovskiy rabochiy. (In Russian).
10. Soluyanov V.S. (2021) [The concept of multipolarity: a variety of approaches and interpretations] Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhby narodov. Seria: PolitologiyaMezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Politology. Vol. 23. 3, 424 - 445 (In Russian).
11. Fenenko A.V. (2024) The history of international relations in the Pre-Westphalian era: Textbook for universities. Moscow: Aspekt Press Publishing House (In Russian).
12. Tsugankov P.A. (2012) [Morton Kaplan and the Systematic Study of International Politics] // Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of the Moscow University. Series: International Relations and World Politics. 1, 25 - 40 (In Russian).
13. Yaspers K. (1991) The meaning and purpose of the History. Moscow: Political Edition Publishing House (In Russian).

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE AGE OF ANTIQUITY AND EMERGING MULTIPOLARITY

The multipolarity of modern international relations, while remaining a subject of scientific discussions, is emerging as a real foreign policy of the world's leading countries, primarily Russia, China, and India. In this regard, research on its historical background and patterns becomes relevant. This article attempts to analyze the institutional foundations and content of international relations in ancient times, as well as to determine their role and place in the development, current state, and prospects of global foreign policy processes.

Key words: international relations, ancient world, civilizational states, imperial spaces, multipolarity, multipolarity pole.

Поступила в редакцию 28.05.2026 г.

Минаев Андрей Иванович
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина», г. Рязань, РФ.
E-mail: aiminaev68@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-6820-8292

Minaev Andrey Ivanovich
Doctor of Historical Sciences,
FSBEI HE "Ryazan State University named after
S.A. Yesenin", Ryazan, RF.
E-mail: aiminaev68@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ ЮГА РОССИИ В КОНЦЕ 1916 ГОДА

© 2026 *Н. Н. Разумная*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

На основании материалов металлургического завода Никополь-Мариупольского общества, расположенного в районе ст. Сартана Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, анализируется информация о производственных вопросах на 18 металлургических заводах Юга России в конце 1916 г. Данные собраны Статистическим бюро Съезда горнопромышленников Юга России. Анализируется информация о возможном дальнейшем решении актуальных вопросов. Приведены результаты работы комиссии, направленной Особым Совещанием по обороне, с целью повышения производительности заводов в дальнейшем.

Ключевые слова: Юг России, металлургические заводы, 1916 год, Съезд горнопромышленников Юга России.

С 1914 года возрастает стратегическое значение металлургической промышленности Юга России. Угольная промышленность Донбасса после потери Домбровского бассейна становится одним из ведущих поставщиков топлива для железных дорог, городов, предприятий. Снижение общего уровня производства в металлургической промышленности Юга России к концу 1916 года являлось катализатором общеэкономического положения Российской империи. Автор ранее рассматривала в отдельных публикациях [1–5] экономические аспекты, которые привели к революционной ситуации 1917 года в Донбассе.

Источниковую базу исследования составляют неопубликованные материалы металлургического завода Никополь-Мариупольского общества, расположенного в районе ст. Сартана Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, а также материалы Особых журналов Совета Министров Российской империи за 1916 год.

Промышленность Юга России была сконцентрирована. На сравнительно небольшом количестве удачно расположенных рудников добывалось большее количество руды, чем на Урале. В Кривом Роге на Юге России в 1913–1914 гг. действовало 49 рудников с числом рабочих в 23,5 тысячи, которые добывали 390 млн пуд. в год. В то же время на Урале работало 301 предприятие, по добыче руды там было занято 17 200 рабочих, добыча которых составляла только 104 млн пуд. в год. [7, с. 24]. В 1913 г. добыча руды в России составляла 581 млн пудов, которые распределялись следующим образом: 420 млн приходилось на Юг России, 109 млн на Урал, 32 млн пуд. на центр и 19 млн на Царство Польское. Из общей добычи в 420 млн пуд., приходившихся на Юг России, 381 млн пуд. или 90,7 % приходилось на акционерные предприятия, при чем в большинстве из них участвовал иностранный капитал. Иностранные капиталисты принимали участие в 14 акционерных предприятиях, добыча которых в 1913 г. составляла 367 млн пуд. или 87 % общей добычи железной руды на Юге России. На Криворожский район приходилось 390 млн пудов и на Керченский – 29 млн пуд. В Керченском районе вся добыча руды осуществлялась исключительно предприятиями с иностранным капиталом. В Криворожском районе из указанных 390 млн пудов только 82 млн пуд. приходилось на предприятия с русским и иностранным капиталом, все остальное добывали

иностранцы. В 1914 г. добыча железной руды составляла 322 млн пуд. В 1915 г. – 347 млн пуд., в 1916 г. – 350 млн пуд. Вывоз руды в 1914 г. по железным дорогам составлял 281 млн пуд., в 1915 г. – 266 млн пуд., в 1916 г. – 321 млн пуд. [7, с. 25].

В связи с усиленным развитием промышленности в Российской империи постоянно возраставший спрос на металл еще накануне войны вызвал острый дефицит сырья. В целях удовлетворения возникшего в 1912–1913 гг. повышенного потребления металла был разрешен беспошлинный ввоз чугуна из-за границы. В условиях военного времени произошло резкое снижение внутреннего производства металла и сокращение ввоза. В связи с чем еще больше увеличился спрос и ко второй половине 1916 г. достиг предела [15, с.502].

В годы войны усилился спрос на рабочих в связи с изменением характера производства заводов. К концу 1916 г. осталось немного предприятий, которые специализировались исключительно на производстве металла. Metallургические заводы Юга России взяли на себя процессы дальнейшей обработки металла для нужд обороны: они выполняли штамповку стаканов для снарядов [11, Л. 3 обр.], производили снаряды и взрыватели, различные части к ним и т.д. Производственные процессы на металлургических заводах несколько изменились с применением металлообработки и даже механического производства. При этом проводились строительные работы для создания условий данного производства, что потребовало огромного привлечения дополнительных рабочих [11, Л. 4.]. Происходило устройство мастерских для штамповки, отливки и обтачивания снарядов и фугасов. На 18 южных заводах ежемесячно производство снарядов 3'', 6'' и 42'' стаканов превышало 1 млн. Определенное значение для обороны имело создание на некоторых южных заводах производства бензола, несмотря на сложности в оборудовании [11, Л. 9.]. Загруженность заводов исключительно оборонными заказами на одно лишь сортовое железо составляла: к 1 января 1915 г. – 5,07 млн пуд., на 1 января 1916 г. – 28,98 млн пуд., на 1 сентября 1916 г. – 48,96 млн пуд. [11, Л.5 обр.].

В апреле и мае 1916 г. в Харькове и Екатеринославе были созваны особые совещания по обеспечению производства металлургических заводов Юга России. В связи со значительным сокращением в 1915 г. запасов сырья на заводах и недостатком необходимых материалов, были выработаны меры, направленные на улучшение работы горных, металлургических и угольных предприятий на Юге России. 24 июня 1916 г. по инициативе Министра Путей Сообщения состоялось совещание Совета Министров по данному вопросу. Был предложен перечень необходимых мероприятий [15, с. 302-306].

Координирующую роль в решении производственных вопросов в промышленности долгое время выполнял Съезд горнопромышленников Юга России [8, л. 1].

На заседаниях Съезда ежегодно обсуждались вопросы, связанные с функционированием 18 металлургических заводов Юга России [8, л. 1]. Иностранцам принадлежали следующие металлургические предприятия: Новороссийское, Южно-Днепровское, Русско-Бельгийское, Макеевка, Константиновка, Криворожских железных руд, Русский Провиданс, Общество русских трубопрокатных заводов, Ольховское, Донецкое, Краматорское и Торецкое. Основной капитал этих предприятий составлял 107 млн руб. Производство по данным 1913 года – 127 млн пуд. чугуна и 90 млн готовых изделий, т.е. 67 % всего производства чугуна и 58 % всего Южно-Русского производства готовых изделий находилось в руках иностранного капитала. В остальных 6 металлургических заводах – Брянское Общество, Таганрогское Никополь-Мариупольское, Донецко-Юрьевское, Сулинский, [7, с. 26] и Гартмана – с основным капиталом в 118 млн руб. и производством в 58 млн чугуна и 59 тысяч готовых изделий

акции отчасти принадлежали русским предпринимателям со значительным преобладанием иностранцев. По данным Арского Р, выплавка чугуна на заводах Юга России в 1914 г. составила – 159 932 388 пуд., в 1915 г. – 144 622 307 пуд., в 1916 г. – 176 300 000 пуд. [7, с. 27]. По архивным материалам, в 1914 г. она составила 186 245 пуд., в 1915 г. – 167 559 пуд. [11, Л. 1]. Выплавка чугуна на Юге России в первом полугодии 1914 г. составила 98,27 млн пуд., за тот же период 1915 г. – 84 млн пуд., в 1916 г. она снизилась до 83,02 млн пуд. за первую половину года [11, Л. 1]. Низкий уровень выплавки чугуна в первом полугодии 1916 г. объяснялся, главным образом, и нерегулярными поставками сырья к доменным печам [11, Л. 2].

Добыча кокса в Донецком бассейне колебалась в пределах 270 млн пуд. в год. В 1913 г. она составляла 270 млн пуд, в 1914 – 278 млн пуд., в 1915 – 254 млн пуд., в 1916 г. – 271 млн пуд. Это второй важный продукт для металлургической промышленности Юга России [7, с. 6]. Число коксовых печей составляло 3 628, а их производство кокса в 1914 г. равнялось 175 млн пуд. На доменных заводах действовало 1 518 коксовых печей и производство составляло 89 млн пуд. кокса. В 1916 г. производство кокса на всех коксовых печах составило 270 млн пуд. Вывоз кокса из района составил в 1914 г. – 144 млн пуд., а в 1916 г. – 151 млн пуд. Металлургические заводы обеспечивались коксом в недостаточном количестве. Из указанных коксовых печей на каменноугольных шахтах 3 156 печей принадлежали акционерным компаниям с исключительно иностранным капиталом, и производство кокса на них составило 153 млн пуд. На остальные предприятия с иностранным и русским капиталом приходилось 472 печи с производством 17 млн пуд., т.е. почти 90% производства кокса на шахтах приходилось на иностранный капитал и 10% на русский и иностранный капиталы. Та же ситуация наблюдалась и в производстве кокса на металлургических заводах: 1 038 печей принадлежали акционерным обществам с практически исключительно иностранным капиталом, что давало 66 млн пудов кокса, и только треть выпускали остальные предприятия отчасти с иностранным и отчасти с русским капиталом [7, с.22]. Особенно остро сказался весной 1916 г. недостаток кокса. В данном случае предположения об угрожающем недостатке кокса, изложенные в докладе Комиссии XLI Съезду горнопромышленников Юга России, оправдались [11, Л.2].

С начала 1915 г. данные заводы выполняли только оборонные заказы на сталь и железо по особым распоряжениям. Удостоверения выдавались иногда без проверки действительной необходимости заказа, поэтому на предприятиях данные удостоверения накапливались в огромных количествах. С этой целью в августе 1915 г. при центральном Военно-промышленном Комитете было создано Бюро по распределению металлов, лишенное возможности координировать действия различных правительственных учреждений, поэтому оно не справилось с возложенными на него задачами [11, Л.6]. 17 декабря 1915 г. был назначен Уполномоченный по делам металлургической промышленности и создан соответствующий Комитет, в состав которого входили представители ведомств, общественных организаций, Советов Съездов горнопромышленников Юга России, Урала, Министерства торговли и промышленности [11, Л.7]. Тем не менее, ему не удалось упорядочить заказы, поставки сырья и распределить готовые изделия. 6 августа 1916 г. была учреждена должность Главного Уполномоченного по снабжению металлами [11, Л.7 обр.]. Спрос на железо и сталь значительно превышал возможную производительность заводов. Дефицит в железе и стали составлял не менее 7-8 млн пудов в месяц [11, Л.8 обр.].

Для успешного и бесперебойного функционирования 18 металлургических заводов были необходимы: кокс, уголь, антрацит, руда и флюсы [8, Л.1-7].

Попытки восполнения дефицита металла все-таки предпринимались. В октябре 1916 г. в Совете Министров состоялось обсуждение вопроса о разрешении сооружения казенного металлургического завода и о выделении из казны кредитов. В связи с осуществленными расчетами ежегодное потребление металла в стране в 1917 году должно было составлять не менее 550 млн пуд. Основным обоснованием назывался наиболее крупный потребитель в расходовании металла – железные дороги. Поскольку планировалось строительство, расширение и усиление их пропускной способности, т.е. металл был необходим для изготовления рельсов, скреплений, стрелочных переводов, мостовых и подвижного состава, общий расход металла только для железных дорог должен был составить 176 млн пудов. До октября 1916 г. расход металла для одних только железных дорог составлял 70 млн пудов в год., а с работами по усилению железнодорожной сети – около 80 млн пуд. По подсчетам Министерства Путей Сообщения, производительность существующих заводов при достаточном поступлении руды и топлива ожидалась не более, чем 350 млн пудов в год. С каждым годом все более ощутимой становилась полная зависимость железнодорожного строительства от частного рынка снабжения металлами. Заводы, объединившиеся в синдикаты, по мере появления спроса все меньше внимания уделяли железнодорожным заказам, отказывая в выполнении заказов на сложные по техническим требованиям сорта металлов [15, с. 502]. В таких условиях до войны при сравнительно малом спросе на металл со стороны железных дорог отечественным заводам пришлось выдавать заказы на стрелочные переводы в Англии, Германии и Франции и на бандажи в Германии и Бельгии.

По мнению пяти Членов Совета Министров, главной причиной недостатка металла являлось не отсутствие казенных заводов в России, а недостаточное развитие существующих частных предприятий. До войны руководство частных заводов ходатайствовало о предоставлении им заказов, рассчитанных на несколько лет, в заранее точно определенном количестве, но получали постоянные отказы. Вынужденные работать по фиксированным ценам при колебаниях в размере годовых заказов, частные заводы вынуждены были ограничивать размеры оборудования и искать заказчиков на частном рынке. При учете явно сниженных казенных цен, некоторые отрасли промышленности, такие как угольная, являлись почти безприбыльными, этим объясняли недостаточное развитие отечественной частной промышленности [15, с.505].

Наиболее подходящими районами для постройки завода считали Урал, Кривой Рог и Керченский полуостров. Строительство завода в Донецком бассейне могло вызвать серьезные затруднения. Это было вызвано невозможностью обнаружения здесь достаточно больших и богатых месторождений железных руд и хороших залежей коксующихся углей и сложности в снабжении завода достаточным количеством воды. Серьезные неудобства вызвало бы и строительство завода в Царицыне, так как ввиду необходимости транспортировки всех сырых материалов это повлияло бы на ценовую политику, что являлось не приемлемым. Стоимость постройки нового завода на Урале или в Царицыне была определена в 68 млн рублей, на Донбассе – 79,5 млн и в Керчи – в 71 млн рублей. Министр Путей Сообщения спрашивал разрешения на внесение в Государственную Думу представления о сооружении казенного металлургического завода с финансированием в 70 993 000 руб. и с кредитом для этих целей только на 1917 год в 20 000 000 руб. [15, с. 503].

Из всех предложенных вариантов места строительства нового казенного завода Министерство Путей Сообщения остановилось на постройке завода в Керчи. Сомнение

у членов Совета Министров вызвал выбор места, поскольку завод рассчитывался на использование кокса из Ткварчельских копей, которые в то время не разрабатывались, и вряд ли могли дать ко времени окончания его постройки 80-90 млн пуд. угля. Из Донецкого бассейна получать такое количество угля посчитали невозможным. По мнению пяти Членов Совета Министров (Граф Бобринский, Трепов, Раев, Гарин и Кузьминский) и Председателя данное предложение Министерства Путей Сообщения следовало отклонить [15, с. 505]. Совет министров, руководствуясь мнением пяти человек, отклонил предложение Министерства Путей Сообщения. Предоставили возможность внести его на рассмотрение Государственной думы [15, с.507].

24 ноября 1916 года на первом заседании Съезда горнопромышленников Юга России одним из первых был заслушан отчет Совета Съезда, зачитанный председателем Совета Съезда Николаем фон Дитмаром. Он подчеркнул, что в третий раз за время войны собирался Съезд горнопромышленников Юга России для обсуждения вопросов, касающихся южной горной и горнозаводской промышленности, от которой в значительной степени зависела успешность военных действий и благополучие тыла. Мировая война, по его словам, подчеркнула особенно сильное значение именно южной промышленности, ее государственное и общенародное значение [6, с.2].

К ноябрю 1916 г. наличие кризиса в металлургической промышленности Юга России было уже невозможно скрывать. В производстве и реализации продукции металлургических заводов только накапливались неразрешенные проблемы. Руководством заводов были обозначены меры для решения целого ряда вопросов. Все 18 металлургических заводов испытывали недостаток в своевременном и планомерном получении топлива в нужном количестве и качестве, флюсов и огнеупорных материалов для печей. Была подчеркнута необходимость обязательного предоставления железнодорожных материалов для расширения подъездных путей к заводам и шахтам региона, железа для построек печей на заводах и рудниках; лесных материалов для шахт; кожи, керосина и смазочных материалов, продовольственных продуктов для служащих и рабочих. Существующий кадровый дефицит в квалифицированных и опытных рабочих предлагали восполнить путем возврата с фронта бывших специалистов рабочих из числа нижних чинов.

Отдельные меры на пути преодоления кризисных явлений были высказаны от представителей Александровского Южно-Русского Брянского акционерного общества находящегося при ст. Гарпинино. Просили сократить количество анкет и число лиц и учреждений, требующих данные анкеты, согласовать работу Екатерининской железной дороги, Главнотопы и заведующего отделом Военных Сообщений.

Для Южно-Днепровского завода было необходимо, чтобы Николаевский завод изготовил две заказанные ранее воздуходувные машины, Коломенский завод быстрее сдал заказанные ему 10 паровозов. Предлагали установить нормированную перевозку цемента, и чтобы данные для составления программы по прокату поступали на завод [8, Л.11] не позже 20-го числа предстоящего месяца, и программа не менялась в течение месяца. Предлагали выработать программу заказов по прокатным станам и уменьшить по возможности разнообразие профилей.

Для Петровского Русско-Бельгийского завода был необходим возврат 300 забойщиков с фронта, что позволило бы заводу сократить перевозку угля на 900 000 пудов ежемесячно. Просили посодействовать в получении валюты.

Руководство Макеевского металлургического завода предложило вернуть 600 человек из армии и предоставить еще 600 военнопленных, что позволило бы увеличить

получение кокса на 900 000 пудов в месяц. Просили разрешить израсходовать 125 000 – 150 000 пуд. железа в течении 4-х месяцев для 4-й строящейся доменной печи.

Для рабочих и служащих Юзовского завода Новороссийского Общества не хватало продовольствия. По заявлению представителей завода, наблюдался убыток в 350 000 руб. в месяц в связи с существующими твердыми ценами на металлы, установленными с 1 января 1916 года [8, Л.12]. 23 августа 1916 г. на заседании Совета Министров обсуждалось вопрос об установлении высших предельных цен на металлы и металлические изделия для производителей и торговцев. Министру торговли и промышленности предписывалось установить предельные цены, требовать от производителей и торговцев металлами все сведения, для выяснения себестоимости металлов и изделий и цен, издавать правила о надзоре за торговлей металлами и металлическими изделиями, объявлять о признании недействительными всех сделок, несоответствующих установленным предельным ценам. Лица виновные в продаже металлов и металлических изделий по ценам, превышающим установленные, подлежали заключению в тюрьму на срок от двух месяцев до одного года и четырех месяцев или денежному штрафу до 10 000 руб. [15, с. 410-411]. Также просили оказать помощь в получении различных предметов электрического оборудования (из Англии), в доставке известняка находящегося в 20 верстах от завода (его отсутствие грозило остановкой доменных печей) [8, Л.12].

Представители Никополь-Мариупольского завода просили расширить грузооборот станции Сартана путем расширения железнодорожных путей и разрешить получение для строящейся мартеновской печи около 48 000 пуд. железа [8, л. 11]. При этом, один только Никополь-Мариупольский завод должен был выполнять в условиях военного времени самые различные заказы: на изготовление фугасных стальных снарядов [14, Л.1-5], на изготовление брони, так для Одесского военного порта, предоставил кусок палубной брони толщиной 50-62 мм 5-6 пудов, для ремонта автомобилей [9. Л. 1, 2]. Для Об-ва Николаевских заводов и верфей в Николаеве поступил заказ на трубы для береговых башен из толстой листовой стали и т.д. [9. Л. 161] изготавливались, испытывались и поставлялись газовые баллоны [10, Л.1]. При этом наблюдались периодическая нехватка карбида-кальция, кислорода, ожидали поставки одного запасного компрессора и одного запасного ацетиленового аппарата модели "Перун" для крупного карбида. Был необходим аппарат для повышения производительности сварки баллонов [12, Л. 1, 5].

Русский-Провиданс просили возобновить доставку руды из Керчи тремя пароходами, освобожденными от реквизиции: «Италия», «Вильяно» и «Эммануил» [8, л.11], предоставить еще 200 человек рабочих, оказать содействие в получении материалов для ремонта мартеновской печи.

Для Таганрогского завода были необходимы цилиндры, поскольку в имеющихся были трещины. Просили поспособствовать в изготовлении двух цилиндров, а также в выполнении заказа на 6 котлов котельным заводом Нек, Вильде и К° в Таганроге.

От Краматорского завода просили оказать содействие в получении огнеупорных изделий из завода Ковалевского, расположенного в районе ст. Часов Яр. Также нужен был кирпич для обустройства мартеновской печи, при этом подчеркнули, что заводу Ковалевского был необходим уголь.

Для Кадиевского завода был необходим огнеупорный кирпич из завода Ковалевского. Кирпич был нужен для ремонта 3-й доменной печи. Просили способствовать получению ежедневно 8-ми вагонов известняка со ст. Локотовка.

Для Сулинского завода просили вернуть с фронта 264 человека рабочих. Дать еще 250 человек военнопленных. Рекомендовали выдавать задания, только с учетом возможной производительности прокатных станков. По возможности просили уменьшить заказы на количество различных сортов железа и способствовать получению материалов со ст. Сатка [8, Л. 12].

По данным Совета Съезда Горнопромышленников Юга России, была обоснована необходимость улучшения доставки минерального топлива, своевременной работы железнодорожного транспорта, снабжение железом, лесом, кожей и нефтяными продуктами рудников [8, Л. 12-15].

С 1 ноября 1916 г. на Екатеринославского Уполномоченного по продовольствию фон-Гесберга было возложено обеспечение горнозаводских предприятий Юга России продовольствием. Совет Съезда с 5 октября 1916 г. ходатайствовал в Особом Совещании по продовольствию о решении данного вопроса.

Преобладающей категорией рабочих на заводах являлись военнопленные и военнообязанные. На горнопромышленных предприятиях военнопленных насчитывалось до 100 000 человек, военнообязанных было более 50 % всего количества рабочих [8, Л. 15]. Еще 6 декабря 1915 г. были утверждены правила предоставления отсрочек военнообязанным [13, Л. 1-5].

По предложению Совета Съезда были составлены списки лиц, о возвращении которых предприятия ходатайствовали. Списки были представлены в Министерство Торговли и Промышленности, там они были сокращены до 10 000 человек и представлены в Мобилизационный отдел Главного Штаба, откуда подлежали направлению в Штаб Верховного Главнокомандующего. В списках были перечислены: шахтные десятники, машинисты, камеронщики и все рабочие мастерских, зарубщики, забойщики и отбойщики, проходчики, коногоны и бурильщики. Циркуляром главного комитета был установлен порядок ходатайства о возвращении из армии неправильно призванных. Предполагалось привлекать на работы в рудниках румынских беженцев, среди которых могли быть специалисты горнорабочие.

По данным на 1 октября 1916 г., общее число рабочих в каменноугольных и антрацитовых предприятиях было 259 000 человек. В 1914 г. их насчитывалось 215 000 человек (наибольшее количество). Констатировали недостаточное количество рабочей силы русских рабочих в связи с большим количеством праздников, хронических прогулов, неполное число часов в течении рабочего дня. В среде рабочих было большое количество беженцев, женщин и подростков [8, Л. 15 обр.]. Производительность труда рабочих снижалась из года в год.

Для успешной погрузки и отправки на металлургические заводы Юга России в среднем было необходимо не менее 1 000 вагонов в день. На декабрь месяц для них было выделено только 800 вагонов. Таким образом, своевременное снабжение заводов углем уже в декабре 1916 г. зависело от случайностей. О неудобствах и недостатках новых американских вагонов Совет Съезда указал еще в апреле 1916 г. правлению железных дорог (вагон имел одну пару дверей и в нем не было люков вообще). Погрузка была затруднена и длилась 7-8 часов, в отличии от погрузки старых вагонов в течении (3,5–4 часов). Совет Съезда просил об установке второй пары дверей и наличии двух люков с каждой стороны. Согласно предложений МПС, заводы и рудники должны были по возможности уменьшить простои вагонов для ускорения их оборота. В последнее время наблюдался простой вагонов вдвое больше установленного времени.

Председателю Особого Совещания по обороне был представлен журнал с результатами работы комиссии и предложениями проведения срочных мероприятий в

связи с необходимостью улучшения производственных процессов на 18 металлургических заводах Юга России. О чем шла речь 12 декабря 1916 года на заседании Совета Съезда горнопромышленников Юга России, состоявшемся в Харькове в присутствии всех членов комиссии. Комиссия была командирована по указанию Председателя Особого Совещания по обороне для изучения состояния южных металлургических заводов. Представители комиссии лично осмотрели 13 заводов, а также провели беседы с представителями остальных 5 заводов. Комиссия единогласно пришла к заключению, что заводы вполне бы могли выпускать больше продукции. Их производительность являлась меньшей исключительно из-за необеспеченности топливом в достаточном количестве и качестве. Это приводило к уменьшению количества выпущенного металла и остановке доменных и мартеновских печей [8, Л. 17]. Примером являлись заводы: Дружковский, Русский-Провиданс, Таганрогский. Недостаток поступления топлива в период с сентября по декабрь объяснялся уменьшением количества вагонов.

С целью выяснения ситуации работы Екатерининской и Южной железных дорог состоялись беседы с представителями администраций. Выяснилось, что происходило неравномерное поступление пустых вагонов и отвлечение их на нужды фронта и несоблюдение на местах сроков и места погрузки вагонов. Сказывалось плохое качество угля, поступающего для паровозов в связи с его зольностью в 20%, что вызывало частую чистку колосников и простой паровозов, снижающие их коммерческую скорость [8, Л. 17 обр].

Снабжение металлургических заводов рудой и флюсами было в лучшем состоянии. Руда находилась на западе от металлургических заводов, захватывалась в достаточном количестве тем потоком пустых вагонов, который шел на Екатерининскую железную дорогу с фронта. Флюсы находились вблизи большинства металлургических заводов Юга России, для транспортировки флюсов использовался гужевой подвоз [8, Л. 18 обр]. В начале войны производство флюсов не считалось необходимым для обороны, а потому мобилизация лишила эти предприятия большого % рабочих, лошадей и повозок. В 1916 г. вывоз сократился, чему способствовала плохая погода первого полугодия 1916 г. [11, Л. 2].

По мнению комиссии было необходимо обеспечить Екатерининскую железную дорогу 44 000 вагонов, соответствующим числом паровозов Командировать 2 000 человек работоспособных людей, но не пленных для организации кадрового состава слесарей и помощников машиниста [8, Л. 19]. В заключении Комиссия указала, что слабая работа железных дорог южного района сказывается не только на недостаточном снабжении металлургических заводов минеральным топливом, но ею также задерживается и вывоз готовых изделий с этих заводов.

Запасы сырья на металлургических заводах, как свидетельствуют данные следующей таблицы, увеличились, достигнув в 1-му ноября следующего количества:

Таблица 1

Запасы сырья на заводах (в тыс. пуд.) [11, Л. 3]

	В начале 1916 г.	К 1 марта 1916 г.	К 1 сентября 1916 г.	К 1 октября 1916 г.
Каменный уголь	7 954	5 602	8 316	3 685
Кокс	5 763	5 638	9 546	5 767
Руда	30 092	35 321	73 898	64 861
Флюсы	4 917	4 239	19 028	17 062

Хотя, по данным таблицы, доставка с заводов сырья к половине сентября несколько улучшилась, тем не менее, положение к ноябрю нельзя было назвать удовлетворительным, и о дальнейшем ухудшении говорилось в телеграмме Екатеринославского Районного Совещания от 24 ноября 1916 г.: «В районе Екатеринославского районного заводского Совещания имелось 47 доменных печей, способных выплавить 16 млн пуд. чугуна в месяц. Работали в октябре 40 печей неполным ходом, в результате получили 13 млн пуд. чугуна. В данный момент работает 35 печей. Для нормальной работы печей района требуется доставить по железным дорогам в месяц: кокса – 11,7 млн пуд., руды – 26,5 млн пуд. флюсов 11,8 млн угля – 14,5 млн пуд. недопоставка данного сырья в октябре составляла в среднем 42 %, в ноябре достигла на некоторых заводах 60 %. Заводские запасы сырья ужасающе быстро тают. Такое положение в дальнейшем может привести к полному расстройству производств для дела обороны государства. Необходимы срочные меры для улучшения работы транспорта» [11, Л. 3]. При этом спрос на металл возрастал, как и требования к металлургическим заводам Юга России. Средняя добыча руды составляла 27,72 млн пуд. и средний выжиг кокса – 21,4 млн пуд. т.е. руды меньше на 14,8 %, от необходимого количества для полной работы домен, кокса – на 17,7 %. Добыча флюсов даже при выполнении всех мероприятий разработанных на совещании при Совете Съезда обеспечит только работу действующих домен [11, Л. 4 обр.].

Поддержание прежнего уровня производства на заводах зависело от кадрового обеспечения. Жалобы на недостаток рабочих продолжали поступать с заводов, требовали предоставления военнопленных, искали дополнительные пути, путем найма сартов, китайцев, корейцев [11, Л. 5 обр.].

Кадровый состав рабочих металлургических заводов по категориям во второй половине 1916 г. [11, Л. 7]:

Таблица 2

Период	Общее количество рабочих	Военно-обязанных	Военно-пленных	Других категорий
01.07.1916	106 260	32 134	21 518	52 608
01.08.1916	109 717	35 921	23 526	50 270
01.09.1916	115 639	37 255	29 133	49 252
01.10.1916	118 143	40 601	29 317	48 225
01.11.1916	123 831	43 339	33 060	47 382

В процентном отношении к общему количеству рабочих эти цифры составляли [11, Л. 7]:

Таблица 3

Период	Военнообязанных	Военнопленных	Других категорий
01.07.1916	30,2 %	20,3%	49,5%
01.08.1916	32,7%	21,4%	45,9%
01.09.1916	32,2%	25,2%	42,6%
01.10.1916	34,4%	23,2%	40,8%
01.11.1916	35,0%	26,6%	38,2%

На металлургических заводах в мирное время рабочие специалисты составляли 70 %, на которых держалось все производство, остальные 30 % – рабочие временные, в основном чернорабочие, замена которых в обычное время не причиняла заводу особых сложностей и задержек в производстве [11, Л. 5].

По данным «Продамета», загруженность заводов заказами исключительно для обороны на одно лишь сортовое железо составляло [11, Л. 7]:

Таблица 4

Период	Количество
На 01.01.1915 г.	5,07 млн пуд.
На 01.07.1915 г.	10,33 млн пуд.
На 01.01.1916 г.	23,98 млн пуд.
На 01.07.1916 г.	46,88 млн пуд.
На 01.09.1916 г.	48,88 млн пуд.

Тем не менее, на одном из совещаний Екатеринославского Губернского Комитета Всероссийского Земского и Городского Союзов по снабжению армии, в присутствии Председателя Государственной Думы прозвучала информация, что сколько бы угля не было добыто железными дорогами, максимально возможно было вывезти 130 000 000 пуд., из которых на долю металлургических заводов могло быть определено не более 30 000 000 пуд., т.е. расширить производство на заводах было невозможно выше показателей, достигнутых в июле 1916 г., т.е. более 15 000 000 пуд. чугуна в месяц. В июле южным металлургическим заводам было доставлено 15 231 тыс. пуд., в июле 14 849 тыс. пуд., в августе 12 816 тыс. пуд., в сентябре 12 019 тыс. пуд., в октябре – 11 413 тыс. пудов [11, Л. 9 обр.].

Таким образом, для поддержания достигнутого уровня производства на металлургических заводах Юга России была необходима непрерывная доставка сырья, для чего требовался вагонный парк в количестве 30 000 вагонов [11, Л.10]. Поступило предложение, чтобы в 1916 г. не было сплошной замены рельсов на казенных и частных железных дорогах. В связи с тем, что накопление больших запасов рельсов могло расстроить металлическое хозяйство страны, рекомендовали пересмотреть правила, устанавливающие размер этих запасов. Представителей Совета Съезда допустить в учреждения, ведающие заграничными заказами. Гарантировать постоянный состав служебного и рабочего персонала. Отменить все распоряжения, откладывающие доставку в необходимом количестве продуктов первой необходимости для рабочих и служащих заводов. Обеспечить все подсобные металлургической промышленности предприятия необходимым для производства материалами: лесные материалы, осветительные, смазочные, взрывчатые, кожа, топливо, путевые переводы, рельсы и подвижной состав, огнеупорный материал, магнезит и пр. [11, Л. 10 обр.]. При этом выяснилось, что Южные заводы могли получить кокс в объеме, достаточном лишь для выплавки 15 млн пуд. чугуна ежемесячно. Целый ряд коксовых печей предполагалось пустить в ход только приблизительно с мая 1917 г. Поэтому любое увеличение выплавки чугуна выше цифры 15 млн пуд. в месяц зависит в первую очередь от увеличения выжиги кокса [11, Л. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разумная Н.Н. Развитие металлургической промышленности на Юге России в начальный период Первой мировой войны. Сб.: Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар. 2020. – С. 148-154.
2. Разумная Н.Н. Кризис промышленного производства в Донбассе в 1917 г. //Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2021. – №3. – С. 51-61.
3. Роцупкина А.С., Разумная Н.Н. Участие рабочих Макеевского металлургического завода в событиях 1917-1918 гг.. Сб.: Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и

- вызовы современности. Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 2021. – С.139-142.
4. Разумная Н.Н. Экономический кризис в Донбассе (1917-1922 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2021. – Т. 13, № 5. – С.59-72.
5. Разумная Н.Н. Оплата труда военнопленных, работающих на металлургических заводах Донбасса (1915-1917 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2021. – №3 (78).– С. 46-54.
6. Труды XLI Съезда горнопромышленников юга России (24 ноября – 4 декабря 1916 года) Том III. Стенографические отчеты. – Харьков. Типография Ю. М. Беркман, Благовещенская 8, 1916.
7. Арский Р. Донецкий бассейн. Москва. 1919. – 47 с..
8. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Ед. хр. 51.
9. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Д. 28
10. Государственный архив ДНР. Ф.119 оп.1.Д.54.
11. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Ед. хр. 50.
12. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Ед. хр. 54.
13. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Ед. хр.39.
14. Государственный архив ДНР. Ф.119. Оп. 1. Ед. хр.34.
15. Особые журналы Советов Министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2008. – 759 с.

REFERENCES

1. Razumnaya N.N. (2020) The development of the metallurgical industry in Southern Russia in the initial period of the First World War. Collection: The Black Sea region in the context of ensuring Russia's national security: on the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar (In Russian)
2. Razumnaya N.N. (2021) [The crisis of industrial production in Donbass in 1917] *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seria B: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*. 3, 51-61. (In Russian)
3. Roshupkina A.S. & Razumnaya N.N. (2021) The participation of workers of the Makeyevsky Metallurgical Plant in the events of 1917-1918. Collection: Donetsk Readings 2021: education, science, innovation, culture and modern challenges. Proceedings of the VI International Scientific Conference. Donetsk (In Russian)
4. Razumnaya N.N. (2021) [The economic crisis in Donbass (1917-1922)] *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl = Historical and socio-educational thought*. Vol.13. 5. 59 - 72 (In Russian)
5. Razumnaya N.N. (2021) [Remuneration of prisoners of war working at the metallurgical plants of Donbass (1915-1917)] *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy = Journal of Historical, Political Science and International Studies* 3 (78), 46-54 (In Russian)
6. Proceedings of the XLI Congress of Mining Industrialists of the South of Russia (1916) (November 24–December 4, 1916) Volume III. Verbatim reports. – Kharkov. Printing house of Y. M. Berkman, Blagoveshchenskaya 8, (In Russian)
7. Arskiy R. (1919) The Donetsk basin. Moscow (In Russian)
8. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. Ed. hr. 51
9. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. D. 28
10. The State Archive of the DPR. F.119 op.1.D.54.
11. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. Ed. hr. 50
12. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. Ed. hr. 54
13. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. Ed. hr. 39
14. The State Archive of the DPR. F.119. Op. 1. Ed. hr. 34
15. Special journals of the Councils of Ministers of the Russian Empire. 1909-1917. (2008) / 1916. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

THE MANIFESTATION OF THE CRISIS IN THE METALLURGICAL PLANTS OF SOUTHERN
RUSSIA AT THE END OF 1916

N. N. Razumnaya

This article is devoted to study of history of the Nikopol-Mariupol Metallurgical Plant, located in the area of Sartana station, Mariupol district, Yekaterinoslav province. The information on production issues at 18 metallurgical plants in Southern Russia at the end of 1916 is analyzed. The data was collected by the Statistical Bureau of the Congress of Mining Industrialists of the South of Russia. Information about possible further solutions to current issues is being analyzed. The results of the work of the commission sent by the Special Meeting on Defense, with the aim of increasing the productivity of factories in the future, are presented.

Key words: South of Russia, metallurgical plants, 1916, Congress of Mining Industrialists of the South of Russia

Поступила в редакцию 02.06.2026 г.

Разумная Надежда Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», Донецк, ДНР, РФ.

E-mail: nnrazumnaya@donnu.ru

ORCID: 0009-0000-1700-6044

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna

Candidate of History, Associate Professor,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, DPR, Russian Federation

E-mail: nnrazumnaya@donnu.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.319.8:004.946

DOI: 10.5281/zenodo.22770648

EDN: LYVEZL

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ГЕНЕРАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ МЕТАВЕРСА

© 2026 **О. И. Елхова**

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Статья посвящена философскому анализу трансформации экологического сознания в условиях генеративной реальности метаверса. Исследуется влияние цифровых и алгоритмических сред на субъектность, присутствие и онтологическую сопричастность. На основе концепции гиперобъектов Т. Мортон обосновывается понимание метаверса как онтотехнического гиперобъекта цифровой эпохи, обладающего нелокальностью, распределенностью и невозможностью полного восприятия со стороны субъекта, формирующего экологическое сознание и постантропоцентрическую модель существования.

Ключевые слова: экологическое сознание, метаверс, генеративная реальность, гиперобъекты, постантропоцентрическая субъектность.

Современный этап технологического развития сопровождается масштабной трансформацией способов человеческого существования, форм восприятия и механизмов социального взаимодействия. Расширение цифровых инфраструктур приводит не только к изменению коммуникационных практик, но и к формированию новых онтологических режимов, внутри которых технологии начинают участвовать в организации человеческого опыта. Цифровая среда постепенно утрачивает исключительно инструментальный статус и превращается в самостоятельное пространство существования, оказывающее воздействие на структуру субъектности, присутствия и идентичности [1, с. 241–248]. Указанная позиция позволяет рассматривать метаверс как онтотехническую среду, внутри которой формируются новые модели экологического сознания и постантропоцентрической субъектности. Метаверс определяется нами как генеративный цифровой универсум и пространство онтологической продуктивности, внутри которого возникают новые формы бытия и новые способы взаимодействия человека с окружающей средой [2, с. 13–20]. Развитие генеративной реальности актуализирует проблему переосмысления экологического сознания. Традиционные экологические концепции преимущественно связывали экологическое мышление с отношением человека к природной среде и биосферным процессам. Однако цифровая эпоха существенно расширяет границы экологического измерения. Человеческое существование оказывается включенным в распределенные сети данных, алгоритмов, платформенных инфраструктур, цифровой памяти и интеллектуальных систем, воздействующих на восприятие, коммуникацию и структуру субъективного опыта. Особую значимость в указанном контексте приобретает концепция гиперобъектов Т. Мортон. Философ определяет гиперобъекты как сущности, масштабно распределенные во времени и пространстве относительно человека. К числу гиперобъектов Т. Мортон относит феномены, выходящие за пределы

непосредственного человеческого восприятия. Гиперобъекты обладают нелокальностью, временной растянутостью и вязкостью, разрушая привычное разделение субъекта и объекта. Подчеркивается, что гиперобъекты не могут быть полностью локализованы или непосредственно восприняты субъектом, поскольку существуют как распределенные формы бытия, проявляющиеся через фрагментарные эффекты и множественные взаимодействия [3, р. 1–9]. Человек утрачивает возможность занимать позицию внешнего наблюдателя и оказывается включенным в распределенные процессы планетарного масштаба. Цель исследования состоит в концептуализации экологического сознания в условиях генеративной реальности метаверса, трактуемого как онтотехнический гиперобъект цифровой эпохи, и выявлении его постантропоцентрических оснований.

Основная часть. *Гиперобъекты и кризис антропоцентрического сознания.* Концепция гиперобъектов Т. Мортонa формируется в условиях кризиса классической онтологии, неспособной описывать экологические процессы планетарного масштаба. Так, глобальное потепление, загрязнение океана, радиоактивное заражение и климатические изменения не поддаются локализации и не могут быть полностью охвачены человеческим восприятием. Экологический кризис разрушает представление о мире как совокупности стабильных и изолированных объектов. Гиперобъект у Т. Мортонa представляет собой распределенную форму существования, проявляющуюся через множественные эффекты, временные разрывы и сети взаимосвязей. Человек сталкивается не с гиперобъектом как таковым, а лишь с последствиями его воздействия. Климатические изменения обнаруживаются через аномальные температуры, разрушение экосистем и трансформацию природной среды. Полное восприятие гиперобъекта невозможно вследствие его масштабности и онтологической рассредоточенности. Особое значение приобретает идея «прилипания» гиперобъекта к субъекту. Экологический кризис перестает восприниматься как внешняя угроза. Человек осознает собственную включенность в экологические процессы и утрачивает дистанцию между наблюдателем и окружающей средой. Экологическое сознание превращается из формы внешнего анализа природы в переживание онтологической сопричастности миру. Антропоцентрическое сознание теряет статус универсальной точки отсчета, а человеческая перспектива обнаруживает собственную ограниченность перед масштабом распределенных экологических процессов. Т. Мортон подчеркивает невозможность нейтральной позиции описания, существующей вне материальной реальности. Экологическое мышление неизбежно включено в структуру описываемого мира. Философское значение концепции гиперобъектов связано не только с экологией, но и с пересмотром статуса человека в системе бытия. Человеческое существование раскрывается как элемент сети взаимозависимостей, включающей природные, технологические и информационные уровни. Современные интерпретации философии Т. Мортонa связывают подобное переосмысление субъектности с концепцией «темной экологии», ориентированной на отказ от идеи автономного человеческого центра и признание включенности субъекта в распределенные экологические процессы [4, с. 48–52].

Сознание сталкивается с невозможностью полного охвата данной сети, вследствие чего возникает состояние онтологической неопределенности. Однако анализ Т. Мортонa сосредоточен преимущественно на биосферных и климатических процессах, тогда как современная цифровая среда демонстрирует сходные характеристики. Алгоритмические системы также обладают нелокальностью, распределенностью и способностью воздействовать на человека вне непосредственного восприятия. Пользователь сталкивается лишь с отдельными проявлениями

алгоритмической активности, не имея возможности охватить инфраструктуру вычислительных процессов и сетевых взаимосвязей. Современная техносфера перестает быть исключительно инструментом человеческой деятельности. Цифровые платформы, нейросетевые системы и генеративные алгоритмы формируют самостоятельную среду существования, влияющую на восприятие, мышление и социальное взаимодействие. Экологическое сознание в условиях генеративной реальности включает уже не только отношение к природе, но и осмысление зависимости человека от цифровых экосистем. Метаверс в подобной перспективе может рассматриваться как новая форма гиперобъекта. Подобно экологическим гиперобъектам, описанным Т. Мортонем, метаверс характеризуется нелокальностью, распределенностью и невозможностью полного восприятия со стороны субъекта, сталкивающегося лишь с отдельными проявлениями алгоритмической инфраструктуры [3, р. 38–54]. Генеративная цифровая среда не обладает четкими пространственными границами, непрерывно модифицируется алгоритмическими процессами и воздействует на человека через распределенные механизмы медиации. Пользователь оказывается включенным в многослойную сеть цифровых взаимодействий, значительная часть которых остается скрытой от непосредственного восприятия. Алгоритмическая среда начинает определять формы внимания, эмоциональные реакции, способы коммуникации и механизмы конструирования идентичности. Экологический кризис в условиях метаверса связан уже не только с разрушением природной среды, но и с трансформацией самого способа человеческого присутствия в мире. Цифровая реальность становится пространством производства восприятия, внутри которого формируются новые модели субъективности и зависимости от технологических инфраструктур. Экологическая проблематика выходит за пределы биосферы и включает анализ цифровых сред, алгоритмических систем и генеративных форм реальности. Метаверс начинает функционировать как распределенная онтологическая структура, внутри которой человек утрачивает позицию автономного наблюдателя и оказывается частью сети технологических, информационных и экологических взаимосвязей.

Генеративная реальность метаверса как онтотехническая среда. Генеративная реальность представляет собой пространство непрерывного становления цифровых сред, возникающих в результате взаимодействия алгоритмов, массивов данных и пользовательской активности [2, с. 18–29]. Генеративная цифровая среда обладает продуктивным онтологическим характером, поскольку участвует в формировании новых режимов существования. Метаверс в данной перспективе выступает не совокупностью технических платформ и не пространством цифрового эскапизма, а онтотехнической средой. Технологическая инфраструктура перестает быть исключительно инструментом человеческой деятельности. Алгоритмические системы, нейросетевые модели и цифровые архитектуры начинают участвовать в процессах онтогенеза, формируя новые формы событийности, взаимодействия и присутствия. Искусственный интеллект утрачивает статус внешнего посредника между субъектом и цифровой средой. Нейросетевые структуры становятся активными участниками конструирования опыта, воздействуя на восприятие, память, внимание и механизмы коммуникации. Такая трансформация изменяет структуру субъектности. В условиях генеративной реальности субъект перестает восприниматься как автономный центр сознания.

Сходная линия переосмысления экологического сознания представлена в исследовании Р. Хуттунена и Х. Хейккинена, посвящённом глубоко-экологическим и

постгуманистическим основаниям современного понимания благополучия. Авторы подчёркивают невозможность рассмотрения человеческого существования вне более широкой системы планетарных взаимосвязей, включающей природные, социальные, технологические и нечеловеческие формы агентности [5, р. 46–56]. В указанной перспективе экологическое сознание связывается не с внешним наблюдением окружающей среды, а с переживанием собственной онтологической сопричастности миру. Подобный подход позволяет интерпретировать экологическое присутствие в условиях метаверса как форму распределённой онтологической включённости, внутри которой человек оказывается связанным с алгоритмическими системами, цифровыми инфраструктурами, потоками данных и виртуальными агентами. Метаверс в данной перспективе рассматривается не как изолированная виртуальная среда, а как элемент более широкой постантропоцентрической экосистемы, формирующей новые режимы соприсутствия, взаимодействия и онтологической взаимосвязанности. Цифровое существование распределяется между биологическим телом, виртуальным аватаром, алгоритмическими механизмами и платформенными инфраструктурами. Формирование идентичности зависит не только от внутренней рефлексии, но и от алгоритмической обработки информации, цифровой репрезентации и сетевого взаимодействия. Трансформируется и феномен присутствия. Присутствие перестаёт связываться исключительно с физической локальностью и телесным пребыванием в пространстве. Искусственный интеллект участвует не только в обработке информации, но и в производстве цифровой событийности и моделей субъектного опыта.

Дополнительное философско-онтологическое осмысление метаверса представлено в исследовании М. Шмальцрида, посвящённом взаимосвязи искусственного общего интеллекта и метаверса. Автор рассматривает метаверс не как совокупность виртуальных платформ, а как среду формирования распределённого и воплощённого искусственного интеллекта, внутри которой цифровые взаимодействия начинают выполнять функцию когнитивной и онтологической интеграции. Особое внимание уделяется концепции *embodied cognition*, согласно которой сознание и когнитивные процессы не могут рассматриваться изолированно от среды, телесности и систем обратной связи. В указанной перспективе метаверс интерпретируется как пространство формирования нового типа субъектности, основанной на непрерывном взаимодействии человека, алгоритмов, интерфейсов, сетевых инфраструктур и потоков данных. Так, М. Шмальцрид подчёркивает, что восприятие цифровой реальности носит не репрезентативный, а интерфейсный характер. Человеческое сознание взаимодействует не с «объективной» реальностью как таковой, а с символическими и алгоритмически организованными моделями восприятия. Подобная трактовка особенно значима для анализа генеративной реальности метаверса, внутри которой цифровая среда начинает выполнять функцию онтологического посредника, формирующего способы восприятия, идентичности и присутствия [6]. Такое понимание метаверса как распределённой и гиперсвязанной среды подтверждается исследованиями, посвящёнными XR-IoT-инфраструктурам. В рамках данного направления метаверс рассматривается как гиперсвязанная среда, внутри которой цифровые и физические объекты образуют единую сеть взаимодействий, влияющую на пользовательское восприятие и формы присутствия [7].

Выделенные характеристики позволяют рассматривать метаверс как онтотехнический гиперобъект цифровой эпохи. Метаверс обладает нелокальностью, поскольку не ограничивается отдельным пространством или платформой. Генеративная среда распределяется во времени, сетевых инфраструктурах и алгоритмических

процессах. Пользователь сталкивается лишь с отдельными проявлениями метаверса, не имея возможности полностью охватить его архитектуру и внутреннюю динамику. Метаверс также демонстрирует свойства распределенной онтологической системы. Цифровая среда существует как совокупность взаимосвязанных процессов, внутри которых данные, алгоритмы, медиапотоки и действия пользователей образуют единую структуру взаимодействий. Интерес представляет трактовка метаверса как распределённой цифровой экосистемы, предложенная авторским коллективом в составе Л. Янга, С.-Т. Ни, Ю. Вана и др. в исследовании, посвящённом проблеме интероперабельности метаверса. Авторы рассматривают метаверс как сеть взаимосвязанных цифровых пространств, основанную на технологической, информационной, человеческой и институциональной интеграции. Особое внимание уделяется взаимодействию виртуальных и физических сред, а также формированию единой экосистемы данных, устройств и цифровых идентичностей [8].

Человеческое сознание оказывается включенным в указанную сеть и утрачивает возможность занимать позицию внешнего наблюдателя. В результате метаверс может интерпретироваться как онтотехнический гиперобъект, формирующий новые условия существования субъекта в цифровую эпоху. Философская концептуализация метаверса связана с необходимостью осмысления цифровых сред как пространств, трансформирующих социальные, культурные и антропологические основания человеческого существования. Так, в обзорной статье представители кембриджской исследовательской группы указывают на недостаточную разработанность этических, инклюзивных и социокультурных принципов проектирования метаверса, что актуализирует задачу формирования новых концептуальных моделей взаимодействия человека и генеративной цифровой среды [9].

Экологическое сознание и постантропоцентрическая субъектность метаверса. Формирование генеративной реальности приводит к переосмыслению экологического сознания. Традиционные экологические концепции основывались на разграничении субъекта и окружающей среды. Природа воспринималась как внешняя сфера существования, выступающая объектом исследования, освоения и сохранения. Экологическое мышление сохраняло антропоцентрический характер, поскольку человек рассматривался как автономный наблюдатель и центр интерпретации мира. Концепция гиперобъектов Т. Мортонa демонстрирует невозможность сохранения подобной модели субъектности в условиях распределённых экологических и технологических процессов, внутри которых человек утрачивает статус привилегированного центра бытия [3, р. 99–110]. Развитие метаверса и генеративных цифровых сред разрушает представление о субъекте как автономной сущности. Человеческое существование оказывается включённым в инфраструктуры данных, платформенные архитектуры, нейросетевые системы и механизмы цифровой коммуникации. Цифровая среда перестаёт функционировать исключительно как инструмент и начинает участвовать в формировании условий человеческого существования. Экологическое сознание выходит за пределы биосферного измерения и распространяется на алгоритмические, информационные и технические структуры. В результате экологическое сознание начинает выражать осознание взаимосвязанности человека с цифровой средой современного мира. Трансформация экологического сознания сопровождается изменением представлений об ответственности. Экологическая ответственность распространяется на цифровые инфраструктуры, алгоритмические механизмы и процессы обработки данных. В метаверсе экологическое сознание приобретает постантропоцентрический характер. Субъект перестаёт

восприниматься как исключительный центр бытия и оказывается включённым в сеть биологических, технических и информационных взаимодействий, что соответствует позиции Т. Мортонa, связывающего экологическое сознание с отказом от иллюзии автономности субъекта и признанием включённости человека в многослойную систему взаимозависимых отношений [10, с. 72–78].

Данная логика получает развитие в статье О. Kostenko и соавторов, посвящённой новой парадигме философии метаверса. Авторы связывают становление метаверса с переходом от антропоцентрической модели к метасубъектности, предполагающей пересмотр статуса человека, искусственного интеллекта, цифровых аватаров и иных виртуальных агентов. В указанной перспективе человек уже не выступает единственным центром онтологической и социальной организации цифрового мира, поскольку метаверс формирует среду совместного существования биологических, алгоритмических и виртуальных субъектов. Концепция метасубъектности позволяет уточнить постантропоцентрическое измерение экологического сознания, поскольку речь идёт не просто о расширении среды обитания человека, а о формировании новой системы взаимозависимостей, внутри которой цифровые агенты, алгоритмы, данные и аватары становятся активными элементами онтологической структуры метаверса [11]. Сходная линия постантропоцентрического переосмысления человеческого существования представлена в работе Ф. Феррандо «The Art of Being Posthuman». Исследовательница рассматривает постчеловеческое существование как форму «inter-being», подчеркивающую онтологическую взаимосвязанность человека, технологий, окружающей среды и нечеловеческих форм агентности. Ф. Феррандо указывает, что современный субъект больше не может интерпретироваться как автономная и замкнутая сущность, поскольку человеческое существование формируется внутри планетарных, технологических и цифровых взаимосвязей. Особое значение для настоящего исследования приобретает мысль о множественности воплощений современного бытия. Автор подчеркивает, что формы существования могут быть не только биологическими, но также цифровыми, виртуальными, симбиотическими и технологическими. Подобная позиция позволяет рассматривать метаверс не как вторичную искусственную среду, а как пространство формирования новых онтологических режимов присутствия. Значимым представляется и введённое Ф. Феррандо понятие «ecological presence», предполагающее осознание человеком собственной включённости в единую сеть планетарных и технологических взаимозависимостей. В контексте генеративной реальности метаверса подобный подход позволяет интерпретировать экологическое сознание как форму распределённой онтологической сопричастности, внутри которой цифровые среды, алгоритмы, данные и виртуальные агенты становятся элементами единой экосистемы существования [12, p. 30–52].

Экологическое присутствие как форма распределённой онтологической включённости. Одним из ключевых последствий формирования генеративной реальности становится трансформация феномена присутствия. Цифровая эпоха изменяет не только способы коммуникации и социального взаимодействия, но и основания человеческого существования. Трансформация цифрового присутствия связана с современными вызовами информационно-коммуникационных технологий, изменяющих способы человеческого взаимодействия и структуру социального бытия. Цифровая эпоха сопровождается переходом к распределённым сетевым формам коммуникации, внутри которых человек оказывается включённым в алгоритмически опосредованные информационные потоки [13]. Присутствие перестаёт связываться

исключительно с физическим пребыванием субъекта в определенном пространстве. Генеративная реальность формирует режим существования, при котором человеческое присутствие приобретает распределенный характер. Субъект оказывается включенным в сетевые структуры данных, алгоритмические процессы, цифровые платформы и медиатизированные формы взаимодействия. Переход к распределённым сетевым коммуникациям сопровождается включенностью человека в алгоритмически опосредованные информационные потоки. Человеческое существование распределяется между физическим телом, цифровым аватаром, коммуникационными интерфейсами и системами обработки информации. Экологическое сознание в пространстве метаверса может рассматриваться как форма экологического присутствия.

Подобная модель близка к пониманию гипосубъекта у Т. Мортон и Д. Бойера, интерпретирующих современного субъекта как множественную и неавтономную форму существования, возникающую в пространстве гиперобъектов и глобальных экологических взаимосвязей [14, р. 18–27]. Генеративная цифровая среда разрушает представление о независимом существовании субъекта. Метаверс демонстрирует взаимосвязанность биологических, технических и алгоритмических процессов, образующих единую систему взаимодействий. Человеческое сознание становится частью распределённой онтологической структуры и утрачивает позицию внешнего интерпретатора реальности. Философское понимание экологического присутствия сближает генеративную реальность с концепцией гиперобъектов Т. Мортон. Гиперобъекты разрушают дистанцию между субъектом и объектом, поскольку человек оказывается включенным в процессы, выходящие за пределы полного восприятия и контроля. Метаверс обладает сходными характеристиками вследствие нелокальности, распределённости и невозможности полного охвата со стороны субъекта. Пользователь взаимодействует лишь с отдельными проявлениями цифровой среды, не имея доступа ко всей инфраструктуре алгоритмических процессов и механизмов генерации опыта. Цифровая среда начинает функционировать как самостоятельная онтологическая структура, влияющая на восприятие, идентичность и формы присутствия. Экологическое измерение возникает в пространстве взаимозависимого существования, внутри которого действия субъекта сопряжены с функционированием сложных систем. В результате метаверс становится пространством радикальной онтологической сопричастности, внутри которого человек, алгоритмы, медиасреда и технические инфраструктуры образуют единую конфигурацию современного бытия.

Постантропоцентрическое понимание экологического присутствия получает дальнейшее развитие в исследовании Z. Gao, M. Guo, Z. Wang и др., посвященном plant-centric metaverse и биоцентрической модели цифрового со-творчества [15, р. 11–14]. Метаверс рассматривается как пространство цифрового симбиоза, внутри которого происходит переход от антропоцентрической модели взаимодействия к ecosystem-centered perspective. Особое значение приобретает концепция Biocentric-Creation Transformation Ideology (БСТИ), предполагающая отказ от понимания природы как пассивного объекта человеческой деятельности. Растения в указанной перспективе интерпретируются как формы нечеловеческой агентности, способные участвовать в процессах цифрового взаимодействия, генерации данных и экологического со-творчества. Метаверс раскрывается как среда межвидовой коммуникации, внутри которой биологические процессы, алгоритмические системы и виртуальные пространства образуют единую экосистему цифровой взаимосвязанности. Подобный подход существенно расширяет понимание экологического присутствия, поскольку человек оказывается включенным не только в сеть технологических и информационных процессов, но и в распределённую

систему биотехнического сосуществования. Экологическое сознание в условиях генеративной реальности начинает формироваться как осознание сопричастности множественным формам жизни, цифровым агентам и алгоритмически организованным экологическим взаимодействиям.

Заключение. Проведенный анализ показал, что генеративная реальность метаверса трансформирует экологическое сознание и формирует новые способы осмысления взаимосвязанности человека, технологий и окружающего мира. Концепция гиперобъектов Т. Мортон в сочетании с философской моделью генеративной реальности демонстрирует, что цифровая эпоха изменяет представления о субъектности, присутствии и границах человеческого существования. Технологическая инфраструктура становится активным элементом онтологической организации современного мира. Экологическая проблематика выходит за пределы биосферного измерения и распространяется на цифровые, информационные и алгоритмические взаимодействия. Экологическое сознание включает не только отношение человека к природе, но и осознание зависимости субъекта от сетей данных, платформенных инфраструктур и интеллектуальных систем. Формируется модель экологического сознания, основанная на взаимосвязанности биологических, технических и медиатизированных форм существования. Исследование цифрового присутствия показало, что субъект перестает восприниматься как автономный центр наблюдения и оказывается включенным в распределенные онтологические структуры метаверса. Экологическое присутствие приобретает характер онтологической сопричастности, связанной с переживанием включенности в сеть цифровых и нечеловеческих взаимодействий. Концепция гиперобъектов позволяет интерпретировать метаверс как онтотехнический гиперобъект цифровой эпохи, обладающий нелокальностью, распределенностью и невозможностью полного восприятия со стороны субъекта. Генеративная реальность формирует постантропоцентрическую модель существования, внутри которой человек осмысливается как элемент единой сети биологических, технических и алгоритмических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арепьев Е. И. Философия и прогресс науки: практический аспект : монография / Е. И. Арепьев, Д. Н. Букин, В. Э. Войцехович [и др.] ; отв. ред. Е. И. Арепьев. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2023. – 269 с.
2. Елхова О. И. Генеративная реальность метаверса и искусственный интеллект : монография / О. И. Елхова, А. Ф. Кудряшев. – Уфа : Уфимский университет, 2025. – 182 с.
3. Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. – Minneapolis ; London : University of Minnesota Press, 2013. – 244 p.
4. Аубакиров Е. Ж. «Темная экология» Т. Мортон в контексте экофилософских концепций и глобальных экологических вызовов XXI века / Е. Ж. Аубакиров, С. Д. Мезенцев // Вопросы философии. – 2026. – № 4. – С. 45–55.
5. Huttunen R. Whose Well-Being? Deep-Ecological and Posthuman Perspectives on Education / R. Huttunen, H. L. T. Heikkinen // Posthumanism and Educational Research. – Singapore : Springer, 2024. – P. 39–56. – DOI: 10.1007/978-981-97-1848-1_3.
6. Schmalzried M. A Philosophical and Ontological Perspective on Artificial General Intelligence and the Metaverse [Электронный ресурс] / M. Schmalzried // arXiv. – 2024. – arXiv:2402.06660. – URL: <https://arxiv.org/abs/2402.06660> (дата обращения: 26.05.2026).
7. Guan J. Extending the Metaverse: Hyper-Connected Smart Environments with Mixed Reality and the Internet of Things / J. Guan, A. Morris, J. Irizawa // 2023 IEEE Conference on Virtual Reality and 3D User Interfaces Abstracts and Workshops (VRW). – Shanghai, China, 2023. – P. 817–818. – DOI: 10.1109/VRW58643.2023.00251.

8. Yang L. Interoperability of the Metaverse: A Digital Ecosystem Perspective Review [Электронный ресурс] / L. Yang, S.-T. Ni, Y. Wang, A. Yu, J.-A. Lee, P. Hui // arXiv. – 2024. – arXiv:2403.05205v4 [cs.CY]. – URL: <https://arxiv.org/abs/2403.05205> (дата обращения: 20.05.2026).
9. Zallio M. Designing the Metaverse: A Scoping Review to Map Current Research Effort on Ethical Implications [Электронный ресурс] / M. Zallio, T. Ohashi, P. J. Clarkson // AHFE International Conference Proceedings. – 2023. – URL: <https://doi.org/10.54941/ahfe1002891> (дата обращения: 20.05.2026).
10. Мортон Т. Статья экологичным / Т. Мортон ; пер. с англ. Д. В. Кралечкина. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2019. – 240 с.
11. Kostenko O. A New Paradigm of Metaverse Philosophy: From Anthropocentrism to Metasubjectivity / O. Kostenko, O. Dnirov, D. Zhuravlov, O. Tykhomyrov, S. Vladov // Philosophies. – 2025. – Vol. 10, № 6. – Article 117. – DOI: 10.3390/philosophies10060117.
12. Ferrando, F. The Art of Being Posthuman: Who Are We in the 21st Century? / F. Ferrando. – Cambridge : Polity Press, 2024. – 240 p.
13. Елхова О. И. Современные вызовы информационно-коммуникационных технологий / О. И. Елхова, А. Ф. Кудряшев // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 27–34.
14. Morton T. Hyposubjects: On Becoming Human / T. Morton, D. Boyer. – London : Open Humanities Press, 2021. – 96 p.
15. Gao Z. Plant-Centric Metaverse: A Biocentric-Creation Framework for Ecological Art and Digital Symbiosis [Электронный ресурс] / Z. Gao, M. Guo, Z. Wang [et al.] // arXiv. – 2025. – arXiv:2508.04391. – URL: <https://arxiv.org/abs/2508.04391> (дата обращения: 26.05.2026).

REFERENCES

1. Arepyev, E.I., Bukin, D.N., Voytsekhovich, V.E. et al. (2023) *Filosofiya i progress nauki: prakticheskiy aspekt* [Philosophy and Progress of Science: Practical Aspect]. In: Arepyev, E.I. (ed.). Kursk: Kursk State University Publ. (In Russian).
2. Elkhova, O.I. & Kudryashev, A.F. (2025) *Generativnaya real'nost' metaversa i iskusstvennyy intellekt* [Generative Reality of the Metaverse and Artificial Intelligence]. Ufa: Ufa University. (In Russian).
3. Morton, T. (2013) *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
4. Aubakirov, E.Zh. & Mezentsev, S.D. (2026) ["Dark Ecology" of T. Morton in the Context of Ecophilosophical Concepts and Global Environmental Challenges of the 21st Century]. *Voprosy filosofii*. 4, 45–55. (In Russian).
5. Huttunen, R. & Heikkinen, H.L.T. (2024) Whose Well-Being? Deep-Ecological and Posthuman Perspectives on Education. In: *Posthumanism and Educational Research*. Singapore: Springer, pp. 39–56. doi: 10.1007/978-981-97-1848-1_3.
6. Schmalzried, M. (2024) A Philosophical and Ontological Perspective on Artificial General Intelligence and the Metaverse. arXiv:2402.06660. Available at: <https://arxiv.org/abs/2402.06660> (accessed 26 May 2026).
7. Guan, J., Morris, A. & Irizawa, J. (2023) Extending the Metaverse: Hyper-Connected Smart Environments with Mixed Reality and the Internet of Things. In: *2023 IEEE Conference on Virtual Reality and 3D User Interfaces Abstracts and Workshops (VRW)*. Shanghai, China, pp. 817–818. doi: 10.1109/VRW58643.2023.00251.
8. Yang, L., Ni, S.-T., Wang, Y., Yu, A., Lee, J.-A. & Hui, P. (2024) Interoperability of the Metaverse: A Digital Ecosystem Perspective Review. arXiv:2403.05205v4 [cs.CY]. Available at: <https://arxiv.org/abs/2403.05205> (accessed 20 May 2026).
9. Zallio, M., Ohashi, T. & Clarkson, P.J. (2023) Designing the Metaverse: A Scoping Review to Map Current Research Effort on Ethical Implications. *AHFE International Conference Proceedings*. Available at: <https://doi.org/10.54941/ahfe1002891> (accessed 20 May 2026).
10. Morton, T. (2019) *Stat' ekologichnym* [Being Ecological]. Translated from English by D.V. Kralechkin. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
11. Kostenko, O., Dnirov, O., Zhuravlov, D., Tykhomyrov, O. & Vladov, S. (2025) A New Paradigm of Metaverse Philosophy: From Anthropocentrism to Metasubjectivity. *Philosophies*. 10 (6), Article 117. doi: 10.3390/philosophies10060117.
12. Ferrando, F. (2024) *The Art of Being Posthuman: Who Are We in the 21st Century?* Cambridge: Polity Press.

13. Elkhova, O.I. & Kudryashev, A.F. (2024) [Contemporary Challenges of Information and Communication Technologies]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Bulletin of Samara State Technical University. Philosophy Series. 6 (3), 27–34. (In Russian).
14. Morton, T. & Boyer, D. (2021) Hyposubjects: On Becoming Human. London: Open Humanities Press.
15. Gao, Z., Guo, M., Wang, Z. et al. (2025) Plant-Centric Metaverse: A Biocentric-Creation Framework for Ecological Art and Digital Symbiosis. arXiv:2508.04391. Available at: <https://arxiv.org/abs/2508.04391> (accessed 26 May 2026).

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS IN THE GENERATIVE REALITY OF THE METAVERSE

O.I. Elkhova

The article is devoted to a philosophical analysis of the transformation of ecological consciousness within the conditions of the generative reality of the metaverse. The study examines the influence of digital and algorithmic environments on subjectivity, presence, and ontological participation. Based on Timothy Morton's concept of hyperobjects, the metaverse is conceptualized as an ontotechnical hyperobject of the digital age, characterized by nonlocality, distributedness, and the impossibility of being fully perceived by the subject, thereby shaping ecological consciousness and a post-anthropocentric model of existence.

Key words: ecological consciousness, metaverse, generative reality, hyperobjects, digital subjectivity.

Поступила в редакцию 04.06.2026 г.

Елхова Оксана Игоревна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и культурологии,
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Республика Башкортостан, РФ
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

Elkhova Oxana Igorevna

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and
Cultural Studies, Ufa University of Science and
Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia,
E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

© 2026 *Н. Н. Емельянова*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуются особенности отечественного философствования, предопределившие экзистенциальный выбор народов России. Рассматриваются идеи русских мыслителей, схватывающих своей мыслью реалии как российского, так и западноевропейского бытия. Анализируются теории отечественных философов, содержащие одновременно и рационально выверенные умозаключения, и страстные поиски правды, свойственные русской душе. Доказывается, что ментальные особенности русского национального характера обусловили специфику отечественного философствования. Ценностные принципы, положенные в основу идей русских мыслителей, необычайно актуальны в наше время, вобравшее в себя и успехи, и провалы информационного универсума.

Ключевые слова: отечественное философствование, особенности, ментальность, Россия.

Известно, что Г. Гегель определил философию как эпоху, схваченную в мысли (мыслью). Это действительно так: важнейшие черты и потребности той или иной эпохи всегда становились предметом размышлений интеллектуалов, стремившихся познать насущные задачи своего времени. Немецкие классики видели назначение человека–творца в преобразовании мира по законам разума и красоты. По сути, ту же задачу ставили наши отечественные философы, схватывающие своей мыслью реалии как российского, так и западноевропейского бытия. При этом в свои философские теории они вкладывали и рационально выверенные умозаключения, и страстные поиски правды, свойственные русской душе. Специфика их философских построений была обусловлена ментальными особенностями русского национального характера. Ценностные принципы, положенные в основу идей русских мыслителей, необычайно актуальны в наше время, вобравшее в себя не только успехи и провалы информационного универсума, но и глобальную напряженность международного экзистенциального противостояния. Метафизические проблемы, поставленные в свое время нашими гениальными соотечественниками, обретают новое звучание в реалиях современного бытия.

Целью статьи является выявление особенностей отечественного философствования, предопределивших экзистенциальный выбор народов России.

Каждой эпохе и каждой исторической общности свойственны отличительные черты, определяемые ментальным своеобразием и спецификой своего времени. На Руси традиции философствования зародились после принятия христианства: воспринимая Библию как зашифрованный текст, первые писатели–богословы обращались к насущным проблемам бытия мира и человека. Подавляющее большинство русских философов исповедовали христианскую веру, не всегда понимаемую ортодоксально. Комментируя тексты Священного писания, они обращались к душе русского народа, видя в ней могучую духовную силу. Отвергая схоластический стиль философствования, они демонстрировали экзистенциальное мироотношение, в котором находили место и гордость за принадлежность к великой русской культуре, и боль за испытания, выпавшие на ее долю.

Размышляя о философских построениях В. Белинского, Д. Писарева, В. Соловьева, С. Франка и других отечественных мыслителей, А.Ф. Лосев подчеркивал: «Русская литература есть вопль против созерцательности, отвлеченности, схематизма;

и вся она есть художественная и моральная исповедь и проповедь, политический памфлет и разоблачение, религиозное и социальное пророчество и воззвание, сплошная тревога и набат, но ни в каком случае не отвлеченное рассуждение, не логическая система, не методическое построение» [1, с. 511-512].

Экзистенциальная основа отечественного философствования обусловила его ментальные особенности: соборность, понимаемую как духовный коллективизм, основанный на православных ценностях; отчетливо выраженную этическую направленность; тесную связь философии и художественного творчества; способность воспринимать мир в его трагичности и верить в мессианскую роль России. В работах русских мыслителей эти особенности выступали как единое целое: расшифровка библейских текстов и размышления о глубокой религиозности русского народа были неотделимы от моральных исканий, литературные тексты пронизывались фундаментальными философскими идеями, любовь к Отчизне вмещала в себя и нерушимый патриотизм, и экзистенциальную тревогу за будущее России. Нравственные ценности органично увязывались со способами участия индивида в грандиозном ходе истории, в осуществлении мировой миссии России. Так или иначе, все размышления русских философов сводились к поискам духовного единения и правильной жизни, раздумьям о добре и зле, о свободе нравственного выбора и творческого самосозидания. Не преуменьшая заслуг западной культуры, отечественные мыслители выявляли ее теневые стороны и отстаивали собственные национальные приоритеты. Концептуальные основы русского философствования охватывали все значимые проблемы той эпохи, в которую довелось жить нашим талантливым соотечественникам.

Примечательно, что ментальные особенности русского любомудрия были предметом размышлений не только профессиональных философов России, но и представителей многих творческих профессий – писателей, поэтов, художников. Выдающиеся мастера слова, как и деятели искусства, были подлинными служителями Отечества, осознававшими и величие, и трагичность своей миссии: быть глашатаями русской Идеи, нести в мир правду о русском духе. А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.К. Рерих, А.А. Блок, С.А. Есенин, Л.Н. Андреев, М.А. Булгаков, Д.С. Лихачев, А.А. Зиновьев – далеко не полный перечень гениальных творцов, составивших славу и национальную гордость России. Будучи великими мыслителями, они впитывали в себя вековую боль родной земли и радели о будущем Отчизны.

В книге с показательным названием «Заметки о русском» Д. Лихачев отмечал: «Великие мастера слова и выдающиеся русские художники вкладывали в свои творения глубокое философское содержание» [2, с. 469]. Неслучайно известных во всем мире А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, а также представителей русского символизма – Андрея Белого, Леонида Андреева, Дмитрия Мережковского и многих других считают не только выдающимися писателями и поэтами, но и незаурядными философами. Экзистенциальная направленность их творчества обусловила пронзительно тревожную и одновременно оптимистическую смысловую нагрузку их произведений. При всем различии литературных стилей тексты русских писателей содержали мучительные поиски ответов на вечные вопросы земного бытия, касающиеся взаимоотношений человека с миром, с самим собой и с Богом. Д. Лихачев, считавший Илариона, Владимира Мономаха, А. Рублева, М. Ломоносова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, М. Мусоргского, Н. Рериха оригинальными русскими мыслителями, писал об этой уникальной растворенности философии в поэзии, музыке, иконописи. Причину такого феномена ученый находил в своеобразной конкретности

русского мышления, нацеленного на познание окружающего мира, что предполагает его художественное осмысление. Отсюда – стилистическое единство, проявляющееся в литературе, искусстве, архитектуре и т. д.: «Это художественное понимание мира отличается гораздо более сильным внутренним ощущением общего в мире, чем логическое его познание» [2, с. 469].

Предвосхищая выводы Д. Лихачева, на философское содержание русской литературы указывал С.Л. Франк, считавший ее выражением самых значительных и актуальных идей. Особенно важным он считал конкретный интуитивизм русской философии, обусловивший концентрацию внимания на кардинальных мировоззренческих вопросах бытия. В творчестве Достоевского, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя он находил глубокое философское восприятие жизни и психологическую глубину, в которую погружен личностный микрокосмос. Все известные отечественные поэты, писал он, одновременно были религиозными мыслителями: «... не профессиональными богословами, не официальными иерархами церкви были те, кто (по крайней мере в XIX веке) способствовал развитию всего самого значительного и действительно оригинального в религиозно-философских идеях России, а, напротив, свободными, светскими мыслителями и писателями» [3, с. 186].

Современные исследователи этнокультурного потенциала России также указывают на «осевые» произведения национальной культуры, в которых осмысливаются и художественно воплощаются наши основополагающие ценности: «В этом плане "Русский мир" немыслим без творений Пушкина и Достоевского, Глинки и Рахманинова, Сурикова и Нестерова, Хомякова и Флоренского» [4, с. 226]. Обращается внимание и на выдающуюся роль Н.К. Рериха, изучавшего историю взаимодействия народов, в том числе анализировавшего северные корни становления Руси–России, а также роль Азии как колыбели духовного созидательного процесса. Выдающиеся отечественные писатели и художники приносили свои таланты, а порой и свои жизни на алтарь служения Родине, истине, искусству.

Выделяя такую черту, как способность русских мыслителей воспринимать мир в его трагичности, Д. Лихачев подчеркивал, что эта интенция пронизывает и бытие природы, и ход мировой истории; она присуща даже знаменитой русской удали и самой русской доброте. Но отсюда – и отсутствие у русских чувства национальной исключительности, и благородство по отношению к поверженным врагам. Неслучайно В. Соловьев, разрабатывая философию Богочеловечества, призывал любить не только свой народ, но и все другие народы, пополняя духовную сокровищницу наших великих предков гуманистическими наработками иных культур. Однако эта способность к сочувствию всем людям, включая врагов, имела оборотную сторону: русские люди, не подверженные национальному высокомерию, подчас испытывали преклонение перед иностранцами.

О трагических чертах русской интеллигенции с болью писал Ф.М. Достоевский, осуждавший ее гипертрофированную деликатность, граничащую с лакейством перед Европой. Превратно понимаемые честь и достоинство, боязнь открыто демонстрировать национальную гордость породили удивительную легковесность и способность к соглашению, готовность надеть «мундир деликатности» и уступить чужому мнению. В результате этого «европейничания» русской интеллигенцией было утрачено чувство самодостаточности и самостоятельности личности. В период войн так называемые «хорошие русские» опасались наших побед, которые якобы могут породить себялюбие и шовинизм. На самом деле русские люди, в том числе на полях сражений, отстаивали не только свою, но и европейскую свободу. Но, освободив Европу от Наполеона, они получили в ответ подозрения и недоброжелательство; способствуя укреплению

чужеземных держав и оберегая их тылы, они столкнулись с ненавистью и лицемерием. Достоевский считал, что, втайне презирая Россию, Европа держит камень за пазухой и ждет удобного повода для ее ослабления. Русские всегда будут для нее самозванцами, чуждыми их цивилизации: «Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество – вот причина!» [5, с. 801].

Между тем, отмечал Достоевский, европейский либеральный цикл идей демонстрирует неясность и неопределенность чужих мыслей и привычек, русскому человеку ненужный и малопонятный. Поэтому необходимо обрести самоуважение, осознать собственное предназначение и понять, что западная цивилизация технична и бездуховна, а братство, проповедуемое европейскими идеологами, носит искусственный характер. Напротив, в русской душе, лишенной эгоцентризма, идея братства пребывает в природе личности и не существует в отрыве от общества. Исследуя специфику русского и западного мировоззрения, писатель указывал, что в Европе давно разработан прагматичный кодекс правил, где добро и зло тщательно взвешено и определено. Размышляя об истинных и ложных ценностях, Достоевский обращался к понятию просвещения и призывал черпать его не из зарубежных источников, а из своих собственных, отечественных. Истинное просвещение – не в науке и не в слепом следовании законам, а в духовном свете, озаряющем внутренний мир человека. Писатель поставил диагноз просвещенной Европе: она поражена страшной болезнью – обоготворением человека. Этой роковой человекоцентричности Достоевский противопоставил православную христоцентричность. Русский народ, выдержавший многие столетия страданий и испытаний на прочность, сумел просветиться, пройдя главную школу христианства. Поэтому надо сбросить ярмо западной цивилизации, отринуть ложную мудрость иезуитов и бросить все силы на строительство цивилизации «славянского всечеловека». Европейскому «человекобогу» необходимо противопоставить Богочеловека Христа и тем самым сберечь Православие.

Подвергая критике величие европейской цивилизации, на деле являющейся нелепой и бесчеловечной, писатель подчеркивал стремление русских к всечеловеческому единению, берущему начало во времена петровской реформы. Основу этой реформы он видел не в утилитарных соображениях, а в готовности русского человека к грядущему воссоединению. Быть подлинно русским означало для него осуществить истинное братство в рамках всего человечества, осознать свое всемирное назначение. Русские люди способны всем сердцем принять гениев других наций, снять кажущиеся непримиримыми противоречия, сказать миру новое слово, «а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!» [5, с. 723].

Понимая всю фантастичность этого глобального проекта, Достоевский, тем не менее, настаивал на великом предназначении соотечественников и находил подтверждение этому в двухвековой истории России, бескорыстно служившей Европе во имя будущей всечеловеческой гармонии. Следы этого всемирного братского служения он обнаружил в творчестве А.С. Пушкина, показавшего всему миру величие русского духа. Именно Пушкин глубоко постиг назначение своего народа и в то же время чутко откликнулся на духовные запросы Европы, «засвидетельствовал о всечеловечности и о всеобъемлемости русского духа и тем как бы провозвестил и о будущем предназначении гения России во всем человечестве, как всеединящего, всепримиряющего и всевозрождающего в нем начала» [5, с. 679].

Последователями А. Пушкина Достоевский считал М. Лермонтова и Н. Некрасова. Характеризуя байрониста Лермонтова как мрачного и капризного поэта, он, в то же время,

отмечал, что тот, вслед за Пушкиным, уверовал в народную правду и по отношению к народу демонстрировал светлую ясность слога, любовь и почитание. Точно так же Н. Некрасов, постигший суть русской души, своим талантом и служением народу выражал осознанную гражданскую позицию и осуществлял глубокое нравственное самоочищение. Великие отечественные писатели и поэты всегда вплетали свою судьбу в настоящее и будущее России. Достоевский выражал надежду на то, что новые поколения русских людей смогут окончательно утолить европейскую тоску, живущую в их душах, и возвестить человечеству новое слово. Вобрав в себя весь опыт прошлого, они найдут точку опоры в уважении к своему народу и самоотверженном служении Отчизне. Для этого нужно добиться духовного единства интеллигенции и народа, возродить уважение к земле, изжить в себе «крепостную» зависимость от Европы. Думается, эти мысли актуальны и в наше время: русской интеллигенции необходимо развивать и укреплять чувство самодостаточности и личностного самоуважения.

Примечательно, что, резко критикуя подражание Европе, Достоевский обращал внимание на двойственность русских, которые по природе своей не только европейцы, но и азиаты. На союз с Азией, которая может оказаться еще не открывшейся Америкой, он возлагал большие надежды: «Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» [5, с. 798]. Необходимо воскресить этот союз и создать новый принцип взаимоотношений, благодаря которому произойдет возрождение подлинных отечественных ценностей. Цивилизаторская миссия России, обратившейся лицом к Азии, будет способствовать пробуждению русского духа и укреплению нравственных сил.

В конце XIX – первой половине XX в.в. экзистенциальные поиски Ф.М. Достоевского получили оригинальное преломление в творчестве Н. Бердяева, С. Франка, П. Флоренского и других мыслителей Русского Религиозного Ренессанса. Трагизм их судеб обусловил глубокую аксиологическую насыщенность философских текстов, в которых осмысливались особенности русского духа и мировое предназначение России. Размышляя о русском национальном характере и о задачах новой исторической эпохи, они требовали возвышения национального сознания до всечеловеческого уровня. Необходимым условием отечественного исторического пути они считали изначальную любовь к России, призванной обогатить культуру Востока и Запада.

Так, С. Франк, углубившийся в исследование русского мировоззрения, указывал на принципиальный радикализм русского духа, отвергающего в морали, искусстве, национальности всё относительное: «Оно обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» [3, с. 184]. Ценности русского духа, имеющего религиозно-мировоззренческие корни, не приемлют этической размытости и беспристрастности. Опорный метафизический пункт человеческой жизни ищется в понимании блага как принципа мироздания на пути к святости. Такая «сквозная» религиозность делает возможным тождество этики и онтологии, философии истории и социальной философии. По убеждению С. Франка, именно религиозная этика составляет главное содержание отечественной философской мысли. Примером такой этики, в которой добро понимается не как нравственное требование, а как живая бытийная сущность мира, является моральное учение Л.Н. Толстого. Русская этика неразрывно связана с соборностью – тем общинным чувством, что нашло отражение в размышлениях Достоевского о личной экзистенциальной ответственности за все зло, свершающееся в мире.

С. Франк подчеркивал, что единство индивидуального и универсального, составляющее основу соборности, выразилось в духовном коллективизме как самобытном

феномене русского мироотношения. Здесь речь шла не о личном спасении индивида, а о человечестве как целостном духовном организме универсума. Желая проникнуть в реальность действительного бытия и получить живое знание, русские мыслители отказывались от кантианства и стремились познать метафизическую открытость бытия. Отвергая как субъективизм, так и бесстрастный рационализм, они склонялись к мистико-спекулятивной теософии, опирающейся на интуитивное постижение жизненного опыта. Отсюда – эмоциональность авторов литературно-философских текстов, их обличительно-пророческий пафос, своего рода психологический онтологизм. В центре внимания всегда остается человек, судьба и сама сущность которого реализуется в социуме: «Тем самым русское мышление превращается в значительное историко- и социально-философское мышление» [3, с. 187].

В этом феномене обнаруживается духовный атрибут бытия, именуемый «правдой», не сводимой к привычному пониманию истины; скорее, это нравственное ядро макрокосма, освящающее общечеловеческое существование. Неслучайно все выдающиеся русские философы пытались внести свой вклад в улучшение нравов и социальное реформирование общества. Эти поиски новых жизненных путей, отмечал Франк, нередко уживаются с эсхатологическими мотивами, с устремленностью к великому мировому Преображению, что кардинально отличает русскую христианскую культуру от западной. Если зарубежная мысль традиционно воспринимала истинное бытие как находящееся вне сознания, то в России духовная жизнь никогда не ассоциировалась с неким эпифеноменом окружающей действительности: в ней усматривалась глубочайшая связь с трансцендентным.

С осторожностью относясь к идеям евразийства, в котором он видел своеобразную реинкарнацию славянофильства, и настаивая на самобытности русской культуры, Франк, то же время, с интересом изучал взаимовлияние отечественного и европейского философского наследия. По его убеждению, между русским и западноевропейским мировоззрением существует некое внутреннее родство: «Оно зиждется на общем происхождении: обе культуры, как западноевропейская, так и русская, в конце концов, происходят от сплава христианства с духом античности и являются лишь различными ответвлениями этого общего ствола» [3, с. 194]. Однако, подчеркивал философ, в западном мировоззрении превалирует картезианская «ЯФилософия», а русская мысль исходит из «МЫфилософии». Для русских «Я» изначально интегрировано в «МЫ», но это не означает безусловного подчинения личного общественному. Точно так же и «Я» в собственной свободе содержит в себе «Мы» как онтологический корень экзистенции.

Заметим, что размышления об особенностях русской ментальности весьма созвучны философским исканиям современности. Отечественные мыслители продолжают изучать специфику русского мировоззрения, опираясь при этом на признание культурного единства народов, населяющих нашу страну. В частности, не утрачивает актуальности работа Л. Гумилева «От Руси к России», в которой прослеживаются этапы становления и расширения Руси как суперэтнуса. Анализируя долгий и сложный путь развития России, автор приходит к выводу о необходимости понимания этого пути как нелинейного процесса. Особо выделяется тот факт, что своей тысячелетней историей Россия обязана победе православия, которому неукоснительно следовали ее лучшие представители (пассионарии). Александр Невский, сделавший доминантой поведения альтруистический патриотизм, тем самым обозначил каноны устройства Руси: «Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях» [6, с. 170].

Московская Русь, знаменовавшая появление нового великорусского этноса, обретшая статус Святой Руси и с конца XV столетия именовавшаяся Россией, удержалась от распада благодаря православной вере и принципу этнической терпимости. Этот принцип лег в основу строительства российского государства такими историческими личностями, как Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван III, Василий III. Москву XVI века Л. Гумилев характеризует как невероятный очаг пассионарности, обусловивший обретение естественных границ в XVIII столетии. Исследуя события «Смутного времени», он объясняет их борьбой за власть разных субэтносов в период акматической фазы этногенеза с присущим ему механизмом «работы» пассионарности. Отдавая должное героизму К. Минина и Д. Пожарского, ученый подчеркивает роль так называемых «безымянных пассионариев», которые, будучи определяющим элементом в этногенезе, обеспечили в 1612 г. победу над польскими интервентами.

Л. Гумилев обращает внимание на стойкость православной веры, свойственной русским, украинцам и белорусам, жившим на землях, остававшихся под властью Польши. По сути, русскими здесь считали себя все православные: «При этом русские, жившие в Русском государстве, четко отделялись от русских Польши и назывались "российские". Такое различие представляет типичную фиксацию общей суперэтнической принадлежности» [6, с. 313]. Культурное достояние Киевской Руси рассматривается автором как неразрывно слитое с наследием Руси Московской. Прослеживая историю отношений России и Украины, Л. Гумилев особо выделяет такую ментальную особенность русского характера, как терпимость к обычаям и нравам других народов, умение понимать и принимать уникальность их образа жизни. Эта черта русских людей обусловила увеличение этнического многообразия России, в том числе за счет восточных территорий: «Именно новая система поведения, созданная на старой идеологической основе – православии, – позволила России сказать свое слово в истории Евразии» [6, с. 382]. Почитавшийся на Руси принцип соборности позволил построить такую государственность, которая основывалась на признании прав и устоев всех населявших ее народов. Естественно, констатирует Л. Гумилев, евразийское главенство России вызывало противостояние со стороны Европы, а также Китая и мусульманского мира.

Что касается новаторской деятельности Петра Первого, то Л. Гумилев скептически оценивает ее как декоративную, полагая, что заимствование европейских нравов повлияло на отечественные поведенческие стереотипы, но никак не отразилось на циклах русского этногенеза. В XVIII в. российский суперэтнос органично охватывал территории от Карпат до Охотского моря (так завершилась акматическая стадия этногенеза), а в XIX в. наступила фаза надлома, длящаяся вплоть до конца XX столетия. Философ справедливо указывает на пагубную бесперспективность механического копирования западноевропейских ценностей и настаивает на императивах поведения, соответствующих российскому уровню пассионарности. В противном случае России грозит утрата самобытности и как следствие – неизбежная ассимиляция. Сохраняя веру в величественное будущее России, Л. Гумилев предрекает наступление инерционной фазы, поэтически отождествляя ее с тремя столетиями золотой осени, эпохой собирания плодов. Результатом этого процесса будет создание нашим этносом неповторимой культуры как основы жизни грядущих поколений: «Если же на обширной территории нашей страны проявят себя новые пассионарные толчки, то наши потомки, хотя и немного не похожие на нас, продолжат славные наши традиции. и традиции наших достойных предков» [6, с. 374]. Как видим, идеи Л. Гумилева, содержащие определенные дискуссионные моменты, остаются весьма познавательными и актуальными.

Новую концепцию евразийства предложил А.Г. Дугин, анализирующий пути развития России после развала СССР. Он рассматривает феномен евразийства и как направленную в будущее политическую философию, и как духовное учение, своего рода пророческую школу, в которой сливаются целые реки мысли. Назначение евразийства усматривается в возвращении народа к подлинной идентичности, способности творить свою судьбу. Обосновывая принципы философии евразийства, Дугин провозглашает народ абсолютной ценностью. Он подчеркивает открытость русского народа, его жизненную энергию и способность к беззаветной любви. Философ видит здесь глубочайшую связь с духом матери-земли, восприятие пространства как необходимой формы жизни, принятие вечности как объекта человеческого опыта, а России – как священного понятия, Абсолютной Родины. Россия, встроена в Европу, и в Азию, призвана пройти путь с Запада на Восток, чтобы возродить евразийство как онтологию и метафизику: «Путь к онтологическому истоку лежит сквозь Россию. Россия и есть этот путь, путь нового рождения, маршрут духовного возврата. Духовного, но одновременно и физического, и исторического, и политического, и культурного, и интеллектуального, и психологического, и эстетического» [7, с. 262].

Отвергая ценностные нарративы либерализма, А.Г. Дугин выступает против процессов тотальной унификации, охватившей современный глобальный континуум. Свобода, которую пропагандирует либерализм нашего времени, на деле означает замаскированное рабство, принуждение к освобождению от Бога и культурной самоидентификации в целом. Критикуя пародийное подражание Западу, философ предлагает новый резервуар смыслов неоевразийства как симфонической модели коллективной идентификации. Специфика евразийства усматривается в признании множественности культур и цивилизаций, в отрицании претензий западного логоса на универсальность. По убеждению Дугина, исторический процесс, плюралистичный по своей сути, проявляется в различных исторических моделях, каждая из которых имеет свой ритм. Россия с ее неповторимым ментальным духом представляет собой особый культурно-исторический тип, в котором европейские и азиатские черты соединяются не механически, а творчески, в результате чего она предстает уникальной, самобытной цивилизацией. Эта самобытность выражается и в православной вере, и в сохранении традиционных ценностей, и в феномене русского мессианства.

Катастрофические ситуации, в которых оказывалась Россия на разных этапах своей непростой истории, всегда использовались западными «партнерами» в разрушительных для нее целях. Сильная Россия опасна для недругов, поэтому и либеральные сценарии печально известных 90-х годов, и бесчестные происки европейских держав в условиях нынешнего военно-политического противостояния имеют целью раздробление и ослабление нашей страны. А. Дугин справедливо отмечает, что за пресловутой западной толерантностью скрывается агрессивное навязывание чуждых нам ценностей и смыслов. Евразийство же, опирающееся на русское начало, объединяет и обогащает множество национальных культур, близких и по языку, и по психологии, и по религиозным предпочтениям. Во все времена русские, преодолевая всевозможные лишения, несли в мир идеи света и добра. Несомненно, «...судьба России состоит в отстаивании ее самобытности, следовании собственным путем, защите своих оригинальных ценностей (православие, нравственность, справедливость, соборность, холизм и т. д.), противостоянии Западу во всех его формах» [7, с. 170].

Проблеме современной Евразии уделяют пристальное внимание отечественные ученые, исследующие понятие цивилизационных коридоров [4]. С их точки зрения, объединение Евразии осуществляется народами, владеющими цивилизационными

коридорами, то есть устойчивыми пространственно-временными каналами обмена экономическими, научно-техническими, художественными достижениями, материальными и духовными ценностями и пр. В ходе подобной «цивилизационной игры» Евразия сплавляется в единое сообщество: «Исторически цивилизационные коридоры обеспечили становление российской цивилизации как именно евразийской державы, позволившей ей обогатиться культурными достижениями и восточной, и западной мегацивилизаций, но сформировать при этом свой образ жизни, систему ценностей и государственные устои существования» [4, с. 138]. Результатом этого процесса должно стать становление ноосферного мегацивилизационного уклада, в котором России отводится роль лидера.

Анализируя духовное измерение цивилизационных коридоров, исследователи справедливо подчеркивают актуальность данной проблемы в эпоху цифровизации и деглобализации. Указывая на недопустимость цивилизационного эгоизма, они призывают к повышению потенциала этих коридоров, предназначенных обеспечить глобализацию нового типа, основанную не на кровавых конфликтах, а на мирном, конструктивном сотрудничестве. Страной, которая сможет возродить евразийские цивилизационные коридоры, должна стать Россия, способная путем культурного диалога сохранить вечные ценности. Будущая ноосферная эпоха может быть построена только на широком международном сотрудничестве культур и цивилизаций. Переход к этой эпохе «с приматом всестороннего развития человека над всеми другими политическими, социальными и хозяйственными соображениями, – только он и может разрешить накопившиеся проблемы человечества и отвести его от неуклонно приближающейся пропасти цивилизационного небытия» [4, с. 285].

Размышления отечественных философов о судьбоносной роли России во всемирном историческом процессе становятся особенно востребованными в наши дни, отмеченные глобальными экзистенциальными событиями. Необходимо объединить интеллектуальные усилия духовной элиты общества как его творческого авангарда, способного осуществить гуманистические вселенские проекты на основе научного анализа современных цивилизационных сдвигов. Безусловно, это нелегкая задача, требующая самоотверженного труда, глубокой ответственности, готовности к постоянному погружению в память опыта, в том числе и негативного. Извлекая уроки из ошибок и заблуждений, неизбежно сопровождающих процесс научного познания, наши ученые продолжают работу над созданием перспективных моделей будущего.

Таким образом, в идеях русских мыслителей XIX–XXI столетий отчетливо прослеживается преемственность, основанная на ментальных особенностях отечественного философствования, и прежде всего – на вере во вселенскую миссию России, на приверженности традициям православия и культовым этическим нормам национального самосознания. Отсюда – неподдельный патриотизм, органичное сочетание научного и художественного мышления, целостность трагического и оптимистического мироотношения. Несомненно, в наши дни творческое предназначение России обретает новые экзистенциальные смыслы.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с. – (Мыслители XX века).
2. Лихачев Д. Заметки о русском / Дмитрий Лихачев. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.

3. Франк С.Л. Русское мировоззрение / С. Л. Франк / Сост. и отв. ред. А.А. Ермичев. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 739 с.
4. Иванов А. В. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева [и др.]; под ред. А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. – Барнаул: Новый формат, 2025. – 303 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Сост., комментарии А. В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
6. Гумилев Л. Н. От Руси к России / Л. Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 392, [8] с. – (Историческая библиотека).
7. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / Александр Дугин. – СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. – 351 с.

REFERENCES

1. Losev A. F. Philosophy. Mythology. Culture. – M.: Politizdat, 1991. – 525 p. – (Thinkers of the 20th century). ISBN 5-250-01293-0
2. Likhachev D. Notes on the Russian / Dmitry Likhachev. – M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2014. – 480 p. ISBN 978-5-389-08666-1
3. Frank S.L. Russian worldview / S. L. Frank / Comp. and resp. ed. A.A. Ermichev. – St. Petersburg: Nauka, 1996. – 739 p. ISBN 5-02-028327-4
4. Ivanov A.V. Russia in the crossroads of spaces and times (experience of a synthetic civilizational approach): monograph / A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, I.V. Fotieva [etc.]; edited by A. V. Ivanova, I. V. Fotieva. – Barnaul: New format, 2025. – 303 p. ISBN 978-5-00202-794-1
5. Dostoevsky F. M. Writer's Diary / Comp., commentary A. V. Belov / Ed. O. A. Platonov. – M.: Institute of Russian Civilization, 2010. – 880 p.
6. Gumilev L. N. From Rus' to Russia / L. N. Gumilev. – M.: AST Publishing House LLC, 2002. – 392, [8] p. – (Historical Library). ISBN 5-17-012202-0
7. Dugin A. G. The fourth political theory. Russia and political ideas of the 21st century / Alexander Dugin. – St. Petersburg. : Amphora. TID Amphora, 2009. – 351 p. ISBN 978-5-367-01089-3

MENTAL FEATURES OF DOMESTIC PHILOSOPHY

N.N. Yemelyanova

This article examines the characteristics of Russian philosophizing that have shaped the existential choices of Russia's peoples. It examines the ideas of Russian thinkers who grasp the realities of both Russian and Western European existence. The theories of Russian philosophers are analyzed, embodying both rationally validated conclusions and the passionate search for truth characteristic of the Russian soul. It demonstrates that the mental characteristics of the Russian national character have shaped the specific nature of Russian philosophizing. The value principles underlying the ideas of Russian thinkers are unusually relevant in our time, which has absorbed both the successes and failures of the information universe.

Key words: Russian philosophizing, characteristics, mentality, Russia.

Поступила в редакцию 27.05.2026 г.

Емельянова Наталья Николаевна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк ДНР, РФ
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
FSBEI HE "Donetsk State University"
Donetsk, DPR, RF
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2026 Н. П. Шатохина

«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал «НИУ Московский государственный строительный университет»

В данной статье предпринят анализ понимания свободы в информационном обществе. Методологическую базу исследования составляют междисциплинарный и социокультурный подходы, а также историко-философский анализ, позволяющие рассмотреть проблему свободы в конкретной социальной формации. Виртуальная отчужденность провоцирует духовный кризис и эгоцентрическое восприятие мира. Глобальная свобода ведет к утрате идентичности и искаженному представлению о реальности. Изучение свободы в постиндустриальном обществе позволяет комплексно рассмотреть её реализацию через ключевые аспекты и установить ценностно-мировоззренческие основы социальных изменений.

Ключевые слова: свобода, постиндустриальное общество, цифровизация, виртуализация, информатизация, глобализм, коммуникации, отчуждение, искусственный интеллект

Переход от индустриального к постиндустриальному типу общества ознаменовался развитием информационных и компьютерных технологий, глобализацией экономики и реализацией научно-технической революции. Экологическая катастрофа, на пороге которой человечество оказалось в XXI веке, породила угрозу нашей будущности на планете, и потому интерес к проблеме человека-творца, гения, способного не просто брать от жизни все положенные блага, но и аккумулировать свою созидательную энергию в позитивное русло, возродился с новой силой. Эпоха технических преобразований и инноваций наложила свой отпечаток на сознание современного человека, отношения между людьми перешли в виртуальную плоскость, акценты и приоритеты стали приобретать совершенно новые формы, точно так же, как и общение, взаимодействие людей друг с другом. Как считает Л. Н. Соловьева, «...использование концепта «человек информационный» для характеристики формирующегося нового типа человека более оправдано, поскольку позволяет фиксировать не только определенный этап технологического развития как это обстоит с концептом «человек цифровой», но и охватывает всю историческую эпоху, детерминированную совокупным влиянием информационной техники и информационно-коммуникационных технологий в целом» [10, с. 70].

В последние десятилетия от уравнилельной идеологии человечество перешло к неограниченному индивидуализму, эгоцентрической системе восприятия мира. Духовный кризис, социальное одиночество, бегство в виртуальные сети, отрицание реальности являются основными признаками техногенной революции, приводящей к массовому отчуждению. В таких условиях само понимание феномена свободы настолько отошло от своей первоначальной трактовки, что достаточно трудно подыскать ему альтернативу в прошлом.

В настоящем формально только закон ограничивает свободу индивида. В своей статье «Феномен отчуждения в эпоху глобализации» Е. В. Кунышова пишет: «Современная эпоха показывает, что человек отчужден от природы, от общества и самого себя. Однако он обладает большей свободой, чем в прежние времена» [6, с. 85].

Исповедуя свободу «без границ», современное информационное общество духовно деградирует. Безусловно, не стоит отрицать моральный долг и этические нормы, они «как бы» присутствуют, но о них помнит далеко не каждый. В наше время информация стала одновременно и источником свободы, и оправданием разрушению и бездействию.

Целью данного исследования является анализ понимания свободы как основополагающей ценности в современном информационном социуме.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать специфику информационного общества в историко-философском контексте.

- описать особенности представлений о свободе в эпоху постиндустриального общества.

- определить доминирующий тип представлений о свободе в постиндустриальном обществе и его роль в формировании последующих мировоззренческих систем.

Вместе с появлением постиндустриального общества в техногенном и механизированном мире стали превалировать новые течения, в которых свобода анализируется в инновационном ракурсе. Доступность источников информации породила потребность в свободе слова. Проблема свободы как таковой стала восприниматься в двойственном, амбивалентном контексте. С одной стороны, усилилась значимость вопроса прав и свобод личности, тогда как с другой стороны много внимания стало уделяться социальной защите. Расширение последней, естественным образом, влечет за собой ущемление первых. Об этом парадоксе пишет Н. В. Омельченко: «Свобода и безопасность не могут противопоставляться друг другу. Обеспечение надежной безопасности не должно осуществляться за счет прав и свобод личности» [8, с. 107].

В настоящее время, современные западные авторы создают постклассические теории. Актуальны такие вопросы, как: проецирование универсальной теории свободы, максимально объективно объясняющей все политические и общественные движения, существующие и существовавшие ранее; отождествление достижения свободы с целью человеческой жизни, разграничение понятий свободы и собственности, взаимозависимость свободы, равенства и ответственности, проявление идеи свободы в религии и искусстве, соотнесение, так называемых, «позитивной» и «негативной» свободы и, наконец, реальность свободы созидательной.

В современном социуме проблема свободы приобрела совершенно иное значение. Её рассматривают сразу в трех аспектах. Первый аспект – свобода воли, как произвольный выбор личности. Второй аспект изучения – свобода как детерминированная необходимость и предопределенность причины и следствия. Третьим аспектом можно считать свободу личности, её духовно-нравственную сферу.

Среди современных исследователей, которые осмысливают проблему свободы в рамках новаторских философских теорий, можно назвать М. И. Бобневу, Б. Х. Бчажкова, И. А. Ватель, М. Д. Гвишиани, А. М. Гендина, А. С. Готта, В. Е. Давидович, Ф. И. Ерешко, Э. В. Ильенкова, Б. М. Кедрова, И. С. Кона, В. И. Кремьянского, Л. А. Леонтьева, С. Я. Лурье, А. Н. Макову, А. А. Мерзлякова, А. Д. Сахарова, П. И. Симуш, В. А. Тишкова, А. Б. Толстого, В. С. Тюхтина, Э. М. Чудинова, М. П. Яценко. Все они анализируют феномен свободы с позиции социального явления, определяющего личностный выбор, позволяющего самоутверждаться в мире кризисов и виртуализированного общения.

Как уже отмечалось ранее, в современном социуме человек несвободен по определению. Парадокс предоставляемой обществом свободы действий заключается в одновременном её ограничении с помощью глобальной универсализации. Виртуальное пространство, заполняющее собой пространство физическое, порождает новую иллюзорную свободу, дает неверное толкование жизни, искаженное представление о реальности. Парадокс нашего времени в том, что, громогласно заявляя о своей уникальности, открыто выражая собственное «Я», индивид в то же время вынужден бороться за свою позицию, придумывать что-то абсолютно оригинальное, не похожее ни на что предыдущее. Л. З. Левит пишет: «Отныне каждый житель глобализированного общества вынужден тратить большую часть жизни на разрешение не им созданных системных противоречий: между свободой и безопасностью; между внутренним стремлением к цельности и определенности в противовес глубокой неопределенности, фрагментированности современного бытия; наконец, в противоречии между стремлением к продуктивной самореализации и внутренним бессилием от недостижения поставленных целей» [7, с. 16].

Извечная, как и само представление о свободе, проблема выбора также видоизменяется в соответствии с актуализирующимися тенденциями общественных устоев. Что касается проблемы морального и нравственного долга, и возникающих при этом ограничений свободы, то уместно было бы отметить, что сейчас прежние убеждения о этическом долге существуют скорее в теории, чем на практике. Так, проблемы свободы находят свое выражение в современном социуме, однако не всегда глубоко осознаются и анализируются как существенно-важные и значимые.

Само слово «свобода» издавна ассоциировалось в сознании людей с чем-то позитивным, непреложным, истинным. Без свободы невозможно познавать и жить, творить и самовыражаться. Однако, в современной социальной реальности, которая по-иному переосмыслила классические научные парадигмы и отыскала новые подходы к изучению сакральных тайн, свобода стала разменной монетой без цены. Противоречие видимого с действительным достигло крайней отметки, отчего феномен свободы вообще переместился в сферу иллюзорного, границы его определения размыты.

В виртуализированном обществе, где надуманное фактически переплетается с реальным, угроза утопического мышления особенно очевидна. Среди молодежи стихийно возникают движения, ориентированные только на информационно-виртуализированные контакты, заменяющие живое общение. Истинная свобода подменяется иллюзией свободы, что в итоге ведет к разочарованию и сложностям в идентификации.

Свобода уже не является синонимом гармонии и истины, она может символизировать деконструктивизм, хаос, разобщенность. Это объясняется тем, что в философии возникли новые теории, согласно которым диссонанс уже не воспринимается как нечто негативное и разрушающее. Из хаоса рождаются структура и порядок, следовательно, и творческая свобода может быть порождением диссонанса, превратившегося в нечто цельное и завершенное. Именно поэтому, в постиндустриальном обществе значительно-важным представляется исследовать связь между понятиями свободы и деструктивизма через призму современной социальной реальности.

По аналогии с наделением термина «свобода» позитивным значением, термин «деструктивизм» порождает абсолютно иной ассоциативный ряд в сознании. Он отождествляется с разрушительной силой, импульсом, негативно воздействующим как в духовной, так и в материальной сферах. Деструктивность представляется как страсть к созиданию проявляющаяся наоборот, как вызов всей вселенской гармонии, как инстинктивное бессознательное желание смерти. Деструкция ломает структуру,

расщепляет элементы и разбирает на части, не соединяя их в дальнейшем. Она есть враг любой упорядоченности, разрушитель законов и предписаний, жизненных норм. Деструкция как изнанка созидания, также преследует определенную цель: если не разрушить полностью, то хотя бы создать видимость разрушения, полного диссонанса, дисгармонии. Деструкция намеренно разбивает конструктивность, бросает ей вызов, но это не происходит стихийно.

В информационном, технологическом обществе XXI века, свобода рассматривается теперь преимущественно как свобода потребления, социального перемещения и творческой самоактуализации. С зарождением постиндустриальной эры в употребление вводятся такие понятия как «информационная свобода» и «свобода слова». В процессе развития постиндустриальной экономики понятие «информационной свободы» постепенно трансформируется в понятие «информационного права», ориентированного на защиту от порожденного техническим прогрессом информационного насилия.

Информационная парадигма определяет любые процессы постиндустриального общества, начиная от бытовой сферы и заканчивая органами власти. Термин «свобода слова» употребляется в самых неожиданных контекстах, что приводит к непониманию и трудностям при его определении. «Свободу слова» понимают и как возможность публично высказывать своё мнение, и как право использования любой информации, и как свободу печати в демократическом обществе. Традиционно, понятие «свободы слова» начинает отождествляться со свободой прессы и в меньшей степени с политической и социальной свободами. Свобода слова выступает как инструмент для защиты прав человека и удовлетворяет одну из базовых потребностей общества.

На рубеже XX и XXI столетий проблемы «свободы слова», свободы прав граждан и информационной свободы переосмысливаются рядом американских исследователей. Они приходят к выводу, что отсутствие цензуры со стороны государства является важнейшим условием на пути реализации индивидами своих информационных прав и интеллектуальной свободы. Однако, как и свобода любого индивида вообще, так и свобода слова, свобода печати не могут быть абсолютными, они ограничены личностными рамками, законом, общественными запретами.

Информационная свобода тесно связана с понятием «коммуникация». В социальном отношении коммуникационным процессом считается обмен информацией между двумя и более субъектами, источниками и получателями. Субъектами коммуникации также могут являться институты, социальные учреждения, организации, общности. Влияние коммуникаций на жизнь современного потребителя трудно переоценить. "Взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций расширяет и наполняет новым содержанием разнообразие жизненных практик, но одновременно оно способно трансформировать ценностные системы" [5, с. 250]. Виртуальный мир, виртуализация, ранее физические термины, сейчас активно используются гуманитарными науками. Под виртуальным миром, как таковым, подразумевается недовоплощенное, лишенное определенных эмпирических черт бытие, частично восполняющее реальность объективных явлений. Это то существование, которое может произвольно прерываться и возобновляться, обладает неустойчивыми эфемерными образами и компенсирует вещественные эффекты.

Искусственный интеллект становится непосредственным носителем информации и участником виртуального общения. Возникают, так называемые, компенсаторные агенты, которые вступая во взаимодействие с живым человеком, тем самым влияют на его мышление, культуру, быт. Индивид перестает оценивать события

объективно, на его личностное мнение влияет виртуальная реальность, он ограничен в своих оценках и суждениях о чем-либо.

В наше время технологических трансформаций и глобальной виртуализации, социальные коммуникации являются неотъемлемым элементом жизни современного индивида.

Роль коммуникаций в жизни человека и социума остается приоритетной ещё с древности, и потому столько сколько существует общество, процесс общения будет представлять из себя обмен знаковыми символами, использование вербальных и невербальных средств. Однако, сейчас все более забывается истинное значение термина «коммуникация», который первоначально подразумевал под собой взаимное доверие между субъектами, обменивающимися информацией.

Коммуникация теперь предстает скорее, как необходимое условие жизнедеятельности, которое неуклонно совершенствуется и постепенно приобретает автоматические навыки. Социальные коммуникации нельзя назвать определяющим фактором в работе организаций, однако их уровень подчас характеризует эффективность всех организационных предприятий, их функционирование. Но самое основное заключается в том, что коммуникации ограничивают свободу современного человека, регулируют творческий процесс, самовыражение личности в условиях техногенного влияния.

Социальные коммуникации есть одна из разновидностей социального взаимодействия. Они могут осуществляться как на макро, так и микроуровнях. Не секрет что от того, как будет выстроена коммуникационная модель, зависит и личностное взаимодействие между субъектами общения, как по горизонтали, так и по вертикали, а также это существенно повлияет на их мотивационную сферу, отношения в группе, коллективе. Нынешняя реальность требует от индивидов постоянной мобилизации творческих способностей, креативности и лабильности в конфликтных ситуациях, при принятии нестандартных решений. Построение эффективной коммуникационной модели, учет роли коммуникационного фактора в личностном развитии - это первый шаг к созидательной деятельности, творческому росту.

Основной нюанс понимания современных коммуникаций заключается в том, что они стали полилинейными и ориентированы на большое количество интерпретаторов. Именно поэтому работа с источниками массовых коммуникаций стала так актуальна и важна во всех сферах деятельности. С развитием прогресса значительно видоизменяются и коммуникативные образования. «Для человеческой цивилизации характерно постоянное освоение новых видов знаков и знаковых (семиотических) систем, используемых для общения и взаимодействия» [1, с. 7].

Риски, связанные с распространением коммуникаций и сопряженной с ними свободы слова, заключаются в следующем: любая коммуникация не обеспечивает свободного информационного обмена. По сути, свободой слова обладает только отправитель сообщения, но не получающий его. Свобода информационного обмена возможна только в том случае, если поступающая информация передается по согласию получателя. В постиндустриальном обществе человек априори не может согласовать свои желания с возможностями получения информации. С появлением и распространением СМИ, на обывателя обрушился бесконтрольный поток рекламы, объявлений, разнообразных новостей, что уже само по себе нарушило границы информационных прав личности.

Специфика современного социума, по отношению к коммуникативной сфере, состоит в том, что взаимодействие его разнородных элементов осуществляется по

информационным каналам. И, при анализе данных социальных контактов, очень своевременно вспомнить о смысловом значении термина «коммуникация», синонимичном «пониманию», «результативности» в процессе обмена информацией. С помощью социальных коммуникаций человек должен координировать свою деятельность и взаимодействовать с другими, а не ограничивать себя информационными рамками. В процессе коммуникации всегда задействованы четыре элемента: сам отправитель, лицо, которое получает информацию, информация и сетевой канал. Существует и единая модель коммуникационного процесса. И тут важно уметь фильтровать одни сообщения и отбирать другие, делать акцент на определенных моментах.

Несмотря на несомненную пользу и значимость социальных коммуникаций, в обращении с ними возникают и определенные проблемы. Прежде всего – это перегруженность информационных каналов. Такая ситуация не дает эффективно воспринимать поступающий материал, выбирать правильный стиль общения. Как замечает Н.Н. Богомолова: «Технические средства дают людям возможность передавать колоссальные объемы информации. Осуществление этого процесса немыслимо без должной организации и управления» [3, с. 30].

Ещё одной проблемой социальных коммуникаций можно считать многоаспектность интернет-сети, которая заменила и совмещает в себе радио, телефон, телевидение. С одной стороны, интернет экономит время каждого из нас и облегчает выполнение практических задач. Но с другой стороны, контакт в нем чаще всего строится в форме короткого диалога – «вопрос-ответ», что значительно упрощает и обедняет эмоционально-духовную сторону общения. Имеет место и чересчур потребительское отношение руководителей информационных проектов или сетевых компаний к использованию социальных коммуникаций. Это не только наносит существенный вред экологии, но и отягчает моральную сферу отношений между производителями и потребителями. Так, погоня за конкурентными преимуществами снижает уровень социальной ответственности и одновременно увеличивает объемы использования природных ресурсов. Глобализация не должна восприниматься как нечто негативное, даже на подсознательном уровне и потому, следует отходить от прошлых моделей коммуникативного обмена. В этом аспекте стоит прислушаться к В.М. Березину: «Конкретный человек является «ценностным центром», но для получения объективной ценностной реальности необходимо дать возможность создания «ценностным центром» диалогических отношений с опорой на систему основных ценностей» [2, с. 15].

Социальные коммуникации – это не просто средства для передачи информации, они позволяют расширять сферу общения, приобретать новые знания, однако они же формируют когнитивную зависимость, стремление к новым и новым знаниям ради самого процесса, а не цели. В позитивном отношении коммуникации служат, а не способствуют, в ином случае они не имеют смысла, только немногие люди понимают, что неправильное их использование может не просто быть безрезультативным, но и навредить.

Самое главное, для каждого из нас, это – четко осознавать свои потребности и четко формулировать запросы, которые мы посылаем в информационные каналы. Но, для того чтобы верно удовлетворить запросы, нужно не рафинировать из сообщения и устные коммуникации, их эмоциональную окраску. Мы бессознательно приходим к тому, что продуцирование идей слишком сложный процесс, поскольку создать нечто уникальное в современном мире, учитывая весь огромный спектр представленных в

сети продуктов творчества, просто невозможно. Отсюда возникают апатия, низкий уровень самооценки, неуверенность в своих силах и возможностях.

В процессе развития постиндустриальной экономики понятие «информационной свободы» постепенно трансформируется в понятие «информационного права», ориентированного на защиту от порожденного техническим прогрессом информационного насилия. Информационная парадигма определяет любые процессы постиндустриального общества, начиная от бытовой сферы и заканчивая органами власти. Термин «свобода слова» употребляется в самых неожиданных контекстах, что приводит к непониманию и трудностям при его определении.

Искусственный интеллект становится непосредственным носителем информации и участником виртуального общения. Возникают так называемые компенсаторные агенты, которые, вступая во взаимодействие с живым человеком, тем самым влияют на его мышление, культуру, быт. Индивид перестает оценивать события объективно, на его личностное мнение влияет виртуальная реальность, он ограничен в своих оценках и суждениях о чем-либо.

Массовая рассылка спамовой корреспонденции, продвижение некачественных товаров и услуг, откровенно опасный контент, вредоносные сайты, взлом паролей, онлайн-угрозы, фейковые новости – вот далеко не полный список воздействий, которым подвергается современный человек. В результате напрашивается вывод об актуальности переосмысления понятия «информационной свободы».

Так, очевидно, что в настоящем интернет завладевает личностным пространством человека, претендует на его независимость, проникает во все сферы жизни, кардинально меняя повседневную реальность [12]. Зависимость от интернета – повсеместное явление, апофеоз глобализации и информационного прогресса. От материального изобилия, гарантируемого глобальной сетью, индивид переходит к духовной изоляции, новому уровню бытийного существования – бытия в сети. Интернет также выступает как еще одно эффективное средство манипулирования человеческим сознанием, тотального контроля и слежения.

Свобода, которая предоставляется индивиду в виртуальном мире, не является подлинной свободой, она синтезирует результаты информатизации социума и вхождения в мир симулякров. Опасность такого рода свободы заключается, прежде всего, в возникновении стереотипов мышления при оценке общественных явлений. Отдельная проблема – это ощущение неполноценности себя. Происходит утрата идентичности, индивид приобретает «мнимую» свободу, поскольку не участвует непосредственно в коммуникативном процессе. Все это с очевидностью ведет к подмене ценностей, внутреннему конфликту и противоречию вымышленного с реальным. «Отрицательные стороны интернета и его влияния на личность заключаются в: риске потерять свою личность, следуя ложным авторитетам; риске непонимания собеседником из-за плохого сенсорного опыта во время взаимодействия; сохранении страхов и неуверенности, заменяя свою личность; риске затруднений в искреннем общении со сверстниками и взрослыми; риске развития интернет-зависимости; опасности развития нереалистичных представлений о себе, трудности в формировании «реального образа себя»; риске деформации собственной личности; риске получить какую-либо противоречивую информацию, достаточно часто ложную» [9, с. 185].

Все вышеизложенное ясно свидетельствует о том, что интернет стал глобальной проблемой, связанной с выживанием цивилизации, главным источником распространения массовой культуры. Интернет пропагандирует коммерческие ценности, усиливает мощь масштабного потребления, предоставляет недостоверную

информацию. Сакральное одиночество, бегство в виртуальные сети, отрицание реальности являются основными признаками техногенной революции, приводящей к массовому отчуждению. Об этом рассуждают Т.А. Бондаренко и С.А. Еременко: «Равноправна ли виртуальная реальность по онтологическому статусу с объективной реальностью, либо она есть лишь совокупность субъективных образов, затмевающая собой реальный мир, не способная сложиться в самостоятельную деятельность» [4, с. 62].

Трудно предугадать, что ожидает современного человека в будущем. Можно определенно утверждать только одно. От его выбора зависит то, каким станет лицо планеты, как преобразуется ноосфера. Иными словами, важно знать о последствиях реализации свободы, помнить о лежащей на каждом из нас ответственности. В своей статье «Свобода как фактор единства человека и универсума» российский ученый Н.М. Урманцев заключает: «...свобода человека должна сделать правильный выбор, характер которого сразу обозначился как глобальный. Идет проверка эффективности разумной самоорганизации в лице человека» [11, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адалянц Т.З. Социальные коммуникации / Т.З. Адалянц., М. Дрофа, 2009. – 514 с.
2. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В.М. Березин, – М.: РИП-холдинг, 2003. – 222 с. (Серия: Практическая журналистика).
3. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н.Н. Богомолова. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с.
4. Бондаренко Т.А., Еременко С.Н. Бегство в мир интернета // Вестник ДГТУ. – 2012. – № 2 (63), Вып. 1 – С. 60-66.
5. Гугенгеймер Е.В., Николаева Е.Ю. Влияние интернета на личность человека // Юный ученый. – 2023. – № 4 (67). – С. 185-188. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/67/3588>.
6. Куняшова Е.В. Феномен отчуждения в эпоху глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – Новосибирск, СибАК, 2016. – № 6-7 (57). Ч. 1. – С. 81-85.
7. Левит Л.З. Свобода и ответственность в современных условиях: разрешение противоречий. Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности. – Омск, Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – С. 15-20.
8. Омельченко Н.В. Опыт философской антропологии. – Волгоград: ВолГУ, 2005. – 216 с.
9. Позднякова В.В. Функции интернета в современном обществе // Молодой ученый. – 2019. – № 28 (266). – С. 220-221. - URL: <https://moluch.ru/archive/266/61513>.
10. Соловьева Л.Н. Феномен человека информационной эпохи: опыт философской рефлексии // Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 112, № 5. – С. 66-73. – DOI: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-66-73
11. Урманцев Н.М. Свобода как фактор единства человека и универсума // Вестник ОГУ. – 2007. – № 7. – С. 142-148.
12. Философия коммуникации: проблемы и перспективы / [Антонова И.Б., Березовская И.П., Биби Стивен и др.] ; под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой - СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2013. – 260 с. - DOI: 10.18720/SPBPU/2/si21-210.

REFERENCES

1. Adalyants, T.Z. (2009). Social Communications / T.Z. Adalyants. Moscow: Drofa, 514 p.
2. Berezin, V.M. (2003). Mass Communication: Essence, Channels, and Actions / V.M. Berezin. – Moscow: RIP-Holding, – 222 p. (Series: Practical Journalism).
3. Bogomolova, N.N. Social Psychology of Mass Communication / N.N. Bogomolova. – Moscow: Aspect Press, 2008. – 191 p.
4. Bondarenko T.A., & Eremenko S.N. (2012) Escape to the World of the Internet // Bulletin of DSTU. . No. 2 (63), issue 1. pp. 60-66.
5. Gugenheimer E.V., & Nikolaeva E.Yu. (2023) The Influence of the Internet on a Person's Personality // Young Scientist. 2023. No. 4 (67). pp. 185-188. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/67/3588>.

6. Kunyashova E.V. (2016) The Phenomenon of Alienation in the Era of Globalization // Actual Issues of Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History. Novosibirsk, SibAK, No. 6-7 (57). Part 1. pp. 81-85.
7. Levit L.Z. (2016) Freedom and Responsibility in Modern Conditions: Resolving Contradictions. Personality Activity and Responsibility in the Context of Life Activity; Omsk, Omsk State University Publishing House, pp. 15-20.
8. Omelchenko, N.V. (2005) Experience of Philosophical Anthropology. Volgograd: Volgograd State University, 216 p.
9. Pozdnyakova, V.V. (2019) Functional The Internet in Modern Society // Young Scientist. No. 28 (266). Pp. 220-221. – URL: <https://moluch.ru/archive/266/61513>.
10. Solovyova L.N. (2025) The Phenomenon of the Information Age Man: An Experience of Philosophical Reflection // Humanities and Social Sciences. Vol. 112. No. 5. pp. 66-73. - doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-66-73
11. Urmantsev N.M. (2007) Freedom as a Factor of Human Unity and the Universe // Vestnik OGU. No. 7. pp. 142-148.
12. Philosophy of Communication: Problems and Prospects / [Antonova I.B., Berezovskaya I.P., Bibi Stephen, et al.] ; ed. by S.V. Klyagin, O.D. Shipunova - St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2013. - 260 p. doi: 10.18720/SPBPU/2/si21-210

FEATURES OF UNDERSTANDING FREEDOM IN THE INFORMATION SOCIETY

N. P. Shatokhina

This article analyzes the understanding of freedom in the information society. The research methodology is based on interdisciplinary and sociocultural approaches, as well as historical and philosophical analysis, which allow us to examine the problem of freedom in a specific social formation. Virtual alienation provokes a spiritual crisis and an egocentric perception of the world. Global freedom leads to a loss of identity and a distorted view of reality. Studying freedom in a post-industrial society allows us to comprehensively examine its implementation through key aspects and establish the value and worldview foundations of social changes.

Key words: freedom, post-industrial society, digitalization, virtualization, informatization, globalism, communication, alienation, artificial intelligence.

Поступила в редакцию 10.06.2026 г.

Шатохина Наталья Петровна

доцент кафедры истории и философии,
Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры – филиал «НИУ Московский
государственный строительный университет»
E-mail: shatohina-85@mail.ru

Shatokhina Natalia Petrovna

associate Professor of history and philosophy,
Donbass National Academy of Civil Engineering and
Architecture – branch of NRU MGSU
E-mail: shatohina-85@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.016:51:004.8

DOI: 10.5281/zenodo.22770816

EDN: DHBPCS

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТЕЙ: ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ НА УРОКАХ АЛГЕБРЫ

© 2026 *И.В. Гончарова¹, М. В. Петренко², И. Н. Никитенко³*

¹ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

²ГБОУ «Средняя школа №37 г.о. Макеевка»

³ГБОУ «Докучаевская школа № 6 г.о. Докучаевск»

В статье исследуется, как нейросетевые технологии помогают визуализировать исторический контент и создавать учебные комиксы для повышения мотивации школьников на уроках математики. На примере темы «Координаты и графики. Функции» авторы разработали и апробировали комплекс дидактических материалов, включающий: портретные реконструкции Рене Декарта и его родителей (Chad AI), анимацию исторической личности (TopView), сценарии и визуализацию трёх учебных комиксов о появлении системы координат (ChatGPT и Gemini). Показано, что применение нейросетевых инструментов способствует формированию устойчивого познавательного интереса, преодолению абстрактности алгебраических понятий и развитию творческого мышления. Статья продолжает предыдущее исследование авторов, где аналогичный подход был реализован в курсе геометрии.

Ключевые слова: нейросетевые технологии; нейросетевые инструменты; визуализация исторического контента; повышение мотивации обучающихся; познавательный интерес.

Введение. Федеральный закон «Об образовании в РФ» [1] и ФГОС ООО [2] заставляют по-новому взглянуть на методы обучения. Особенно остро это касается математики: её абстрактные понятия часто отбивают у школьников желание учиться. Один из проверенных способов снять это противоречие – добавить в уроки историко-культурный контекст, показывающий математику как живую, развивающуюся науку. Но просто рассказов и статичных картинок для нынешних «цифровых аборигенов» уже недостаточно.

Нейросети (генеративные сети, большие языковые модели) сейчас дают учителю новые способы сделать материал наглядным. По определению Н.Г. Дюкиной, нейронную сеть можно понимать, как математическую модель, которая после обучения находит закономерности в данных, анализирует их и делает прогнозы [3]. В школе такие сети применяют для персонализации, автоматизации и, что особенно важно, для повышения мотивации.

В нашей предыдущей работе [4] мы уже показали, как нейросети помогают «оживить» историю математики на примере геометрии (тема «Теорема Пифагора и начала тригонометрии»). Тогда успешно применили ChatGPT, Character AI, Hedra, Infostorm для создания анимированных видео и диалогов. Теперь мы делаем следующий шаг: переходим к алгебре – разделу «Координаты и графики. Функции» – и к фигуре Рене Декарта. В отличие от первой статьи, здесь мы не только визуализируем биографии, но и генерируем исторические задачи с помощью мультимодальных нейросетей.

Анализ актуальных исследований. В последние годы вопрос использования нейросетей в математическом образовании обсуждается всё активнее. Например, К.А. Корякова и О.В. Судакова [5] перечисляют главные плюсы: учёт индивидуальных особенностей ученика, повышение интереса через интерактив, автоматическая проверка заданий и расширение доступности обучения. А.В. Гриншкун и Н.С. Корнева [6] анализируют ChatGPT как генератора учебных материалов, но предупреждают: для серьёзной работы нужны специализированные системы с лучшей логикой. Н.А. Максимова [7] подчёркивает, что нейросети полезны для построения персональных образовательных траекторий.

Е.В. Донгаузер и Ю.Д. Аликина [8] показывают, как ИИ адаптирует контент под уровень и темп ученика, реализуя адаптивное и дифференцированное обучение. В то же время в работах [9] и [10] обсуждаются риски: утечка персональных данных, необъективность алгоритмов, нехватка IT-специалистов в школах. И.А. Швалева и Б.Е. Стариченко [11] на примере YandexGPT показали, что нейросети могут помочь даже школьникам с задержкой психического развития. А.А. Сулла [12] добавляет, что MathGPT и аналоги экономят время учителя при проверке работ и генерации заданий.

Чтобы осознанно выбирать нейросеть для учебных целей, нужна их систематика. В работе [13] предложена классификация: междисциплинарные, специализированные и вспомогательные – это помогает преподавателю не запутаться в многообразии инструментов.

Особый интерес для нашего исследования представляет историко-генетический подход. В.В. Бобынин [14] понимал его как метод, при котором изложение науки повторяет её реальное развитие. О.С. Ахмедов [15] добавляет: такой подход снимает абстрактность математики, показывая, откуда взялись понятия и зачем они нужны. М.Ю. Пермякова [16] перечисляет задачи использования истории: связать развитие математики с историей государства, объяснить причинно-следственные связи, разбудить познавательную активность. Е.Ю. Лукичева [17] вводит термин «историко-математическая компетентность» и предлагает классификацию исторических экскурсов.

Ранее мы уже подчёркивали [18], что исторический материал должен быть не только содержательным, но и ярким, наглядным. В продолжение мы показали [19]: систематическое включение исторических фактов, цитат учёных, слайдов и игр развивает математическую культуру, но успех этого дела напрямую зависит от того, насколько материал эмоционально окрашен и визуально привлекателен.

Подготовка учителя к работе с нейросетями – ключевое условие. В работе [20] предлагается делать это через проектно-эвристическую деятельность, которая даёт навыки обращения с цифровыми инструментами. Однако чётких методик по визуализации исторического контента и созданию комиксов на уроках алгебры пока недостаточно. Возникает разрыв: нейросети обладают высоким потенциалом, а практических наработок мало.

Цель статьи – изучить возможности генеративных нейросетей для создания портретных изображений и учебных комиксов как средств визуализации историко-математического контента на уроках алгебры.

Материалы и методы исследования. В основу исследования легли, как теоретические, так и эмпирические методы. В ходе работы были изучены и проанализированы научные публикации по вопросам применения нейросетей в обучении математике, обобщен опыт интеграции историко-математического контента в школьный курс алгебры. Эмпирическая часть включала апробацию нескольких нейросетевых инструментов: Chad AI (генерация портретных изображений), TopView

(анимация статичных портретов), ChatGPT (создание сценариев учебных комиксов) и Gemini (создание иллюстраций к комиксам). На платформе Digipad разработан интерактивный стенд «История математики в лицах: Рене Декарт», созданы портретные реконструкции учёного и его родителей, выполнена анимация портрета, сгенерированы три варианта учебных комиксов. Дидактический потенциал полученных материалов оценён с точки зрения их влияния на мотивацию обучающихся.

Основная часть. В предыдущем исследовании [4] мы показали, как нейросети «оживляют» историю математики на материале геометрии. Однако возможности нейросетей не ограничиваются геометрией. Для подтверждения их универсальности в рамках школьной программы логично обратиться к другому ключевому разделу – алгебре, где абстрактные идеи требуют иных подходов к визуализации. Если в первой статье акцент был сделан на античной эпохе и фигуре Пифагора, то в данной работе мы обращаемся к эпохе Нового времени и личности Рене Декарта, чья система координат стала основой для синтеза алгебры и геометрии.

В школьном курсе алгебры особое внимание уделяется прямоугольной системе координат на плоскости, которая изучается в 7 классе при изучении темы «Координаты и графики. Функции» (24 ч) [21]. Первое знакомство с координатной системой происходит уже в 5–6 классах, когда ученики учатся работать с числовыми осями и отмечать точки на плоскости. Идеи Декарта закладывают основу для решения задач, ранее казавшихся несовместимыми: графики функций, уравнения прямых, геометрические преобразования – всё это становится доступным благодаря декартовой системе координат. Важно показать ученикам, что за простотой линий и чисел скрывается глубокая философская концепция, изменившая науку XVII века.

Прежде, чем приступить к изучению раздела «Координаты и графики. Функции», на вводном уроке стоит задача не только ознакомить обучающихся с основными понятиями (координатные оси, начало отсчёта, координатная плоскость), но и сформировать устойчивую мотивацию. Одним из эффективных приёмов является обращение к истории науки: рассказ о том, как и почему возникла идея координат, какие практические и философские проблемы решал Декарт, позволяет снять психологический барьер перед абстракцией, показать, что математика развивается под влиянием реальных потребностей человечества. Именно исторические факты, поданные наглядно и эмоционально, создают у школьников целостное представление о теме и побуждают к дальнейшему изучению.

В качестве дополнения к вводному уроку был создан интерактивный стенд «История математики в лицах: Рене Декарт», посвящённый жизни и научным достижениям учёного. Материалы стенда включают визуализированные истории о том, как философские поиски истины привели Декарта к разработке координатной плоскости, объединившей алгебраические методы с геометрическими задачами (рис. 1). Стенд реализован на платформе Digipad.

Визуализация биографического контекста. Для создания наглядного образа Рене Декарта и его семейного окружения использовалась нейросеть Chad AI, позволяющая генерировать портретные изображения по текстовому описанию. На рис. 2–4 представлены варианты портретов учёного, выполненные в разных стилистических решениях. Этим же инструментом были сгенерированы изображения, интерпретируемые как портреты матери и отца Рене Декарта (рис. 5–6). Поскольку прижизненных изображений родителей философа не сохранилось, данные визуализации не претендуют на историческую достоверность и являются результатом творческой реконструкции, основанной на сведениях об эпохе, социальном статусе семьи и типичных образах французского дворянства XVII века. Тем не менее такой

подход позволяет создать эмоционально окрашенные зрительные опоры, способствующие целостному восприятию биографии учёного.

Промты для генерации изображений родителей Декарта:

– для матери: «Реалистичный портрет в стиле барокко: молодая женщина в темном платье с кружевным воротником держит младенца (Рене Декарт). Стиль: теплые тона, эмоциональная связь матери и ребенка. Историческая достоверность, без современных элементов»;

– для отца: «Реалистичный портрет в стиле барокко: мужчина средних лет в костюме французского аристократа XVII. Стиль: теплые охристые тона, мягкий свет от свечи. Выражение лица отца – мудрое и заботливое. Историческая достоверность, без современных элементов».

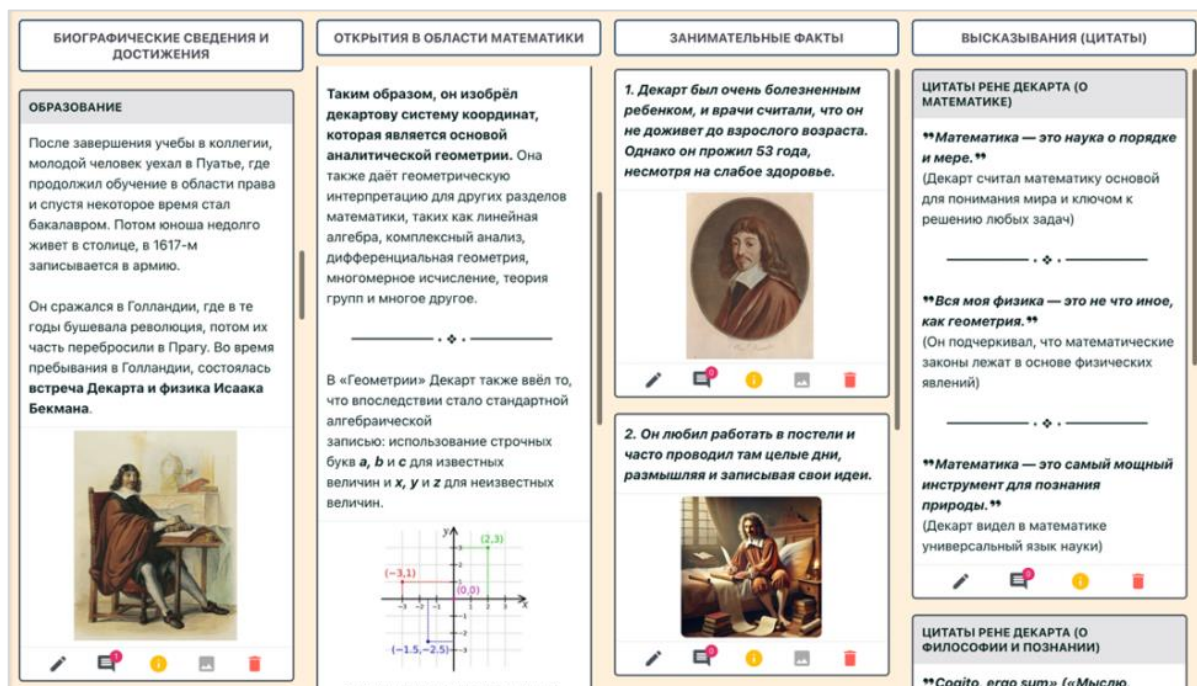

Рис. 1. Интерактивный стенд «История математики в лицах: Рене Декарт», реализованный на платформе Digipad

Рис. 2. Портрет учёного-математика Рене Декарта

Рис. 3. Философ и мыслитель Рене Декарт

Рис. 4. Рене Декарт за работой в своём кабинете

Рис. 5. Изображение матери Р. Декарта (реконструкция, Chad AI)

Рис. 6. Изображение отца Р. Декарта (реконструкция, Chad AI)

Анимация исторической личности. Для повышения вовлечённости обучающихся и создания эффекта «присутствия» была применена нейросеть TopView, обеспечивающая анимацию статичных портретов (движения головы, глаз, мимика). На рис. 7 представлен результат «оживления» портрета Рене Декарта. Использование анимированного изображения делает взаимодействие с историческим материалом более динамичным и запоминающимся, усиливая эмоциональную связь школьников с изучаемой фигурой. Следует отметить, что данная технология носит преимущественно иллюстративный характер и не претендует на абсолютную достоверность в передаче внешности и манеры поведения.

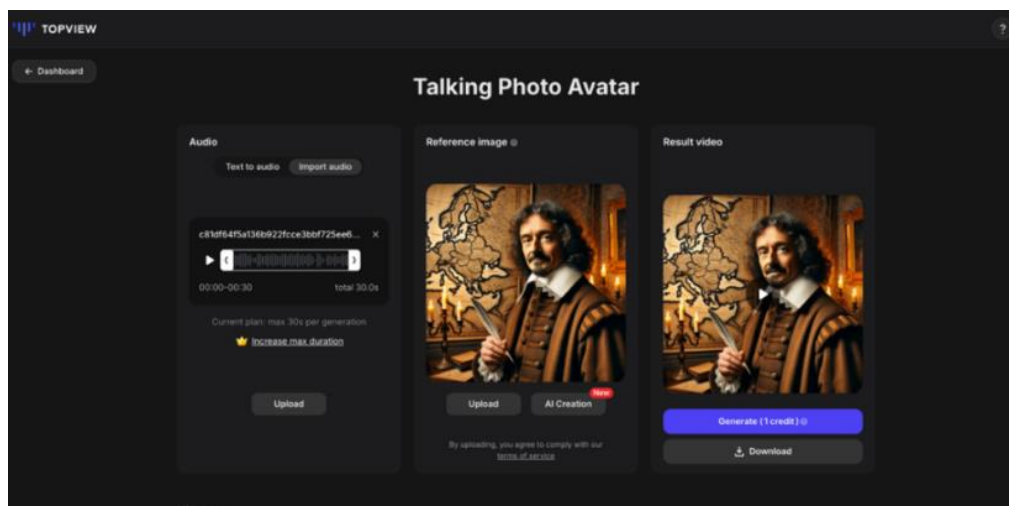

Рис. 7. Преобразование статичного портрета в динамическое изображение в сервисе TopView

Генерация учебных комиксов с использованием нейросетей. Комиксы обладают значительным дидактическим потенциалом: они визуализируют абстрактные математические понятия, повышают мотивацию и вовлечённость школьников, развивают образное и критическое мышление, а также позволяют контекстуализировать учебные задачи. В рамках исследования была предпринята попытка автоматизированной генерации комиксов, посвященных истории создания декартовой системы координат, с использованием нейросетевых инструментов.

Для генерации сценариев комиксов применялась нейросеть ChatGPT. Было разработано три варианта сценариев, различающихся по стилю, количеству кадров и степени юмористической окраски. Первый сценарий был создан по промту: «Придумай сценарий для комикса про то, как Рене Декарт случайно придумывает систему координат. Пусть он сначала скучает или философствует, а потом замечает что-то, что

наводит его на идею. Добавь немного юмора, философии и финальную сцену, где он с энтузиазмом представляет аналитическую геометрию. Примерно 8–9 кадров». Второй и третий сценарии генерировались с более короткими промтами, ограничивающими количество кадров (4 кадра) и задающими необычное место действия (каток).

Визуализация комиксов с помощью мультимодальных нейросетей. Для создания иллюстративного ряда к разработанным сценариям использовалась мультимодальная нейросеть Gemini, способная генерировать изображения на основе текстовых описаний. Это позволило автоматизировать процесс визуализации и обеспечить соответствие иллюстраций содержанию каждого сценария. Для генерации изображений применялся промт: «Нарисуй изображение к предложенному сценарию комикса. Используй дословно данный текст, не переводя его на английский язык». Далее вставлялся скопированный сценарий комикса. Результат визуализации первого комикса представлен на рис. 8.

При генерации изображений с текстовыми элементами на русском языке были отмечены технические сложности: нейросеть не всегда корректно воспроизводила буквы и слова. В таких случаях требовалась дополнительная корректировка промта – необходимо было указать конкретное слово и явно описать допущенную ошибку, чтобы добиться ее исправления.

Второй и третий сценарии были сгенерированы с более краткими и конкретными промтами, ограничивающими количество кадров (4) и задающими необычный контекст. Для второго сценария: «Придумай короткий сценарий для комикса по математике с участием Рене Декарта. Комикс должен быть смешным и объяснять, как появилась система координат. Пусть действие происходит в необычном месте. Ограничься 4 кадрами. Включи реплики персонажей и финальную надпись». Для третьего сценария: «Придумай короткий сценарий комикса про Рене Декарта, где он случайно изобретает систему координат. Пусть это будет, например, зимой, на катке. Добавь немного юмора и философии. Ограничься 4 кадрами. Включи реплики и финальную подпись».

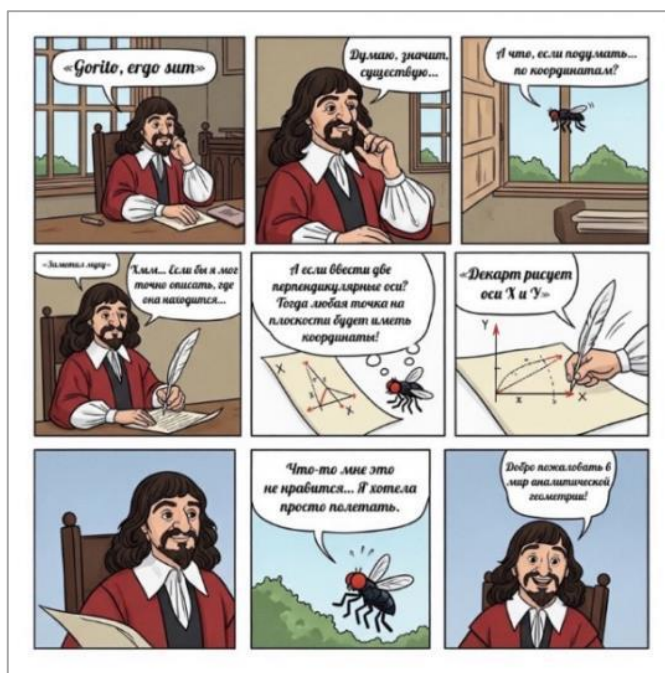

Рис. 8. Учебный комикс «Когда Декарту стало скучно...» (сценарий ChatGPT, иллюстрации Gemini)

После генерации второго и третьего сценариев была выполнена их визуализация с помощью нейросети Gemini (рис. 9–10) с использованием того же промта, что и для первого комикса.

Рис. 9. Учебный комикс «Оси, которых никто не ждал» (сценарий ChatGPT, иллюстрации Gemini)

Рис. 10. Учебный комикс «Декарт и лёд» (сценарий ChatGPT, иллюстрации Gemini)

Таким образом, нейросетевые технологии (ChatGPT – для генерации сценариев, Gemini – для создания иллюстраций) позволяют автоматизировать процесс разработки образовательных комиксов, делая их разнообразными, адаптируемыми под разные темы и уровни сложности. Это открывает возможности для персонализации обучения: комиксы могут учитывать интересы и темп усвоения материала конкретными обучающимися. Кроме того, автоматизированная генерация существенно сокращает временные затраты учителя на подготовку наглядных материалов.

Заключение. Апробация нейросетей (Chad AI, TopView, ChatGPT, Gemini) на уроках алгебры подтвердила их эффективность для визуализации облика исторических персон и генерации коротких комиксов о происхождении математических идей. Для темы «Координаты и графики. Функции» получены анимированные портреты Рене Декарта (Chad AI, TopView) и учебные комиксы (ChatGPT, Gemini). Эти материалы усиливают эмоциональное восприятие биографии, повышают наглядность темы, сокращают время подготовки учителя и формируют у обучающихся представление о математике как о культурно-историческом явлении.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на создание нейросетями фабульных исторических задач, объединяющих повествование с вычислительным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : [от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г.] : [ред. от 28 февраля 2025 г., вступ. в силу с 01.04.2025] // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.04.2026). – Текст : электронный.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [утвержден Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 мая 2021 г.

- № 287; Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации от 5 июля 2021 г. Регистрационный № 64101]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения 21.04.2026). – Текст : электронный.
3. Дюкина Н. Г. Нейронные сети: возможности применения при обучении математике в школе / Н.Г. Дюкина // Математика и математическое образование в эпоху цифровизации : материалы XIII Всероссийской с международным участием научно-методической конференции, Красноярск, 14–15 ноября 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2024. – С. 241–244. – EDN LHSAGB.
 4. Гончарова И.В. Использование нейросетевых технологий для визуализации исторического материала и повышения мотивации обучающихся на уроках математики / И.В. Гончарова, И.Н. Никитенко, М.В. Петренко. – DOI: 10.24412/2079-9152-2025-67-88-103 // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2025. – Вып. 3 (67). – С. 88–103. – EDN RTVINO.
 5. Корякова К.А. Нейросети как новые инструменты в образовании / К.А. Корякова, О.В. Судакова // Информационные технологии в образовании. – 2023. – № 6. – С. 180–186. – EDN CZWHJQ.
 6. Гриншкун А.В. Влияние генеративных нейронных сетей на обучение математике / А.В. Гриншкун, Н.С. Корнева // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании : Материалы VII Международной научной конференции, Красноярск, 19–22 сентября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2023. – С. 245–248. – EDN OEHNDL
 7. Максимова Н.А. Эффективное использование нейронных сетей для персонализированного обучения в современном образовательном пространстве / Н.А. Максимова // Инновационная деятельность педагога: традиции и современность : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 26–27 апреля 2024 года. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2024. – С. 469–473. – EDN MZSOMI.
 8. Донгаузер Е.В. Искусственный интеллект как инструмент персонализации в современном школьном образовании / Е.В. Донгаузер, Ю.Д. Аликина // Интеллектуальный потенциал человека в системе современных научно-образовательных процессов : материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Томск, 24–30 июня 2021 года. – Томск: Издательство научно-технической литературы, 2021. – С. 90–96. – EDN TFGIHR.
 9. Особенности внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс / М.А. Лапина, М.Е. Токмакова, Д.А. Демин, Г.А. Есаян // Auditorium. – 2023. – № 3(39). – С. 43–48. – EDN ZQTNXH.
 10. Дудукин А.А. Нейросети в образовании / А.А. Дудукин, К.В. Самохин // Актуальные вопросы инноваций и современные научные открытия : Сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 апреля 2023 года. Том Часть 2. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. – С. 186–189. – EDN JDVUKT.
 11. Швалева И.А. Возможности обучения математике учащихся с задержкой психического развития при использовании нейросети / И.А. Швалева, Б.Е. Стариченко // Актуальные вопросы преподавания математики, информатики и информационных технологий. – 2024. – № 3. – С. 306–312. – EDN STXYDR.
 12. Сулла А.А. Использование нейронных сетей при подготовке к урокам математики в школе / А.А. Сулла // Интеграция науки, общества, производства и промышленности: проблемы и перспективы : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Таганрог, 09 декабря 2023 года. – Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2023. – С. 59–61. – EDN LGEQRE.
 13. Классификация нейросетей для создания образовательного контента преподавателем высшей школы / Р.З. Елсакова, Н.Н. Кузьмина, А.М. Маркус, Н.М. Кузьмина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 17–29. – DOI 10.14529/ped240202. – EDN BGYEFB.
 14. Безенкова Е.В. Использование исторического компонента на уроках математики / Е.В. Безенкова // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 6-7(10-11). – С. 32–36. – EDN ZDEBD.
 15. Ахмедов О.С. Преимущества историко-генетического метода при обучении математике / О.С. Ахмедов // Scientific progress. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 523–530.
 16. Пермякова М. Ю. Использование исторических сведений в обучении как одна из составляющих благоприятной образовательной среды на уроках математики / М.Ю. Пермякова // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития : Сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Тула, 21 октября 2021 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 286–288. – EDN NZNLKS.

17. Лукичева Е.Ю. Методика использования элементов истории науки при обучении математике в условиях реализации ФГОС / Е.Ю. Лукичева // Успешные практики реализации ФГОС общего Сборник методических материалов. – Санкт-Петербург : Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования "Ленинградский областной институт развития образования", 2018. – С. 22-34. – EDN HGMYOY.
18. Гончарова И. В. Активизация познавательной деятельности учащихся основной школы с помощью исторических фактов по математике / И. В. Гончарова // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2020. – № 51. – С. 70-76. – EDN BNBZDM.
19. Гончарова И.В. Формирование математической культуры обучающихся путем использования исторических сведений при изучении математики / И.В. Гончарова // Дидактика математики: проблемы и исследования: международный сборник научных работ. – 2021. – № 54. – С. 104–112. DOI: 10.24412/2079-9152-2021-54-104-112.
20. Система подготовки нового поколения учителей математики на основе проектно-эвристической деятельности / Е.И. Скафа, Е.Г. Евсеева, Ю.В. Абраменкова, И.В. Гончарова // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 5(53). – С. 208–222. DOI: 10.32744/pse. 2021.5.14.
21. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Математика (базовый уровень) (для 5–9 классов образовательных организаций). – Москва : ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2023. – 106 с.

REFERENCES

1. Federal Law "On Education in the Russian Federation": [dated December 29, 2012, No. 273-FZ: adopted by the State Duma on December 21, 2012; approved by the Federation Council on December 26, 2012]: [as amended on February 28, 2025, entered into force on April 1, 2025] // ConsultantPlus: reference and legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of access: April 21, 2026). – Text: electronic.
2. Federal State Educational Standard of Basic General Education [approved by Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated May 31, 2021, No. 287; Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on July 5, 2021. Registration No. 64101]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/Vie_w/0001202107050027 (accessed on April 21, 2026). – Text: electronic.
3. Dyukina N. G. Neural Networks: Possibilities of Application in Teaching Mathematics at School / N.G. Dyukina // Mathematics and Mathematical Education in the Age of Digitalization: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Methodological Conference with International Participation, Krasnoyarsk, November 14–15, 2024. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2024. – pp. 241–244. – EDN LHSAGB.
4. Goncharova, I.V. Using neural network technologies to visualize historical material and increase student motivation in mathematics lessons / I.V. Goncharova, I.N. Nikitenko, M.V. Petrenko. – DOI: 10.24412/2079-9152-2025-67-88-103 // Didactics of Mathematics: Problems and Research. – 2025. – Issue. 3 (67). – pp. 88–103. – EDN RTBIHO.
5. Koryakova, K.A. Neural networks as new tools in education / K.A. Koryakova, O.V. Sudakova // Information technologies in education. – 2023. – No. 6. – pp. 180–186. – EDN CZWHJQ.
6. Grinshkun, A.V. The influence of generative neural networks on teaching mathematics / A.V. Grinshkun, N.S. Korneva // Informatization of Education and Methods of E-Learning: Digital Technologies in Education: Proceedings of the VII International Scientific Conference, Krasnoyarsk, September 19-22, 2023. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, 2023. – pp. 245-248. – EDN OEHNDL
7. Maksimova, N.A. Effective Use of Neural Networks for Personalized Learning in the Modern Educational Space / N.A. Maksimova // Innovative Activities of a Teacher: Traditions and Modernity: Collection of Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, April 26-27, 2024. – Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 2024. – pp. 469-473. – EDN MZSOMI.
8. Dongauser, E.V. Artificial intelligence as a tool for personalization in modern school education / E.V. Dongauser, Yu.D. Alikina // Human intellectual potential in the system of modern scientific and educational processes: Proceedings of the Second All-Russian scientific and practical conference with international participation, Tomsk, June 24–30, 2021. – Tomsk: Publishing house of scientific and technical literature, 2021. – P. 90-96. – EDN TFGIHR.
9. Features of the implementation of artificial intelligence in the educational process / M.A. Lapina, M.E. Tokmakova, D.A. Demin, G.A. Yesayan // Auditorium. – 2023. – No. 3 (39). – Pp. 43-48. – EDN ZQTNXH.

10. Dudukin, A.A. Neural networks in education / A.A. Dudukin, K.V. Samokhin // Current issues of innovation and modern scientific discoveries: Collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 25, 2023. Volume Part 2. – Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki", 2023. – pp. 186-189. – EDN JDVUKT.
11. Shvaleva, I.A. Possibilities of Teaching Mathematics to Students with Mental Retardation Using a Neural Network / I.A. Shvaleva, B.E. Starichenko // Current Issues in Teaching Mathematics, Computer Science, and Information Technology. – 2024. – No. 3. – pp. 306-312. – EDN CTXYDR.
12. Sulla, A.A. Using Neural Networks in Preparing for Mathematics Lessons at School / A.A. Sulla // Integration of Science, Society, Production, and Industry: Problems and Prospects: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference, Taganrog, December 9, 2023. – Sterlitamak: OOO "Agency for International Research", 2023. – pp. 59-61. – EDN LGEQRE.
13. Classification of neural networks for the creation of educational content by a higher education teacher / R.Z. Elsakova, N.N. Kuzmina, A.M. Markus, N.M. Kuzmina // Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences. – 2024. – Vol. 16, No. 2. – pp. 17-29. – DOI 10.14529/ped240202. – EDN BGYEFB.
14. Bezenkova, E.V. Using the historical component in mathematics lessons / E.V. Bezenkova // St. Petersburg educational bulletin. – 2017. – No. 6-7(10-11). – pp. 32-36. – EDN ZDEDBD.
15. Akhmedov, O.S. Advantages of the historical-genetic method in teaching mathematics / O.S. Akhmedov // Scientific progress. – 2021. – Vol. 2, No. 4. – P. 523-530.
16. Permyakova, M. Yu. Using historical information in teaching as one of the components of a favorable educational environment in mathematics lessons / M. Yu. Permyakova // Psychologically safe educational environment: design problems and development prospects: Collection of materials of the III International scientific and practical conference, Tula, October 21, 2021. – Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2021. – Pp. 286-288. – EDN NZNLKS.
17. Lukicheva, E. Yu. Methodology for using elements of the history of science in teaching mathematics in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard / E. Yu. Lukicheva // Successful practices of implementing the general Federal State Educational Standard. Collection of methodological materials. – St. Petersburg: State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education "Leningrad Regional Institute for Education Development", 2018. – pp. 22-34. – EDN HGMYOV.
18. Goncharova, I. V. Activation of cognitive activity of secondary school students with the help of historical facts in mathematics / I. V. Goncharova // Didactics of mathematics: problems and research. – 2020. – No. 51. – Pp. 70-76. – EDN BNBZDM.
19. Goncharova, I. V. Formation of mathematical culture of students through the use of historical information in the study of mathematics / I. V. Goncharova // Didactics of mathematics: problems and research: international collection of scientific papers. – 2021. – No. 54. – pp. 104–112. DOI: 10.24412/2079-9152-2021-54-104-112.
20. A system for training a new generation of mathematics teachers based on project-heuristic activities / E.I. Skafa, E.G. Evseeva, Yu.V. Abramenkova, I.V. Goncharova // Prospects of Science and Education. – 2021. – No. 5 (53). – P. 208-222. DOI: 10.32744/pse. 2021.5.14.
21. Federal working program of basic general education. Mathematics (basic level) (for grades 5-9 of educational organizations). – Moscow : FGBNU "Institute for Education Development Strategy", 2023. – 106 p.

VISUALIZING HISTORICAL AND MATHEMATICAL CONTENT USING NEURAL NETWORKS: IMPROVING MOTIVATION IN ALGEBRA LESSONS

I.V. Goncharova, M.V. Petrenko, I.N. Nikitenko

We explore how AI-based tools can visualise episodes from the history of mathematics and generate short educational comics – and thus raise pupils' motivation in algebra lessons. Using the topic "Coordinates and graphs. Functions" as an example, the authors created and tried out a set of resources: portrait reconstructions of René Descartes and his parents (Chad AI), animation of a historical personality (TopView), scripts and drawings of three learning comics about the origin of the coordinate system (ChatGPT and Gemini). The use of such tools produces a lasting cognitive interest, reduces the abstractness of algebraic concepts, and stimulates creative thinking. This paper continues the authors' previous study, where a similar technique was used in a geometry course.

Key words: neural-network technologies; neural- network tools; visualisation applied to historical content; raising learners' motivation; cognitive interest.

Поступила в редакцию 15.05.2026 г.

Гончарова Ирина Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: i.goncharova.dongu@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-8451-5518

Петренко Марина Витальевна

Учитель информатики,
ГБОУ «Средняя школа №37 Г.О. Макеевка»,
г. Макеевка, ДНР, РФ.
E-mail: petrenkomarina567@mail.ru

Никитенко Иван Николаевич

Учитель математики,
ГБОУ «Докучаевская школа № 6
Г.О. Докучаевск», г. Докучаевск, ДНР, РФ.
E-mail: nikitenko.ivan0001@gmail.com

Goncharova Irina Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE “Donetsk State University”,
Donetsk, DPR, Russian Federation.
E-mail: i.goncharova.dongu@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-8451-5518

Petrenko Marina Vitalievna

Computer science teacher,
SBEI “Secondary School No. 37 of the Makeyevka
Urban District”, Makeyevka, DPR, Russian Federation.
E-mail: petrenkomarina567@mail.ru

Nikitenko Ivan Nikolaevich

Mathematics teacher,
SBEI “Dokuchaevskaya School No. 6 of the
Dokuchaevsk Urban District”, Dokuchaevsk, DPR,
Russian Federation.
E-mail: nikitenko.ivan0001@gmail.com

НЕСТАНДАРТНЫЕ ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2026 И. А. Кудрейко

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье на основе анализа научной педагогической литературы представлено определение понятия нестандартной задачи, выявлены основные признаки данного вида задач; обосновано их применение в образовательном процессе школьников; указаны шаблоны поведения учеников при решении данного вида задач, формирующих логическое мышление; на примере решения одной задачи проверена познавательная активность и мыслительные способности школьников, участвовавших в тестировании.

Ключевые слова: нестандартные задачи, основные признаки нестандартных задач, логическое мышление, шаблоны поведения школьников.

Введение. Умение личности анализировать, сопоставлять данные, факты, события, определять закономерности, связи между ними влияет на формирование у нее мировоззренческих позиций о целостности мира, способствует более глубокому познанию окружающей действительности и, как следствие, объективному ее оцениванию.

Овладение знаниями о методах научного познания в процессе обучения выполняет ведущую роль в становлении научного мировоззрения личности.

А.Л. Семёнов, А.Е. Абылкасымова, определяя миссию современного образования, которая заключается в «подготовке к жизни в будущем, только возникающем, формирующемся и постоянно меняющемся мире», руководствуются термином «шок будущего», введенным Э. Тоффлером («шок будущего» возникает вследствие стремительных изменений в обществе и жизни в целом) [1, с. 86]. Способность человека адекватно развиваться в условиях меняющегося мира, адаптироваться к «высоким темпам изменений», вызывающих «шок», существенно зависит от уровня логического мышления.

Н.Г. Шмелева и соавторы в исследовании, посвященном педагогическим условиям развития логического мышления, приводят определение логического мышления Л.А. Венгера. По мнению ученого, логическое мышление – это «путь, который проделывает человек, решая какую-либо задачу. Решение это осуществляется на основе прошлого опыта, который оформляется сначала в понятия, затем в умозаключения» [2]. Мы согласны с мнением исследователей и считаем, что одним из средств развития логического мышления личности в процессе обучения являются нестандартные задачи. Важные замечания относительно решения нестандартных задач делают А.Л. Семёнов, А.Е. Абылкасымова, анализируя вклад Г.Ф. Дорофеева, В.В. Фирсова, А.Я. Хинчина в развитие математического образования, отмечают, что «решение неожиданных задач, т.е. задач, которые «неизвестно-как-решать», предполагает:

- ✓ понимание языка;
- ✓ логический анализ;
- ✓ моделирование;
- ✓ использование общих стратегий интеллектуальной деятельности;
- ✓ планирование своих действий вообще [1].

Вопросам применения нестандартных задач в образовательной практике посвящены работы ряда отечественных и зарубежных ученых, практиков.

Так, например, Е.М. Вечтомов и Я.В. Петухова определяют нестандартные задачи как «требующие нетривиального подхода», решение которых вызывает не только интерес к изучаемому предмету, но и углубляет понимание данного предмета, а интерес к предмету и понимание предмета психологически тесно связаны между собой [3, с. 92].

На значимости нестандартных задач в образовательном процессе школьников акцентируют внимание О.В. Григоренко, И.Б. Шмигирилова, отмечая, что применение данных задач в обучении «активизирует учебно-познавательную деятельность, делает ее творческой, наполняет личностным смыслом, формирует познавательную позицию обучающихся» [4, с. 82].

Е.С. Арапина-Арапова указывает, что решение нестандартных задач обучающимися на уроке, дома, во внеурочное время позволяет повысить мотивацию школьников, сформировать у них аналитические, творческие способности, повысить уровень качества знаний, создать условия для разностороннего развития личности [5, с. 3-4].

По мнению В.Н. Данилкина, нестандартные задачи выполняют особую роль в формировании познавательной самостоятельности учащихся, так как процесс их решения «фактически соответствует основным характеристикам творческой познавательной деятельности по решению любой проблемы и позволяет провести ученика через все основные этапы поисковой познавательной деятельности, предоставляя возможность для усвоения учащимися ее структуры и содержания» [6, с.133].

М. Шкультеты, К. Пастор отмечают, что «ядром ключевых компетенций для жизни и работы в будущем является умение решать нестандартные задачи, поскольку эти задачи развивают знания, метакогницию и мотивацию. Авторы также указывают, что решение таких задач требует от обучающихся глубокой концентрации, изобретательности и времени [7].

Таким образом, для того чтобы понять, как развивать логическое мышление обучающихся, необходимо более детально обосновать важность внедрения нестандартных задач в образовательный процесс

Целью статьи является анализ современных подходов к понятию нестандартной задачи и на этой основе обоснование дидактического потенциала таких задач, влияющих на развитие логического мышления обучающихся.

Основная часть. Для реализации поставленной цели предлагается остановиться на важности внедрения нестандартных задач в образовательный процесс школьников. Эта позиция четко и аргументированно определена в исследовании А.Л. Семёнова, А.Е. Абылкасымовой, Т.А. Рудченко. Цитируя А.Г. Асмолова, авторы пишут, что нестандартные задачи развивают такое качество личности, как преадаптивность, которая, по А.Г. Асмолову, является способностью и готовностью к творческому решению неожиданных задач, это ключевое качество личности в 21 веке, для которого характерна высокая скорость изменений, создающая человеку «шок будущего» – жизнь в условиях постоянного возникновения новых ситуаций и новых вызовов» [8, с. 224]. На нестандартных занятиях обучающиеся должны получать нестандартные задания.

И.Д. Сайёдов, Н.Х. Султонхайдаров определяют основные признаки нестандартных задач, позволяющие выделять задачи данного типа среди традиционных. Из предложенных авторами признаков укажем универсальные, на наш взгляд:

- ✓ решение – это творческая деятельность;
- ✓ самостоятельный поиск вариантов решения;
- ✓ активное воспроизведение ранее полученных знаний в новых условиях [9, с. 19].

Из перечня, представленного И.Д. Сайёдовым и Н.Х. Султонхайдаровым, мы исключили признак «необычные условия работы» (поскольку он не является общезначимым) и дополнили его существенным, по нашему мнению, признаком — отсутствием единого подхода к решению данного вида задач.

В.Н. Данилкин, Е.А. Кондратенко, В.А. Константиныди, И.А. Воронцова, М.М. Исакова и др изучают подходы к решению нестандартных задач.

Так, В.Н. Данилкин особую роль в решении нестандартных задач отводит анализу как методу рассуждений, при котором переходят от следствия к причине; и синтезу, когда от причины переходят к следствию, что свидетельствует об отсутствии единого образца решения подобных задач [6, с.133]. Такой подход соответствует идеологии эвристического обучения, в котором Е.И. Скафою введено понятие эвристической задачи, родовым для которого является нестандартная задача [10].

Е.А. Кондратенко особое внимание при определении подходов к решению нестандартных задач уделяет их представлению. По данному признаку Е.А. Кондратенко выделяет два подхода: первый – отображает представление задачи в пространстве состояний; второй – характеризуется редукцией или сведением задачи к альтернативной совокупности (то есть к подзадачам) [11].

В.А. Константиныди, И.А. Воронцова, изучая подходы к решению нестандартных задач, выделяют формальный подход, основанный на правилах и расчетных формулах, и неформальный, который базируется на правиле перебора. При этом исследователи отмечают, что решение задач методом перебора позволяет обогатить практический опыт обучающихся, что является основой для дальнейшего использования навыков комбинаторного мышления и необходимых формальных установок [12, с. 58].

М.М. Исакова, Ф.А. Эржибаева, полагаясь на мнение Л.М. Фридмана, отмечают, что при решении нестандартных задач необходимо следовать двум действиям:

- « - преобразовать нестандартную задачу в эквивалентную стандартную;
- разбить нестандартную задачу на несколько более простых стандартных» [13, с. 237].

Анализ представленных авторами подходов очередной раз подтверждает вывод о том, что не существует единого алгоритма решения нестандартных задач, а единственным способом обучения этому виду задач является приобретение разнообразного практического опыта в этом направлении. Кроме того, нестандартная задача является нестандартной до тех пор, пока она не решена.

Основываясь на вышеизложенном, под **нестандартной задачей** будем понимать *такую задачу, которая предполагает самостоятельное формулирование метода ее решения в ходе анализа задания на основе имеющихся знаний и накопленного опыта.*

М. Шкультеты, руководствуясь исследованием математического процесса решения нестандартных задач М. Хейны и А. Михалковой, при определении шаблонов поведения обучающихся в процессе работы над поиском решения нестандартных задач, особое внимание уделяет ситуациям, в которых у обучающихся отсутствует достаточное понимание поставленной задачи. В таких ситуациях поведению обучающихся характерно:

- смирение – ученик отказывается от решения, вообще не пробует его;
- списывание – ученик пытается получить решение без собственных усилий, например, скопировать его у своих одноклассников;

- случайный расчет – ученик берет (иногда только некоторые) числа из задания и «что-то делает с ними случайным образом»;

- альтернативное понимание – решение ученика основано на «внешних мотивах». Мотив заключается в том, что ученик получает некоторую дополнительную информацию, будь то от учителя или найденную в задании («сигнал», представляющий собой слово или фразу, имеющую характер идиомы, с которой в сознании ученика ассоциируется определенная процедура вычисления)» [14].

Мы согласны с мнением М. Шкультеты в том, что представленные шаблоны поведения обучающихся не являются конструктивными, приводящими к подлинному интеллектуальному развитию, так как в основе развития лежит самостоятельная творческая, а при решении данного вида задач, также и поисковая деятельность.

Так, например, Ю.Р. Хамедова указывает, что «вне деятельности никакие способности развиваться не могут. Ни один человек, какими бы задатками он не обладал, не может стать талантливым математиком, музыкантом или художником, не занимаясь много и упорно соответствующей деятельностью» [15, с. 66]. Таким образом, для решения нестандартных задач ученик должен быть мотивирован на такие виды деятельности, как эвристическая, исследовательская, изобретательская, творческая, поисковая, способствующие интеллектуальному развитию личности.

Для установления уровня заинтересованности обучающихся в решении нестандартных задач нами было проведено тестирование среди учеников 10–11 классов образовательных учреждений Донецкой Народной Республики. Цель тестирования – определить уровень понимания обучающимися сущности и важности решения нестандартных задач в образовательном процессе, выявить типы мотивации обучающихся к решению такого вида задач.

Тест, предложенный школьникам, состоит из 10 вопросов, среди которых 3 – на определение понимания обучающимися сущности нестандартных задач; 3 – на выявление интереса у обучающихся к решению таких задач; 4 – на установление важности решения нестандартных задач в образовательном процессе. В тестировании участвовало 59 школьников 8, 10–11 классов образовательных учреждений Донецкой Народной Республики. По итогу тестирования нами были получены такие результаты:

51 % опрошенных обучающихся выбрали правильное определение понятия «нестандартные задачи», при этом 41 % отметили, что не существует единого алгоритма решения таких задач. Часто такие задачи решают 18 % опрошенных; в качестве домашнего задания – 12 %, а как обязательные на уроках – 10%.

Среди школьных предметов, на уроках по которым дети выполняют решение нестандартных задач, обучающиеся выделили математику, алгебру, геометрию, физику, химию, информатику, русский язык, английский язык, теорию вероятности и статистику. Чаще всего нестандартные задачи решают по физике – 24 %, алгебре – 20 %, геометрии – 22 %. В качестве причины, по которой решают такие задачи, интерес указали 49 % респондентов, оценку – 32 %, принуждение – 11 %.

Школьникам, участвовавшим в опросе на определение сущности нестандартных задач и важности применения такого типа задач в обучении, мы предложили во время урока (без возможности использования мобильных устройств) решить нестандартную задачу следующего содержания. Применение данной задачи в образовательном процессе школьников было направлено на определение уровня развития познавательной активности, мотивации школьников к обучению, а также мыслительных навыков.

Задача.

На рисунке изображена схема дорог N-ского района.

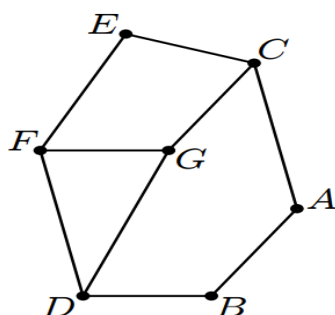

Рис. 1. Схема дорог

В таблице обозначено наличие дороги и ее протяженность из одного населенного пункта в другой.

Таблица 1

Протяженность дороги между населенными пунктами

	1	2	3	4	5	6	7
1	–	–	–	30	3	–	5
2	–	–	–	21	–	13	–
3	–	–	–	–	39	53	2
4	30	21	–	–	–	–	–
5	3	–	39	–	–	8	–
6	–	13	53	–	8	–	–
7	5	–	2	–	–	–	–

Так как таблицу и схему рисовали независимо друг от друга, нумерация населенных пунктов в таблице никак не связана с буквенными обозначениями на графе. Определите, какова сумма протяженности дорог из пункта D в пункт G и из пункта A в пункт C. Ответ выразите в километрах (задача из каталога заданий для ЕГЭ по информатике).

Представим решение данной задачи.

В условии задачи представлены рисунок и таблица.

Для решения задачи необходимо найти соответствия между буквенными обозначениями на рисунке и цифровыми – в таблице.

Анализ рисунка позволяет сделать вывод, что есть вершины, которые имеют 2 ребра, и вершины, имеющие 3 ребра. Распределим их по этому признаку (таблица 2)

Таблица 2

Распределение вершин по количеству ребер

Вершина с 2 ребрами		Вершина с 3 ребрами	
Буквы на рисунке	Цифры в таблице	Буквы на рисунке	Цифры в таблице
A	2	C	1
B	4	F	3
E	7	G	5
		D	6

Далее методом исключения определим соответствие между буквами и цифрами. Единственной вершиной, имеющей 2 ребра, каждое из которых соединяется вершинами, имеющими по 3 ребра, является Е. Из таблицы видно, что вершина 7 соединена с вершинами 1 и 3, имеющими по 3 ребра. Таким образом, букве Е соответствует цифра 7, а буквам С, F – цифры 1, 3, пока непонятно, в каком порядке.

Вершина С соединена с Е, G, А, имеющими соответственно 2, 3, 2 ребра. Вершина F соединена с Е, G, D, имеющими соответственно 2, 3, 3 ребра. Это различие позволяет при помощи таблицы однозначно определить, что С соответствует 1, F – 3. Отсюда методом исключения устанавливаем, что А соответствует 4 (имеет два ребра, это не 7, так как $7 - C$), G – 5 (больше ничего не остается). Исходя из того, что F – 3, соединено с Е – 7, G – 5, D – одна из {5,6,7} устанавливаем, что D – 6. Остались нераспределенными одна буква и одна цифра, значит В – 7.

Окончательное соответствие приведено в таблице 3.

Далее, используя значения, представленные в таблице, мы можем найти расстояние между пунктами D и G (8 км) и пунктами А и С (30). Значит искомая сумма протяженности дорог из пункта D в пункт G и из пункта А в пункт С равна 38 км.

Таблица 3

Соответствие буквенных обозначений, представленных на рисунке, цифровым значениям в таблице

<i>Буквы из рисунка</i>	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>	<i>D</i>	<i>E</i>	<i>F</i>	<i>G</i>
<i>Цифры из таблицы</i>	4	2	1	6	7	3	5

Отметим, что из 59 обучающихся данную задачу решили 27 %.

Остальные школьники (73 %) указали следующее:

не смогли найти решение – 7 %;

не поняли условие – 5 %;

не захотели решать задачу – 61 %.

Анализируя вышеизложенное, отметим, что большинство учащихся не решили данную задачу по ряду причин: не смогли, неинтересно.

При этом в качестве мотивации к решению задач данного типа обучающиеся определили:

интерес – 68 %;

хорошую оценку по предмету – 24 %;

собственную самооценку – 8 %.

Закключение. Полученные данные тестирования и результаты решения задачи, предложенной ученикам, свидетельствуют о низком уровне мотивации у обучающихся к решению нестандартных задач, которые являются одним из эффективных средств развития у учеников логического мышления, а также таких качеств, как воображение, целеустремленность, сила воли, наблюдательность, творческое мышление и адаптивность к новым условиям. Именно эти способности и личностные качества позволяют человеку быстро принимать решения в нестандартных жизненных условиях. Таким образом, важным, на наш взгляд, является применение нестандартных задач на уроках и во внеурочной деятельности школьников, потому что решение таких задач позволяет подготовить их к адекватному восприятию стремительно меняющейся окружающей действительности и эффективному функционированию в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семёнов А.Л. Каждый человек может овладеть правильным использованием математических методов: актуальность идей Л.Д. Кудрявцева для современного математического образования / А.Л. Семёнов, А.Е. Абылкасымова. // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 4. – С. 84–100. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-84-100
2. Педагогические условия формирования логического мышления / Н. Г. Шмелева, Ф.М. Сулейманова, Г. М. Синдикова, С. А. Косцова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – Т. 82, № 3. – С. 188–191.
3. Вечтомов Е.М. Решение логических задач как основа развития мышления / Е.М. Вечтомов, Я.В. Петухова // Концепт. – 2012. – № 8. – С. 92–106.
4. Григоренко О.В. Нестандартные задачи в компетентностном обучении математике / О.В. Григоренко, И.Б. Шмигирилова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 2. – С. 80–87.
5. Арапина-Арапова, Е.С. К вопросу о формировании логических универсальных учебных действий средствами нестандартных задач в процессе обучения информатике и математике / Е.С. Арапина-Арапова // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2022. – № 2. – С. 3–10.
6. Данилкин В.Н. Обучение решению нестандартных задач на уроках физики, как одно из направлений формирования познавательной самостоятельности учащихся / В.Н. Данилкин // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 3. – С. 133–136.
7. Škultéty M. Problems in solving non-standard mathematical tasks / Marek Škultéty, Karel Pastor. – Текст : электронный. // ICERI2020 proc. 13th Intern. Conf. Education, Research and Innovation, November 9th–10th, 2020, Valencia, Spain / ed. by L. Gómez Chova [et al.]. – Valencia : IATED Academy, 2020. – P. 1018–1022. DOI: 10.21125/iceri.2020.0291 – URL: https://www.researchgate.net/publication/346022233_PROBLEMS_IN_SOLVING_NON-STANDARD_MATHEMATICAL_TASKS (дата обращения: 07.04.2026).
8. Основания для современного развития отечественного математического образования, заложенные его лидерами в XX веке / А.Л. Семенов, А.Е. Абылкасымова, Т.А. Рудченко // Вопросы образования. – 2024. – № 4. – С. 214–239. DOI: 10.17323/vo-2024-21419
9. Сайёдов, И.Д. Дидактические условия логического мышления студентов в процессе межпредметных связей информатики / И.Д. Сайёдов, Н.Х. Султонхайдаров // Вестник Педагогического университета. – 2018. – № 5-1 (77). – С. 17–21.
10. Скафа Е.И. Методологический подход к пониманию роли эвристической задачи в математическом образовании школьников / Е.И. Скафа, М.В. Дрозд // Дидактика математики : проблемы и исследования. – 2017. – Вып. 46. – С. 15–20.
11. Кондратенко Е.А. Нестандартные задачи как средство организации исследовательской деятельности учащихся основной школы / Е.А. Кондратенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 588–591. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91809> (дата обращения – 01.04.2026).
12. Константиныди В.В. Развитие творческих способностей обучающихся в процессе решения нестандартных математических задач / В.В. Константиныди, И.А. Воронцова. // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 4. – С. 54–62. DOI: 10.15350/2409-7616.2023.4.05
13. Исакова М.М. Методические особенности решения нестандартных математических задач / М.М. Исакова, Ф.А. Эржибова. // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2025. – № 2 (186). – С. 232–250. DOI: 10.25588/ЦСП.2025.186.2.011
14. Škultéty, M. Solving non-standard tasks as an educational situation in mathematics education / Marek Škultéty. – Текст : электронный. // EDULEARN19 : proc. 11th Intern. Conf. on Education and New Learning Technologies, July 1st–3rd, 2019, Palma, Mallorca, Spain / ed. by L. Gómez Chova [et al.]. – Palma : IATED Academy, 2019. – P. 4154–4161. DOI: 10.21125/edulearn.2019.1054 – URL: https://www.researchgate.net/publication/334624996_SOLVING_NON-STANDARD_TASKS_AS_AN_EDUCATIONAL_SITUATION_IN_MATHEMATICS_EDUCATION (дата обращения: 07.04.2026).
15. Хамедова, Ю. Р. Развитие способностей. Одаренность / Ю.Р. Хамедова // Наука, техника и образование. – 2020. – № 1 (65). – С.65–70.

REFERENCES

1. Semyonov, A.L. Kazhdy`j chelovek mozhet ovladet` pravil`ny`m ispol`zovaniem matematicheskix metodov: aktual`nost` idej L.D. Kudryavceva dlya sovremennogo matematicheskogo obrazovaniya / A.L. Semyonov, A.E. Aby`lkasy`mova. // Vy`sshee obrazovanie v Rossii. – 2024. – T. 33. № 4. – S. 84–100. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-84-100
2. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya logicheskogo my`shleniya / N. G. Shmeleva, F.M. Sulejmanova, G. M. Sindikova, S. A. Kosczova // Mir nauki, kul`tury, obrazovaniya. – 2020. – T. 82. № 3. – S. 188–191.
3. Vechtomov, E.M. Petuxova Yaroslava Vladimirovna Reshenie logicheskix zadach kak osnova razvitiya my`shleniya / E.M. Vechtomov, Ya.V. Petuxova // Koncept. – 2012. – № 8. – S. 92–106.
4. Grigorenko, O.V. Nestandartny`e zadachi v kompetentnostnom obuchenii matematike / O.V. Grigorenko, I.B. Shmigirilova // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psixologiya. – 2017. – № 2. – S. 80–87.
5. Arapina-Arapova, E.S. K voprosu o formirovanii logicheskix universal`ny`x uchebny`x dejstvij sredstvami nestandartny`x zadach v processe obucheniya informatike i matematike / E.S. Arapina-Arapova // Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chexova. – 2022. – № 2. – S. 3–10.
6. Danilkin, V.N. Obuchenie resheniyu nestandartny`x zadach na urokax fiziki, kak odno iz napravlenij formirovaniya poznavatel`noj samostoyatel`nosti uchashhixsya / V.N. Danilkin // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. – 2021. – № 3. – S. 133–136.
7. Škultéty, M. Problems in solving non-standard mathematical tasks / Marek Škultéty, Karel Pastor. – Tekst : e`lektronny`j. // ICERI2020 proc. 13th Intern. Conf. Education, Research and Innovation, November 9th–10th, 2020, Valencia, Spain / ed. by L. Gómez Chova [et al.]. – Valencia : IATED Academy, 2020. – P. 1018–1022. DOI: 10.21125/iceri.2020.0291 – URL: https://www.researchgate.net/publication/346022233_PROBLEMS_IN_SOLVING_NON-STANDARD_MATHEMATICAL_TASKS (data obrashheniya: 07.04.2026).
8. Osnovaniya dlya sovremennogo razvitiya otechestvennogo matematicheskogo obrazovaniya, zalozhenny`e ego liderami v XX veke / A.L. Semenov, A.E. Aby`lkasy`mova, T.A. Rudchenko. // Voprosy` obrazovaniya. – 2024. – № 4. – S. 214–239. DOI: 10.17323/vo-2024-21419
9. Sajyodov, I.D. Didakticheskie usloviya logicheskogo my`shleniya studentov v processe mezhpredmetny`x svyazej informatiki / I.D. Sajyodov, N.X. Sultonxajdarov // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta. – 2018. – № 5-1 (77). – S.17–21.
10. Skafa, E.I. Metodologicheskij podxod k ponimaniyu roli e`vrsticheskoy zadachi v matematicheskom obrazovanii shkol`nikov / E.I. Skafa, M.V. Drozd // Didaktika matematiki : problemy` i issledovaniya. – 2017. – Vy`p. 46. – S.15–20.
11. Kondratenko, E.A. Nestandartny`e zadachi kak sredstvo organizacii issledovatel`skoj deyatel`nosti uchashhixsya osnovnoj shkoly` / E.A. Kondratenko. – Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. – 2022. – № 20 (415). – S. 588–591. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91809> (data obrashheniya – 01.04.2026).
12. Konstantinidi, V.V. Razvitie tvorcheskix sposobnostej obuchayushhixsya v processe resheniya nestandartny`x matematicheskix zadach / V.V. Konstantinidi, I.A. Voronczova. // CITISE`. – 2023. – № 4. – С. 54–62. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.4.05>
13. Isakova M.M. Metodicheskie osobennosti resheniya nestandartny`x matematicheskix zadach / M.M. Isakova, F.A. E`rzhibova. // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudartsvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. – 2025. – № 2 (186). – S. 232–250. DOI: 10.25588/CzSP.2025.186.2.011
14. Škultéty, M. Solving non-standard tasks as an educational situation in mathematics education / Marek Škultéty. – Tekst : e`lektronny`j. // EDULEARN19 : proc. 11th Intern. Conf. on Education and New Learning Technologies, July 1st–3rd, 2019, Palma, Mallorca, Spain / ed. by L. Gómez Chova [et al.]. – Palma : IATED Academy, 2019. – P. 4154–4161. DOI: 10.21125/edulearn.2019.1054 – URL: https://www.researchgate.net/publication/334624996_SOLVING_NON-STANDARD_TASKS_AS_AN_EDUCATIONAL_SITUATION_IN_MATHEMATICS_EDUCATION (data obrashheniya: 07.04.2026).
15. Xamedova, Yu. R. Razvitie sposobnostej. Odarennost` / Yu.R. Xamedova // Nauka, texnika i obrazovanie. – 2020. – № 1 (65). – S.65–70.

NON-STANDARD TASKS AS A MEANS
DEVELOPMENT OF STUDENTS' LOGICAL THINKING

I.A. Kudreiko

Based on an analysis of scientific pedagogical literature, the article provides a definition of the concept of a non-standard task and identifies the main characteristics of this type of task; it justifies their use in the educational process for schoolchildren; it outlines the patterns of students' behaviour when solving this type of task, which fosters logical thinking; and, using the example of solving a single task, it verifies the cognitive activity and thinking abilities of schoolchildren who participated in the testing.

Key words: non-standard tasks, main characteristics of non-standard tasks, logical thinking, patterns of schoolchildren's behaviour.

Поступила в редакцию 29.05.2026 г.

Кудрейко Ирина Александровна

доктор педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет», г. Донецк, ДНР, РФ
E-mail: i.kudreiko2023@mail.ru

Kudreiko Irina Alexandrovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
FSBEI HE «Donetsk State University»
Donetsk, DPR, RF
E-mail: i.kudreiko2023@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2026 Д. А. Фурсова, Д. А. Демина, И. А. Гусейнова, А. И. Горожанов
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Исследование фокусируется на разрешении противоречий, возникающих при имплементации «Обучения служением» в российский образовательный контекст. Сделан вывод о том, что развитие отечественной методологии «Обучения служением» основывается не на прямом заимствовании, а на аксиологической адаптации западных практик, их синтезе с приоритетом традиционных ценностей и отечественной педагогической традицией для преодоления существующих барьеров и формирования гражданской идентичности выпускников вузов.

Ключевые слова: Обучение служением, аксиология служения, методология Обучения служением, лингвоконцепт Служение, дискурсивный анализ, архетипы агентов служения

Введение. Переход к реализации государственной политики в ценностном поле ставит перед каждым российским государственным университетом вопрос об аксиологическом основании реализуемой образовательной программы и концептуального подхода. Соглашаясь с В.С. Никольским, отметим, что российская система высшего образования находится в ситуации поиска идентичности [1].

«Обучение служением» как образовательный подход и федеральная программа, появившаяся в 2022 году в системе высшего образования в России, призваны сократить разрыв между теоретической и практической подготовкой выпускников российских университетов, а также способствовать конструированию идентичности. Несмотря на то, что дискуссии об организации практикоориентированного обучения велись задолго до внедрения «Обучения служением» в российскую систему высшего образования [2], эта программа, сочетая в себе проектный подход с формированием активной гражданской позиции, безусловно, следует рассматривать как инструмент ответа на глобальные вызовы [3].

Анализ работ, опубликованных за последние пять лет, наглядно показывает, как от описательных (Я.А. Асланов и др. [4], Л.А. Дейкова [5], Т. Печегина, А. Яшина [6]) или методических статей (Д.А. Кружков [7], Д.С. Бухаров [8], Н.И. Горлова, Л.И. Старовойтова [9]) научная мысль все больше движется в сторону фундаментальных философских и методологических исследований образовательного подхода «Обучение служением» (В.С. Никольский [1], В.Ю. Кулькова [2]).

Развитие российской методологии «Обучения служением» изначально являлось одним из ключевых направлений работы [10, С. 18]. Однако до настоящего времени, как нам известно, опубликовано ограниченное число работ, обращающихся к концепту «Служение» как основе философии не только «Обучения служением», но и университетской идентичности [1].

Между тем, именно аксиологический аспект представляется наиболее важным предметом научных исследований. Цель нашего исследования – критически рассмотреть аксиологический базис методологии «Обучения служением» как обязательной дисциплины в российских университетах. Фактически, в настоящей статье мы предпринимаем попытку рассмотреть аксиологию «Обучения служением» в

российском образовательном, социокультурном и лингвокультурологическом измерениях.

Будучи междисциплинарным, наше исследование находится на стыке лингвистики, педагогики, лингвокультурологии и философии, что объясняет выбор методов: описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный, метод моделирования, доминантный и дискурсивный анализ, а также элементы контент-анализа.

Анализируя опыт реализации «Обучения служением» в Московском государственном лингвистическом университете, а также исследуя опыт коллег из других вузов, мы обратили внимание на ряд общих проблемных мест, из которых одним из наиболее распространенных является осторожное отношение к внедряемой методике при первичном знакомстве с ней.

Размышляя над причиной подобного непонимания и настороженного восприятия словосочетания «Обучение служением» как со стороны коллег-преподавателей, так и со стороны студентов, мы выдвинули гипотезу о несовпадении содержания концепта «Служение» в русском дискурсе и в дискурсе стран, откуда данный подход был заимствован. Ранее в научных работах были описаны дискуссии по поводу адекватности перевода методического термина. Мы разделяем мнение ученых о том, что данный перевод является вполне релевантным содержанию методического термина [10], однако видим определенный *дискурсивный разрыв* (см. *параграф Дискурсивный анализ*).

Следующим важным фактором неприятия словосочетания «Обучение служением» мы считаем *социокультурный разрыв* между опытом России как преемницы Советского Союза и Российской империи. Вышедшая в момент написания данной статьи работа В.С. Никольского «Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре» свидетельствует об актуальности описываемой нами проблемы [1].

И, наконец, последним – возможно наиболее существенным фактором – мы считаем *методологический разрыв* между государственной политикой, нацеленной на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, и конструктивистской природой образовательного подхода «Обучение служением» в странах дальнего зарубежья.

Обобщая все перечисленные нами факторы в одну гипотезу, мы полагаем, что дальнейшее развитие отечественной методологической школы «Обучения служением», а также эффективная реализация данного образовательного подхода в российских университетах детерминировано разрешением накопившихся противоречий – методологического, дискурсивного и социокультурного характера.

Основная часть. Проблема формирования традиционных духовно-нравственных ценностей конструктивистскими методами. Методологический разрыв. Важным фактором, детерминирующим российскую методологию «Обучения служением», является разрыв между конструктивистской природой этого образовательного подхода [11] и государственной аксиологией Российской Федерации, лежащей в плоскости традиционных ценностей. Указанный фактор не является неразрешимым противоречием. Мы полагаем, что его необходимо описать и в дальнейшем учитывать при реализации федеральной программы «Обучение служением» в российских университетах. Игнорирование данного фактора, по нашему мнению, может привести к формальной реализации «Обучения служением», что противоположно целевой государственной модели.

Конструктивистский подход нередко противопоставляется традиционализму как в философии, так и в педагогике и рассматривается как противоположная

образовательная парадигма [12]. Одним из самых частых критических замечаний в адрес конструктивизма является формирование ценностного релятивизма. Для снятия данного противоречия мы полагаем необходимым подчеркнуть специфику реализации «Обучения служением» в России: конструктивизм как философия и образовательная парадигма не может лежать в основе методологии «Обучения служением»; более эффективной стратегией представляется использование отдельных конструктивистских методов. Кроме того, мы считаем принципиально важным в большей степени ориентироваться на отечественную (советскую) педагогическую мысль в вопросе применения конструктивистских методик, поскольку советским педагогам удалось успешно реализовать конструктивистский образовательный подход в условиях централизованного государства, обладающего аксиологической позицией.

Основным отличием конструктивизма от традиционной педагогики является постулат о невозможности транслировать знания от учителя к ученику, от преподавателя к студенту. Обучающийся рассматривается как активный субъект образования, детерминирующий процесс обучения. Нисколько не умаляя данного тезиса и соглашаясь с тем, что обучающийся должен быть активным субъектом образовательных отношений, мы тем не менее полагаем, что дать ведущую роль обучающемуся в «Обучении служением» не представляется возможным, поскольку в противном случае будет утеряна работа по формированию традиционных духовно-нравственных ценностей. В обществе, разделяющем традиционные духовно-нравственные ценности, значимость формирования ценностей предметом дискуссии не становится. Большая часть традиционных ценностей – коллективизм или служение Отечеству, приоритет духовного над материальным или патриотизм, фактически передаются от поколения к поколению традиционным способом: от старшего к младшему путем демонстрации собственного примера или через ценностную беседу. Такой способ применяется в реализации государственной образовательной политики в молодежной сфере и в области воспитательной работы. Например, название Дня единых действий «Добро как норма жизни» выступает ориентиром, и понятие «Добро» характеризуется как традиционная ценность, в то время как для конструктивистской парадигмы название могло бы звучать так: «Добро: норма ли это жизни?»

Будучи студентами университета и воспринимая самих себя как людей со сложившимся мировоззрением, молодые люди зачастую сталкиваются с определенным кризисом идентичности, с одной стороны, а с другой, – с целенаправленной работой университета по формированию новой гражданской идентичности. В некоторых случаях наблюдаются отличия и расхождения, обусловленные предыдущим жизненным опытом молодых людей. В случае существования подобного противоречия, опора на предыдущий опыт обучающегося – сильную сторону конструктивистского подхода – не представляется возможной. Опыт по сути создается университетом заново – путем включения обучающихся в различные воспитательные мероприятия, посредством создания привлекательной социокультурной среды – создания социального контекста обучения [4].

Информационное пространство не дает обучающемуся основу для формирования идентичности, поскольку представляет собой смешение различных видов дискурсов, часто используемых как средство когнитивного воздействия на психику молодого человека. Информационная турбулентность и нарастание противоречий, сопровождаемые кризисом идентичности у обучающихся (а также и у некоторых преподавателей) становится причиной, по которой позиция преподавателя, реализующего «Обучение служением» будет смещаться от преподавателя-

«фасилитатора» (конструктивистский подход) в сторону традиционного учителя, выступающего в роли источника знаний и носителя традиционных ценностей [4]. Специфика работы фасилитатора заключается в одобрении любой мысли, которую выскажет обучающийся; любой инициативы, которую обучающийся сочтет нужным предложить. В контексте конструктивистской образовательной парадигмы данный подход к ведению дискуссии как раз способствует формированию ценностного релятивизма в отличие от аксиологической парадигмы, транслируемой российским образовательным сообществом.

В классическом понимании фасилитатор не является примером или ролевой моделью для участников группы. Более того, если обратиться к этимологии слова (от лат. *facilis* – легкий, простой), в функционал фасилитатора изначально входит именно обеспечение удобства и простоты, что не всегда соотносится с процессом передачи традиционных ценностей. Вторичное конструирование ценностей – а именно об этом процессе мы говорим в текущих реалиях – процесс зачастую не простой и не может и не должен быть таковым по своей сути. В ценностной образовательной парадигме учитель, наставник – это всегда ролевая модель и пример для подражания, что означает не столько моральное и нравственное превосходство, сколько осознание собственной ответственности за любое вербальное и невербальное поведение и социальной значимости собственного образа.

Важно также отметить, что роль фасилитатора подразумевает приоритет групповой работы – этот же постулат разделяет и методология «Обучения служением» за рубежом, а также методология проектного обучения. Однако для российской методологии «Обучения служением», на наш взгляд, должно быть предусмотрено и индивидуальное выполнение проекта, основанного на ценностных ориентирах.

Конструктивистский подход при реализации «Обучения служением» в российских государственных университетах имеет смысл применять в качестве отдельных методических инновационных приемов, как методику, методический инструмент, и применение его должно идти в сочетании с ценностно-ориентированным обучением.

Компаративный анализ содержания лингвоконцепта «служение» и термина «Обучение служением» в русском, английском и немецком педагогическом дискурсе. Для настоящего исследования анализ лингвоконцепта «служение» является инструментом выявления расхождений в понимании значений слова «служение», а также дискурсивного употребления с целью прогнозирования аксиологических несоответствий при трансфере методологии «Обучение служением» из западного научного дискурса в российский. Мы полагаем возможным с помощью лингвистического инструментария выявить причины осторожного отношения к термину «Обучение служением» большим количеством людей, которые впервые сталкиваются с ним.

При проведении компаративного анализа содержания лингвоконцепта «служение» с целью выявления его аксиологических оснований, мы обращались к словарям и корпусам на английском, русском и немецком языках. Выбор иностранных языков обусловлен тем, что в Германии и в США образовательный подход «Обучение служением» достаточно распространен [13].

В ходе анализа выделено два важных фактора, которые могут оказывать влияние на реализацию образовательного подхода в конкретной лингвокультуре.

В ходе анализа нами выделено два важных фактора, оказывающих влияние на реализацию образовательной политики.

Первый фактор связан с установленным нами **расхождением в семантических полях и аксиологических доминантах**. Анализ примеров из Национального корпуса русского языка позволяет сделать следующие выводы. В русском языке служение всегда относится к высшему и большему (*служение науке, служение театру, служение искусству*); высшее и большее при этом может быть абстрактной идеей или социальной группой (*служение обществу, служение общественному благу*). Важно, что служение связано с личным выбором агента служения, поскольку в само слово заложено значение жертвенности, отказа от части себя / от своих интересов ради чего-то более значимого. Религиозное значение служения – одно из наиболее частотных (*служение Богу, служение церкви, служение Момоне, служение вселенской Истине, служение истинному христианству, монашеское служение*).

Если углубляться в этимологический и сравнительный лингвистический анализ слова *служение*, то можно обнаружить следующие связи: в греческом языке слово служение – *διακονία*, а служитель – *διάκονος*, в латинском – *ministerium* и *minister* соответственно. Если исходить из ветхозаветной социальной модели, выраженной в данных словах, служение неразрывно связано не только с религиозной деятельностью и культом, но и с государственным управлением [14].

Если отталкиваться от значения служения в русском языке, можно обнаружить, что оно сохранило это первоначальное, достаточно полно отражающее традиционную парадигму социального устройства и государственного управления. Возможно, именно поэтому, когда обучающиеся и преподаватели понимают, в чем суть «Обучения служением», подавляющее большинство реагирует на идею аксиологического образовательного подхода положительно.

Немецкий термин, применяемый в контексте подхода «Обучение служением» *Engagement* (*заимствование из французского языка*) – вовлеченность (во что-то большее), направленная на социальные изменения, личное участие в общем деле по мировоззренческим соображениям, чувство долга по отношению к чему-л. (какой-л. идее). В рамках подхода «Обучение служением» с конца 2000-х гг. употребляется еще термин «*Bildung durch Verantwortung*» – образование/обучение через ответственность, под которым подразумевается ответственность вузов перед обществом [3; 15].

Анализ примеров из корпуса английского языка на основе Кембриджского словаря показывает следующие значения термина *service*: *услуга, служба* (государственная, в т. ч. военная), *служба* (религ.), *сервис, сервировка, обслуживание*.

Английский (американский) – *обслуживание, услуга, служба* (религ.), *служение* (как вклад в общественное благополучие, работа на общественных началах).

Таким образом, можно сделать вывод о сходстве значений «служения» между американским английским и немецким дискурсом, что во многом обусловлено общими религиозными христианскими идеями протестантизма и, возможно, отчасти католицизма.

Второй фактор проистекает из первого и проявляется в **терминологических различиях**. Использование в русскоязычном наименовании методики слова «служение», несущего мощный культурно-исторический и аксиологический багаж, изначально создает диссонанс с прагматичной ориентацией зарубежного подхода, фокусирующегося на практических навыках и гражданской активности. Это объясняет первоначальное негативное восприятие термина, которое, однако, сменяется позитивным, когда реципиенты знакомятся с сутью методологии, близкой традиционной для русской культуры парадигме социального служения.

Проведенный нами анализ подтверждает, что расхождения в содержании понятия «служение» являются критически важным элементом для прогнозирования и

минимизации аксиологических несоответствий при адаптации образовательных инноваций и их применения в образовательном процессе.

Социокультурный разрыв. Социокультурный разрыв, осложняющий внедрение подхода «Обучение служением» в России, наиболее рельефно проявляется при анализе лежащих в его основе культурных архетипов. Как справедливо отметил философ Павел Щелин, можно выделить два принципиально разных типа агентов служения: «Супергерой» и «Святой»¹. Эта метафора, по нашему мнению, является ключом к пониманию различий в восприятии служения в западном и российском дискурсе.

Архетип «Святой», сформированный православной традицией и историей, реализует служение как деятельность, онтологически сопряженную с сакральным смыслом и жертвенностью. Рассмотрим некоторые сущностные характеристики служения в соответствии с архетипом «Святой».

Служение характеризуется наличием трансцендентной цели и всегда обращено к чему-то высшему (Бог, Отечество, Истина, Народ как соборная общность), что придает ему надличностный характер. Служение «Святого» ориентировано на идеал соборного спасения (польза для всей «Святой Руси»), что коррелирует с ценностью коллективизма.

Неотъемлемым атрибутом является жертва (отказ от личных интересов, комфорта), возводящая служение в ранг духовного подвига. В основе лежит принцип кенозиса – сознательного самоуничтожения и отречения от собственной воли ради высшей цели. Иллюстрацией подобного служения может быть подвиг святых Бориса и Глеба или Сергия Радонежского.

Путь «Святого» – это результат глубокого внутреннего выбора и постоянной духовной работы над собой («умного делания»). Влияние на мир является не прямой целью, а естественным следствием внутренней святости и пребывания «в правде». По этой причине формальное, лишенное экзистенциальной глубины выполнение обязанностей воспринимается как фарс, профанация сакрального смысла. Решение проблемы не означает прекращение пути Святого. Путь Святого длится всю жизнь и устремлен в вечность.

Зарубежный дискурс, укорененный в протестантской этике и прагматизме, порождает иную модель: служение как эффективное действие. Дискурс, укорененный в традициях протестантской этики, прагматизма и гражданского общества, порождает архетип «Супергероя».

Важными характеристиками «Супергероя» являются внешняя сила и эффективность. «Супергерой» – это, прежде всего, эффективный менеджер социальных проблем. Его «служение» направлено на конкретное, видимое изменение мира к лучшему. Его сила часто воспринимается как некий внешний дар, талант или ресурс (*superpower*), который нужно реализовать.

Избранность «Супергероя» может быть не столько результатом внутреннего выбора, сколько бременем, случайно появившейся извне ответственностью. Акцент смещается с внутреннего преображения личности на внешнюю, проектную активность. Это соответствует логике *servant leadership* (сервант-лидерства), где лидер – это поставщик услуг для своей команды и общества, а не носитель сакральной миссии. История Супергероя заканчивается, как только исчезает угроза.

¹ Служение vs Свобода: В чём главный выбор русской интеллигенции? Павел Щелин - смотреть онлайн в поиске Яндекс по Видео.

Представленный выше сравнительный анализ не означает призыв к переносу методологии «Обучения служением» в религиозный дискурс, однако мы считаем необходимым подчеркнуть важность существующих различий в методологии, обусловленных междисциплинарными различиями. Разработка методологии «Обучения служением» возможна только с учетом исторического российского прошлого, когда служение приобретало конфликтную природу. Ярким примером является движение народничества 1870-х гг. и дальнейшее выделение российской интеллигенции в отдельную субкультуру². Движение «хождения в народ» изначально было актом служения, но это служение очень быстро приобрело двойственную природу³. С одной стороны, это была искренняя жертвенная попытка просвещения и помощи народу («светская аскеза» интеллигенции). С другой – оно стало формой идеологического и политического противостояния государству.

Упомянутый исторический прецедент демонстрирует ключевую проблему: в российском контексте служение «обществу» или «народу» при «умелом» управлении информационными потоками может приобрести манипулятивный характер, реализующий подмену ценностного содержания «Обучения служением». Это создает сложное семантическое поле, в котором необходимо четко разграничивать понятия и акцентировать созидательный потенциал служения через разные формы его реализации – индивидуальные и групповые, основанные на архетипе «Святого», понимаемого как служение целому, народу, Отечеству.

«Обучение служением» необходимо позиционировать как осмысленный акт ответственности и долга перед страной и ее культурой, укорененный в традиционных ценностях (патриотизм, коллективизм, приоритет духовного) при подчеркивании права реализации профессиональной и личностной свободы в выборе сферы проявления. Ценностное наполнение «Обучения служением» обеспечивает его плавное осознанное внедрение в образовательный ландшафт российского университета.

Заключение. Проведенное теоретико-методологическое исследование позволяет утверждать, что успешное внедрение и развитие ценностного подхода «Обучение служением» в российскую систему высшего образования детерминировано необходимостью осмысленного решения ряда фундаментальных проблем.

В результате междисциплинарного анализа, сочетающего лингвистические, философские и педагогические методы, были выявлены и охарактеризованы ключевые особенности, которые могут сформировать основу аутентичной российской методологии «Обучения служением»:

1. *Приоритет ценностной парадигмы при избирательном использовании конструктивистского инструментария.* Конструктивизм как целостная философско-педагогическая парадигма, с его риском ценностного релятивизма, не может быть положен в основу методологии, нацеленной на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако отдельные конструктивистские методы, в адаптированном варианте с учетом отечественного (в том числе советского) педагогического опыта для повышения активности и вовлеченности обучающихся в эту осознанную и практико-ориентированную деятельность, могут и должны применяться для повышения активности и вовлеченности студентов.

2. *Аксиологическое доминирование российского лингвоконцепта «Служение».* Компаративный анализ демонстрирует смысловое расхождение между русским

² Служение vs Свобода: В чём главный выбор русской интеллигенции? Павел Щелин - смотреть онлайн в поиске Яндекс по Видео.

³ Щелин, там же.

понятием «служение», неразрывно связанным с сакральным, жертвенным служением Высшему началу (Богу, Отечеству, Идее), и его функциональными эквивалентами в западных дискурсах («service», «Engagement»), тяготеющими к понятиям услуги, сервиса и социального участия. Это обуславливает принципиально различное понимание управленческих и образовательных парадигм.

3. *Учет специфики отечественного социокультурного и исторического контекста.* Российская методология призвана учитывать уникальный исторический опыт служения, в том числе опыт российской интеллигенции, и опираться на аутентичные модели, метафорически близкие к архетипу «Святого» (как осознанный личный выбор и внутренняя работа).

Таким образом, дальнейшее развитие «Обучения служением» в России видится в осмысленном заимствовании зарубежных моделей, в их аксиологической фильтрации и синтезе с отечественными педагогическими традициями. Сконструированная методология призвана служить стратегической цели российского высшего образования – формированию у выпускников профессиональных компетенций и устойчивой гражданской идентичности, основанной на традиционных ценностях. При условии преодоления выявленных разрывов «Обучение служением» сможет реализовать свой потенциал в укреплении идентичности российского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никольский В. С. Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре / В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 10. – С. 10-26. – DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26. – EDN GJVWAF.
2. Кулькова В. Ю. Реализация федеральной программы «Обучение служением» в проектном обучении: оценка результатов / В. Ю. Кулькова // Экономическая среда. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 45-51. – DOI: 10.22394/ee252.45-51. – EDN GKUNLX.
3. Mortari L., Ubbiali M. Service Learning: A Philosophy and Practice to Reframe Higher Education / L. Mortari, M. Ubbiali // Athens Journal of Education. – 2021. – No. 8. – P. 115-138. – DOI : 10.30958/aje.8-2-1.
4. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения / Я. А. Асланов, Л. С. Деточенко, А. П. Лепин, Е. В. Мартынова // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 8-9. – С. 63-83. – DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83. – EDN BYPLBV.
5. Дейкова Л. А. Программа «обучение служением» в российских вузах - истоки и перспективы / Л. А. Дейкова // Лучшие практики победителей Всероссийского конкурса "Золотые Имена Высшей Школы" : Сборник научных статей участников VI Национальной научно-практической сессии, Москва, 17 ноября – 22 2023 года. – Москва: Образование. Пресс, 2023. – С. 80-86. – EDN FURBCA.
6. Печегина Т. «Обучение служением». Мировой тренд приходит в Россию / Т. Печегина, А. Яшина // Позитивные изменения. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 15-25. – EDN FIIPKE.
7. Кружков Д. А. Потенциал «обучения служением» для подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства / Д. А. Кружков // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2024. – № 1. – С. 115-117. – EDN GRJKYJ.
8. Бухаров Д. С. Обучение служением: способ развития личностных компетенций будущего педагога / Д. С. Бухаров // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 5. – С. 259-265. – EDN UYFSBZ.
9. Горлова, Н. И. Обучение служением: методика формирования гражданской активности и социальной ответственности студенческой молодежи / Н. И. Горлова, Л. И. Старовойтова // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 2(40). – С. 17-31. – EDN ZPIKQQ.
10. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Д. И. Земцов, А. П. Метелев, А. В. Яшина [и др.]. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2023. – 24 с. – ISBN 978-5-7598-2788-7. – EDN QIPQVB.
11. Furco A. Service-learning: a balanced approach to experiential education [Электронный ресурс] / A. Furco // Expanding Boundaries: Serving and Learning. – Washington, DC: Corporation for National

Service, 1996. – P. 2-6. – URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128>. (дата обращения: 21.01.2026).

12. Никольский В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля / В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 12. – С. 9-28. – DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. – EDN PWWCVL.
13. Ryan R. M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. – New York: Guilford Press EBooks, 2017. – DOI: 10.1521/978.14625/28806.
14. Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура, Ж. Люпласи, А. Жоржа, П. Грело, Ж. Гийе, М.-Ф. Лакана [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.org/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskogo-bogoslovija>. (дата обращения: 19.01.2026).
15. Sporer Th., Eichert A., Brombach J., Apffelstaedt M., Gnädig R., Starnecker A. Service Learning an Hochschulen: das Augsburger Modell [Электронный ресурс] / Th. Sporer, A. Eichert, J. Brombach, M. Apffelstaedt, R. Gnädig, A. Starnecker. – URL: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A25701/attachment/ATT-0>. (дата обращения: 19.01.2026).

REFERENCES

1. Nikolskiy, V.S. (2025) Russian University in Search of Identity: Service as a Way of Being in Culture. *Higher Education in Russia*. 34(10), 10–26, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26. (In Russian).
2. Kulkova, V.Yu. (2025) Implementation of the Federal Program "Servicing training" in Project-based Learning: Results Evaluation. *Economic Environment*. 14(2), 45–51, doi: 10.22394/ee252.45-51. (In Russian).
3. Mortari, L., Ubbiali, M. (2021) Service Learning: A Philosophy and Practice to Reframe Higher Education. *Athens Journal of Education*. 8, 115–138, doi: 10.30958/aje.8-2-1.
4. Aslanov, Ya.A., Detochenko, L.S., Lepin, A.P., Martynova, E.V. (2024) Determinants of Success and Risks of Implementing the "Service Learning" Approach in a Project-Oriented Learning Environment. *Higher Education in Russia*. 33(8–9), 63–83, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83. (In Russian).
5. Deikova, L.A. (2023) [The Programme "Service Learning" in Russian Universities – Origin and Perspectives]. In: *Luchshie praktiki pobeditelei Vserossiiskogo konkursa "Zolotyie Imena Vysshei Shkoly": sbornik nauchnykh statei uchastnikov VI Natsional'noi nauchno-prakticheskoi sessii* [Best practices of the winners of the All-Russian competition "Golden Names of Higher Education": proceedings of the VI National scientific and practical session, Nov. Nov. 17 2023]. Moscow: Obrazovanie. Press, pp. 80–86. (In Russian).
6. Pechegina, T., Yashina, A. (2023) Service Learning: Global Trend Comes to Russia. *Positive Changes*. 3(3), 15–25. (In Russian).
7. Kruzhkov, D.A. (2024) Potentsial «obucheniya sluzhenieM» dlya podgotovki kadrov v sfere turizma i gostepriimstva [The Potential of Service-Learning for Tourism and Hospitality Professional Development]. In: *Integrirovannye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyi opyt* [Integrated Communications in Sports and Tourism: Education, Trends, and International Experience]. No. 1, pp. 115–117. (In Russian).
8. Bukharov, D.S. (2024) Service-Learning: A Way to Develop the Personal Competencies of a Future Teacher. *Modern Pedagogical Education*. 5, 259–265. (In Russian).
9. Gorlova, N.I., Starovoitova, L.I. (2024) "Service Learning": A Methodology for the Formation of Civic Engagement and Social Responsibility of Students. *TSITISE*. 2(40), 17–31. (In Russian).
10. Obuchenie sluzheniem: klyuchevye rezul'taty issledovaniya zarubezhnogo opyta [Service-learning: Key findings from a study of international experience:] (2023). In: *XXIV Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva* [Report for the XXIV Yasinsky (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development], Moscow, 2023 / D.I. Zemtsov, A.P. Metelev, A.V. Yashina [et al.]. Moscow: HSE, 24 p. ISBN: 978-5-7598-2788-7. (In Russian).
11. Furco, A. (1996) Service-learning: A Balanced Approach to Experiential Education. In: *Expanding Boundaries: Serving and Learning*. Washington, DC: Corporation for National Service, pp. 2–6. Retrieved from: <https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128>. (accessed: 21.01.2026).
12. Nikolskiy, V.S. (2023) Service Learning in Russia: Scoping Review. *Higher Education in Russia*. 32(12), 9–28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. (In Russian).
13. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). Self-determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Press EBooks, doi: 10.1521/978.14625/28806.

14. Slovar' bibleiskogo bogosloviya [Dictionary of Biblical Theology] / (ed. by) K. Leon-Dyufura, ZH. Lyuplasi, A. Zhorzha, P. Grelo, ZH. Giie, M.-F. Lakana. Retrieved from: <https://azbyka.org/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskogo-bogosloviya>. (accessed: 19.01.2026). (In Russian).
15. Sporer, Th., Eichert, A., Brombach, J., Apffelstaedt, M., Gnädig, R., Starnecker, A. Service Learning an Hochschulen: das Augsburger Modell. Retrieved from: <https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A25701/attachment/ATT-0>. (accessed: 19.01.2026).

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE EDUCATIONAL APPROACH "SERVICE-LEARNING" IN A RUSSIAN UNIVERSITY

D. A. Fursova, D. A. Demina, I. A. Guseynova, A. I. Gorozhanov

The study focuses on resolving the contradictions that arise when implementing "service-learning" in the Russian educational context. It is concluded that the development of a domestic "service-learning" methodology is based not on direct borrowing, but on the axiological adaptation of Western practices, their synthesis with the priority of traditional values and the domestic pedagogical tradition to overcome existing barriers and develop the civic identity of university graduates.

Key words: Service-learning, axiology of service, service-learning methodology, linguoconcept "Service", discourse analysis, archetypes of service agents

Поступила в редакцию 30.04.2026 г.

Фурсова Дарья Аветисовна

кандидат культурологии,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: da_fursova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4629-8506.

Fursova Darya Avetisovna

Candidate of Culturology,
FSBEI HE "Moscow State Linguistic University",
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-4629-8506.
E-mail: da_fursova@mail.ru

Демина Дарья Аркадьевна

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: dasha_k@mail.ru
ORCID: 0009-0003-5161-9831.

Demina Darya Arkadievna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE "Moscow State Linguistic University",
Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0003-5161-9831.
E-mail: dasha_k@mail.ru

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: ginnar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6544-699X.

Guseynova Innara Aliевна

Doctor of Philology, Professor,
FSBEI HE "Moscow State Linguistic University",
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-6544-699X.

Горожанов Алексей Иванович

Доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282.

Gorozhanov Alexey Ivanovich

Doctor of Philology, Associate Professor,
FSBEI HE "Moscow State Linguistic University",
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0003-2280-1282.
E-mail: a_gorozhanov@mail.ru

ПЕДАГОГ-НАСТАВНИК КАК НОСИТЕЛЬ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© 2026 Л. Е. Халудорова

ГАУ ДПО РБ «Бурятский республиканский институт образовательной политики»

В статье рассматривается роль наставника как носителя и транслятора духовно нравственных ценностей в современном образовательном и профессиональном пространстве. На основе анализа проблем сформулирована цель написания статьи – раскрытие сущности понятия наставника как носителя духовно-нравственных ценностей на основе моделирования и обоснование его значимости в формировании ценностных установок личности. Представлены нормативные источники про наставническую деятельность, проведен обзор литературы по данной проблематике. Новизна исследования заключается в том, что предпринята попытка разработать модель наставника как носителя духовно-нравственных ценностей, где актуализируются концептуальные основания, ключевые компоненты ценностно-ориентированного содержания, основные компоненты ценностно-ориентированного процесса наставничества, необходимые функции наставника, механизмы усвоения ценностей, компоненты ценностно-ориентированной результативности, а также условия, способствующие эффективной ее реализации. Использованы в исследовании метод анализа теоретических источников и метод моделирования.

Ключевые слова: педагог, наставник, духовно-нравственные ценности, носитель ценностей, модель наставника.

Введение. В последние годы в российском образовательном пространстве активно обсуждается вопрос о наставничестве. Это связано с тем, что он актуализируется во всех сферах деятельности. Это подтверждается «Концепцией развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 21 мая 2025 г. N 1264-р. [1]. В ней дано определение понятию «наставник» как носителю значимого опыта, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, осуществляющего наставничество в отношении наставляемого. Но на самом деле это определение идеальное, а в реальной действительности и в современном мире, характеризующемся глобализацией, цифровизацией, многополярностью, плюрализмом мировоззрения, ценностной неопределенностью, размытостью традиционных норм и границ между «добром» и «злом», утратой преемственности поколений, вопрос о моральном авторитете наставника существенно усложняется. Очевидным остается то, что в традиционной педагогической парадигме наставник являлся носителем устойчивых духовно-нравственных ценностей, передавая их через личный пример и авторитетное слово. А сегодня требования времени предполагают гибкий диалог, опору на индивидуальную траекторию развития, адаптацию к запросам современного поколения, использование инновационных педагогических стратегий, исследование механизмов трансляции ценностей без какого-либо давления, совместный поиск смыслов, а не прямолинейная дидактика. В этой связи появляется необходимость выявить и выяснить, как и каким образом наставник может эффективно транслировать духовно-нравственные ценности, сохраняя баланс между личным примером и диалогом с наставляемыми. Таким образом, можно констатировать противоречия между традиционной ролью наставника и современной моделью наставника-партнера. Целью написания данной статьи является раскрытие сущности понятия наставника как

носителя духовно-нравственных ценностей и обоснование его значимости в формировании ценностных установок личности.

При написании данной статьи были использованы метод анализа теоретических источников и метод моделирования.

Основная часть. В современных условиях, обозначенных выше, важную роль играет наставник, объединяющий в себе функции учителя, партнера, примера для подражания. В традиционном понимании педагогическое наставничество представляет собой процесс передачи знаний, навыков, ценностей от более опытного педагога к менее опытному. В отличие от формального подхода к обучению наставничество носит личностно-ориентированный характер и строится на взаимном доверии и уважении, предполагает взаимную эмоциональную вовлеченность и долгосрочное взаимодействие. Если обратиться к исследованиям Л.С. Выготского, А.К. Марковой и других ученых в области психологии и педагогики, то можно заметить, что они рассматривают педагога-наставника как носителя устойчивых нравственных принципов. Л.С. Выготский подчёркивает, что учитель должен быть не просто передатчиком знаний, а организатором социальной среды, которая способствует нравственному и личностному развитию ученика. По его мнению, воспитание должно быть направлено на формирование гражданина, а не только на передачу знаний. Он видит в педагоге носителя социальных и нравственных ценностей, который через организацию среды и взаимодействие с учеником влияет на его социализацию и моральное развитие [2]. А.К. Маркова выделяет три составляющие труда учителя: педагогическую деятельность, педагогическое общение и личность. Последняя включает ценностные ориентации, идеалы и внутренние смыслы работы. Профессиональная компетентность учителя, по ее мнению, предполагает сформированность всех трёх сторон его труда, включая личностную. Это означает, что педагог должен обладать устойчивыми нравственными принципами, которые определяют его профессиональную позицию и взаимодействие с учениками [3]. Таким образом, личность учителя влияет на атмосферу обучения и воспитания, а его нравственные качества становятся образцом для подражания учащимися. Они подчеркивают, что педагог-наставник не может быть нейтральным в нравственном плане — его личность и убеждения напрямую влияют на воспитательный процесс. Современные исследователи также рассматривают наставника как носителя духовно-нравственных ценностей через призму его роли в воспитании, передаче ценностей и формировании личности подопечного. Наставник в сфере духовно-нравственного образования — это высококвалифицированный педагог с многолетним опытом преподавания дисциплин духовно-нравственной направленности. Он способен оказать профессиональную помощь начинающим коллегам в диалоге взаимоуважения и сотрудничества [4]. Собственный пример педагога-наставника влияет на учеников гораздо сильнее, чем слова. Педагог, придерживающийся высоких стандартов этики и морали, становится для учащихся образцом для подражания. Его способность воплощать в жизнь духовные ценности через поступки и отношения с окружающими создаёт основу для формирования подобных ценностей у учащихся [5]. Формирование методологической готовности педагога-наставника к реализации задач по воспитанию духовно-нравственной личности может строиться на аксиологических основаниях (ценностных ориентирах) [6]. Идеальный преподаватель — это не только наставник, но и пример для подражания, специалист, готовый учиться вместе со студентами и менять педагогические приёмы в зависимости от их потребностей [7]. Уровень авторитета преподавателя определяется его нормами поведения и деятельностью, которые должны

являться ярким примером для подражания для учеников [8]. Роль духовно-нравственных качеств учителя в его профессиональной деятельности раскрывается через такие нравственные принципы, как гуманизм, справедливость, чувство долга [9]. В современных социокультурных условиях часто меняются представления педагогов о духовно-нравственных ценностях, но это лишь внешние изменения, а ядро базовых ценностей сохраняется. Об этом свидетельствуют результаты диагностических срезов педагогов-наставников из разных образовательных организаций [10]. Интерес представляет теоретический анализ значимости духовно-нравственных ценностей, которые будут полезными в наставнической деятельности педагога. Авторами работы выделены следующие структурные компоненты предлагаемой модели: готовность посвятить себя становлению подрастающего поколения, нацеленность на саморазвитие и постоянное совершенствование духовных и гражданских качеств [11]. Безусловно, формирование нравственной культуры педагога начинается еще в вузе, в процессе профессиональной подготовки студентов. При этом особое внимание обращается на формирование их ценностных ориентиров, этических принципов, необходимых для эффективной наставнической деятельности [12]. В статье З.Н. Ибрагимовой и М.С. Дутуевой раскрыта роль педагога-современника как носителя и проводника духовно-нравственных ценностей и созидательного труда. По их мнению, профессиональная миссия учителя выходит за рамки передачи знаний, транслируя базовые этические ориентиры, формирует у учеников базовые этические ориентиры, ответственное отношение к труду и ценностное восприятие социальной деятельности [13]. В статье Н.Е. Буланкиной затронуты вопросы о методологической готовности педагога-наставника к реализации духовно-нравственного воспитания современной молодежи [6]. Л.Н. Урбанович на основе учебных предметов, посвященных формированию духовно-нравственной культуры России, размышляет актуальность возвращения наставничества в сферу духовно-нравственного образования, сравнивает наставничество и тьюторство [15]. Эти работы еще раз подтверждают, что наставник не просто передает знания, но и служит живым примером и носителем нравственных и духовных ценностей, играет ключевую роль в формировании мировоззрения и ценностных ориентаций своих подопечных.

На сегодня очень мало трудов по вопросу о том, что педагог-наставник является именно носителем духовно-нравственных ценностей, хотя в контексте обсуждаемой темы можно развернуть содержание и вокруг традиционных российских ценностей, которые были озвучены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Согласно Указу, к традиционным ценностям относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [16, с.3]. Так, можно рассматривать наставника как носителя патриотических ценностей, гражданственности, гуманизма, милосердия, проявляющего чувство справедливости, коллективизма, исторической памяти и т.д. Можно сделать особый акцент на многофункциональной и компетентностной характеристике наставника в сфере духовно-нравственного образования. Все это требует особого изучения, анализа, поиска оптимальных и эффективных решений.

Одной из основных задач для достижения поставленной в данной работе цели явилась попытка разработки модели наставника как носителя духовно-нравственных

ценностей. Данная модель является описательной и состоит из следующих компонентов.

1. Социальный заказ. В период неопределенности и непредсказуемости в мире и социальных трансформаций молодому поколению необходима опора в виде устойчивых ориентиров и ценностных установок.

2. Цель: Совершенствование профессиональных компетенций педагога как носителя духовно-нравственных ценностей

3. Концептуальные ценностно-ориентированные основания

Данная модель строится на трех основных положениях:

- ценностно-ориентированный подход (трансляция наставником не только знаний, но и системы ценностей);

- личностно-деятельностная парадигма: усвоение и присвоение ценностей возможно посредством совместной деятельности наставника и наставляемого;

- принцип равноценности: обучение равного равным.

4. Ключевые компоненты ценностно-ориентированного содержания

1) Профессиональные качества наставника: компетентность, широкий кругозор, коммуникативные навыки и др.

2) Личностные качества наставника: устойчивые нравственные установки, эмпатия, ответственность, открытость к конструктивному диалогу, рефлексия собственных действий и их последствий.

3) Ценностное ядро: базовые ценности, которые наставник воплощает (честность и справедливость; уважение к личности и традициям; служение общему благу; гражданская ответственность; бережное отношение к патриотическим ценностям, природе и культуре, проявление гражданственности, гуманизма, милосердия, справедливости, коллективизма, исторической памяти, стремление к саморазвитию и др.).

5. Ключевые компоненты ценностно-ориентированного процесса наставничества

1) Роли в наставничестве:

- конструктор модели поведения (демонстрирует через собственные поступки ценности в повседневной деятельности);

- интерпретатор (помогает осмыслить сложные этические дилеммы через анализ кейсов);

- организатор диалога (создаёт пространство для обсуждения ценностных вопросов);

- навигатор (направляет подопечного в ситуациях морального выбора);

- носитель духовно-нравственных ценностей (предпочитает ценности при любых обстоятельствах);

- хранитель традиций (связывает современные реалии с культурным наследием);

- мотиватор к саморазвитию (побуждает к постоянному совершенствованию).

2) Методы и инструменты:

- совместная деятельность: проекты с социальной значимостью (волонтерство, наставничество младших);

- рефлексивные практики: анализ поступков через дневники, групповые обсуждения;

- традиции и ритуалы: символические действия, закрепляющие ценности (например, церемония посвящения);

- обратная связь: конструктивное обсуждение успехов и ошибок;

- организация реальных ситуаций с этической составляющей на основе личных встреч, коучинга, разбора индивидуальных кейсов; фокус-групп, тренингов, дискуссий, коллективных проектов и др.

6. Ключевые компоненты ценностно-ориентированной результативности

1) критерии эффективности деятельности наставника:

- аутентичность (согласованность слов и действий);
- степень влияния (изменение ценностных установок наставляемых);
- устойчивость результатов (сохранение ориентиров у наставляемых).

2) критерии эффективности деятельности наставляемого:

- проявление ценностей в поведении (например, инициативность в помощи другим);
- способность аргументировать нравственный выбор;
- рефлексивная грамотность (умение анализировать свои действия).

7. Условия успешной реализации модели

Поддержка среды: административная, научно-методическая, психологическая.

Подготовка наставников: обучение методам ценностного диалога и рефлексии.

Ресурсное обеспечение: время, площадки, инструменты оценки.

Обратная связь от участников: регулярный мониторинг и коррекция.

Заключение. Таким образом, обобщая изложенное выше, можно сделать следующие выводы.

Тема наставничества на сегодня очень актуальна. Изучены подходы к определению наставничества во всех сферах деятельности, в том числе и в системе образования, определены формы наставнической деятельности, данная проблематика обсуждается и на государственном уровне. Но мало исследований, посвященных определению того, что наставник является носителем духовно-нравственных ценностей.

Под духовно-нравственными ценностями в данной статье понимаются фундаментальные ориентиры, определяющие поведение педагога-наставника и его отношение к миру. Эти ценности не усваиваются механически – их освоение требует живого примера и осмысленного диалога.

Наставник выступает не просто источником знаний, но и хранителем духовно-нравственных традиций. Его роль важна в современном, постоянно изменяющемся мире, в периоды социальных трансформаций, когда молодому поколению требуется опора в виде устойчивых ориентиров.

Представлена модель наставника как носителя духовно-нравственных ценностей.

Дальнейшее изучение темы может быть направлено на разработку критериев оценки влияния наставника на ценностное развитие личности, а также на создание моделей наставничества для различных социальных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 мая 2025 г. № 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в РФ на период до 2030 г. и плана мероприятий по её реализации. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411951838/>
2. Выготский Л.С. Психология и учитель. Психологическая природа учительского труда. Хрестоматия по педагогической психологии. Уч. пос. для студ. / Сост. и вступ. очерки А. Красилю и А. Новгородцевой. – М., 1995. – С.253-258. – URL: https://koi.tspu.ru/koi_books/nikolskaya2/piupput.htm
3. Маркова А.К. Психология труда учителя : книга для учителя / А.К. Маркова. – Москва : Просвещение, 1993. – 193 с. – Психологическая наука – школе. – ISBN 5009-003639 - X.
4. Урбанович Л.Н. Компетентностная характеристика наставника в сфере духовно-нравственного образования / Л.Н. Урбанович // Калининградский вестник образования. – 2019. – С.30-39.
5. Сулейманова Р. В. Роль педагога в формировании духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи / Р. В. Сулейманова, З.Ш. Магомедова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. Т.11, № 6. – С.1-8.

6. Буланкина Н. Е. Методологическая готовность педагога-наставника к реализации духовно-нравственного воспитания современной молодёжи / Н.Е. Буланкина // Московский педагогический журнал. – 2023. – №4. – С.16-29.
7. Насонова Н. А. Роль преподавателя высшей школы в формировании духовно-нравственных качеств будущего специалиста / Н. А. Насонова, А. А. Заварзин, К. А. Ильичева // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018. – С. 278-281.
8. Скрынников Н. П. Роль преподавателя в формировании духовно-нравственных ценностей студентов вуза / Н.П. Скрынников // Проблемы педагогики. – 2019. – С.1-5.
9. Бойко И. Н. Духовно-нравственные ценности современного педагога / И. Н. Бойко // Московский государственный областной университет. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-sovremennogo-pedagoga/viewer> (дата обращения: 01.08.2026).
10. Дворецкая М. Я. Представление о духовно-нравственной компетенции педагогов школ / М. Я. Дворецкая, Н. Н. Суртаева, А. О. Турина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-duhovno-nravstvennoy-kompetentsii-pedagogov-shkol/viewer>
11. Ивашова В. А. Модель духовно-нравственных ценностей в профессиональной культуре современного педагога / В. А. Ивашова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 8 (134). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.134.91.
12. Торовец Е. А. Формирование нравственной культуры будущего учителя: этико-педагогический аспект / Е. А. Торовец // Педагогическое образование в России. – 2025. – № 6. – С.42 - 51
13. Ибрагимов, З.Н. Современный педагог как носитель и проводник духовно-нравственных ценностей и созидательного труда / З.Н. Ибрагимова, М.С. Дутуева // Учитель создает нацию: сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Махачкала – Грозный, 25 ноября, 2020). – Махачкала; Грозный. 2020. – С.56 -58.
14. Урбанович Л.Н. К вопросу о своевременности наставничества в сфере духовно-нравственного образования / Л.Н. Урбанович // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика и психология. – 2020. – Выпуск 59. – С.36-47.
15. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

REFERENCES

1. Order of the Government of the Russian Federation dated May 21, 2025, No. 1264-r "On Approval of the Concept for the Development of Mentoring in the Russian Federation for the Period up to 2030 and the Action Plan for its Implementation. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411951838/>
2. Vygotsky, L.S. (1995) Psychology and the Teacher. The Psychological Nature of Teacher Work. Anthology on Educational Psychology. Uch. pos. for stud. / Comp. and introd. essays by A. Krasilo and A. Novgorodtseva. - M. - P.253-258. https://koi.tspu.ru/koi_books/nikolskaya2/piupput.htm (In Russian).
3. Markova, A.K. (1993) Psychology of teacher labor: a book for the teacher/A.K. Markova. - Moscow: Enlightenment. - 193 p. - Psychological science - school. – ISBN 5009-003639 - X. (In Russian).
4. Urbanovich, L.N. (2019) Competence Characteristics of a Mentor in the Field of Spiritual and Moral Education / L.N.Urbanovich // Kaliningrad Bulletin of Education. 30-39. (In Russian).
5. Suleymanova, R. V., Magomedova Z. Sh. (2023) The Role of a Teacher in the Formation of Spiritual and Moral Values among Student Youth / R. V. Suleymanova, Z. Sh. Magomedova // World of Science. Pedagogy and Psychology. - Vol. 11 (6). - 1-8. (In Russian).
6. Bulankina N.E. (2023) Methodological Readiness of a Mentor Teacher to Implement the Spiritual and Moral Education of Modern Youth / N.E. Bulankina // Moscow Pedagogical Journal. 4. 16-29. (In Russian).
7. Nasonova, N. A. (2018) The Role of a Higher Education Teacher in Forming the Spiritual and Moral Qualities of a Future Specialist / N. A. Nasonova, A. A. Zavarzin, and K. A. Ilicheva // Higher Education in Russian Regions: Challenges of the 21st Century: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference (September 17, 2018, Ural Federal University, Yekaterinburg). — Yekaterinburg: Kabinetny Ucheny. pp. 278-281 (In Russian).
8. Skrynnikov, N. P. (2019.) The Role of a Teacher in the Formation of Spiritual and Moral Values among University Students / N. P. Skrynnikov // Problems of Pedagogy. 1-5. (In Russian).

9. Boyko, I. N. Spiritual and moral values of a modern teacher / I. N. Boyko // Moscow State Regional University. — 2020. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-sovremennogo-pedagoga/viewer> (In Russian).
10. Dvoretzkaya, M. Ya. (2026) The concept of the spiritual and moral competence of school teachers / M. Ya. Dvoretzkaya, N. N. Surtaeva, A. O. Turina. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavlenie-o-duhovno-nravstvennoy-kompetentsii-pedagogov-shkol/viewer> (In Russian).
11. Ivashova, V. A. (2023) Model of spiritual and moral values in the professional culture of a modern teacher / V. A. Ivashova // International Research Journal. 8 (134). – DOI: 10.23670/IRJ.2023.134.91. (In Russian).
12. Torovets, E. A. (2025) Formation of the Moral Culture of a Future Teacher: An Ethical and Pedagogical Aspect / E. A. Torovets // Pedagogical Education in Russia. 6. (In Russian).
13. Ibragimov, Z.N. (2020) Modern teacher as a carrier and conductor of spiritual and moral values and creative work / Z.N. Ibragimova, M.S. Dutueva//The teacher creates a nation: a collection of materials from the V International Scientific and Practical Conference (Makhachkala - Grozny, 2020). Makhachkala; Grozny. (In Russian).
14. Urbanovich, L.N. (2020) To the question of the timeliness of mentoring in the field of spiritual and moral education /L.N.Urbanovich // Bulletin of PSTSU. Series IV: Pedagogy and Psychology. - Issue 59. 36-47 (In Russian).
15. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022, "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." (In Russian).

A TEACHER-MENTOR AS A CARRIER OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

L. E. Khaludorova

The article examines the role of a mentor as a carrier and transmitter of spiritual and moral values in the modern educational and professional environment. Based on the analysis of the problems, the purpose of the article is to reveal the essence of a mentor as a carrier of spiritual and moral values through modeling and to justify their importance in shaping personal values. The article presents regulatory sources on mentoring activities and provides a review of the literature on this topic. The novelty of the research lies in the fact that an attempt has been made to develop a model of a mentor as a bearer of spiritual and moral values, where the conceptual foundations, key components of value-oriented content, key components of value-oriented mentoring process, key functions of a mentor, mechanisms for assimilating values, key components of value-oriented effectiveness, as well as conditions that contribute to effective its implementation. The study used the method of analyzing theoretical sources and the modeling method.

Key words: teacher, mentor, spiritual and moral values, value bearer, mentor model.

Поступила в редакцию 15.04.2026 г.

Халудорова Любовь Енжаповна
доктор педагогических наук, профессор,
ГАУ ДПО РБ «Бурятский республиканский
институт образовательной политики»,
г. Улан-Удэ, РФ
E-mail: haludorova.liubov@yandex.ru

Khaludorova Liubov Enzhapovna
Doctor of pedagogical sciences, professor.
SAI APE RB "Buryat republican institute of educational
policy",
Ulan-Ude, RF
E-mail: haludorova.liubov@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подается в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объем рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (emeljanova.n.n@bk.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее – 30 мм, нижнее – 30 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

Абзацный отступ – 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

- Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
- **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);
- Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).
- На следующей строке: официальное название организации (курсивом).
- Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 14+1(091)

ПРИНЦИП ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ХАЙДЕГГЕРА И СОЛОВЬЕВА

© 2026 *И.И. Иванов*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена сравнительному изучению онтологических идей Мартина Хайдеггера и Владимира Соловьева, которые старались преодолеть господствующую в их время философию позитивизма, поставив в центр своих философских учений принцип онтологической дифференции. Хайдеггер показывает, что бытие – это время, базовая характеристика субъекта сознания, присутствия в мире. Соловьев показывает, что бытие – это модус Сущего, каковым является только Бог. Таким образом, онтология Хайдеггера является философией бытийствующего субъекта, присутствия, человека в философско-антропологическом смысле. Онтология же Соловьева вырастает из Сущего (Бога). Имея общий полюс отталкивания, философы создают противоположные системы: в центре одной из них – человек, в центре другой – Бог. Так оба философа преодолели философию позитивизма, создав различные онтологические системы в немецком и русском культурном контексте.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, Мартин Хайдеггер, онтология, русская философия, немецкая философия.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

- **REFERENCES** списка литературы,
- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

THE PRINCIPLE OF ONTOLOGICAL DIFFERENTIATION IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF HEIDEGGER AND SOLOVIEV

I. I. Ivanov

The article is devoted to a comparative study of the ontological ideas of Martin Heidegger and Vladimir Solov'yov, who tried to overcome the dominant philosophy of positivism in their time, placing the principle of ontological differentiation at the center of their philosophical teachings. Heidegger shows that being is time, the basic characteristic of the subject of consciousness, presence in the world. Soloviev shows that being is a mode of Being, which only God is. Thus, Heidegger's ontology is the philosophy of the being subject, presence, man in the philosophical and anthropological sense. Soloviev's ontology grows out of Being (God). Having a common pole of repulsion, philosophers are aware of opposing systems: in the center of one of them - man, in the center of the other - God. Thus, both philosophers overcame the philosophy of positivism, creating various ontological systems in the German and Russian cultural context.

Key words: Vladimir Soloviev, Martin Heidegger, ontology, presence, Russian philosophy, German philosophy

Поступила в редакцию 12.01.2026 г.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Иванов Иван Иванович Доктор философских наук, профессор. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ. ORCID: 0000-0000-0000-0000. E-mail: i.ivanov@mail.ru	Ivanov Ivan Ivanovich Doctor of Philosophy, Professor. FSBEI HE “Donetsk State University”, Donetsk, RF. ORCID: 0000-0000-0000-0000 E-mail: i.ivanov@mail.ru.
--	--

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец:

Иванов И.И. Принцип онтологической дифференции в философских концепциях Хайдеггера и Соловьева.

Ivanov I.I. The principle of ontological differentiation in the philosophical concepts of Heidegger and Soloviev

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: Емельянова Наталия Николаевна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого государственного университета (E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru).

Ответственный секретарь: Разумный Виталий Витальевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонГУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

**Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки**

Научный журнал

2026. – № 3

На русском и английском языках

Технический редактор: *М.В. Фоменко*

Подписано к изданию 18.09.2026

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.